

2

Русская речь

1975

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 2, 1975 март — апрель

В номере:

В. П. Даниленко, В. Н. Хохлачева. Словарь языка В. И. Ленина	3
А. Н. Кожин. Крылатые слова — публицистическое оружие В. И. Ленина	11
А. Н. Шустов. Зеркало русской революции	17
Н. Б. Бахилина. Об использовании В. И. Лениным некоторых евангельских изречений	22
О. А. Мизин. Обращения в произведениях В. И. Ленина	29
Н. Г. Михайловская. Книги по языкознанию в личной библиотеке В. И. Ленина	35

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. В. Одинцов. «Зачинщик русской повести» (О языке прозы Бестужева-Марлинского)	43
Л. А. Гладышева. «Лица необщее выражение»	50
А. Н. Захаров. Поэтическое слово Есенина	55
М. Н. Нестеров. Знаток народного говора	62
М. А. Бакина. Новообразования в современной поэзии	67
Е. А. Морозова, Г. А. Цветов. Развернутая метафора в стихах Вл. Солоухина	76
Е. П. Ходакова. Просторечные слова	80

К МЕЖДУНАРОДНОМУ ДНЮ ТЕАТРА

Пятьдесят лет на сцене МХАТа	
А. И. Степанова	85
П. В. Массальский	88

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Беседы о русском произношении	91
В. В. Лопатин. Об одной разновидности аффиксов в русском языке	93
К. Флекенштейн. Роль русского языка в воспи- тании молодежи ГДР	98

ВЫДАЮЩИЕСЯ ЯЗЫКОВЕДЫ

Э. М. Ахунзянов. Лев Петрович Якубинский . . .	102
--	-----

СЛОВАРИ

О. Д. Кузнецова. Смоленский областной словарь	109
О. И. Фоякова. О словаре собственных имен в ав- тобиографической трилогии М. Горького	114

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Е. И. Голанова. Субботник	117
Е. Н. Этерлей. Овощ садовый и фрукта огородная	121
И. Ф. Мазанько. Верху и низу	126

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

С. А. Клепиков. Юбилейная филигрань	132
Н. М. Носков. День рождения Букваря	133

ШКОЛА

М. В. Ионина. Типичные ошибки в сочинениях абитуриентов	136
Лингвистическая миниатюра	140

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

Консультирует член-корреспондент АН СССР Р. И. Ава- несов	145
--	-----

ХРОНИКА

М. А. Галманова. Призы «Русской речи»	146
Ю. Ф. Хаустова. Новая книга	149
Практикум по стилистике	42, 74
Ответы на вопросы Практикума, помещенного в Рус- ской речи № 1, 1975 108, 116, 130, 131, 160	

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

В городе Камне-Каширском или Камень-Каширском? Анатомировать... голос; Маэстро; Пластуны; Гидроним и псевдоним	151
--	-----

На обложке:

Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске.

Рисунок Ю. Космынина

СЛОВАРЬ ЯЗЫКА В. И. ЛЕНИНА

В Институте русского языка Академии наук СССР начата работа над Словарем языка Владимира Ильича Ленина. Составителям Словаря предстоит провести всю подготовительную работу для лексикографического труда, примеров которому еще не было в истории отечественной науки.

Язык В. И. Ленина — величайшего политического деятеля, вождя пролетарской революции, гениального ученого, выдающегося организатора и самого человеческого человека — представляет чрезвычайно сложное явление. Имея свой яркий индивидуальный стиль, язык В. И. Ленина в то же время представляет собой важный этап в истории развития общерусского литературного языка, прежде всего

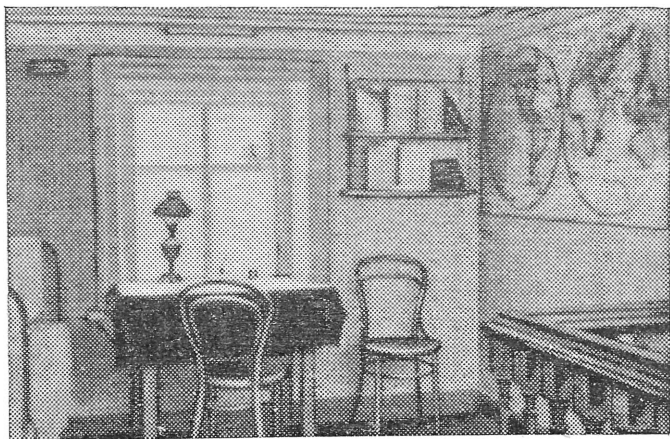
его научных и публицистических стилей и жанров. Поэтому Словарь языка В. И. Ленина должен быть построен таким образом, чтобы, наряду с отражением индивидуально ленинского (в рамках возможного в лексикографическом труде), показать язык Ленина как достояние и языковое воплощение целой исторической эпохи.

В Институте русского языка АН СССР, в специальной Группе по созданию Словаря языка В. И. Ленина в течение двух лет усилия исследователей сосредоточены на разработке принципов построения Словаря, которые позволили бы отразить язык В. И. Ленина с необходимой полнотой весьма скупыми и строго регламентированными средствами лексикографии. В основу этих принципов положены идеи члена-корреспондента АН СССР лауреата Ленинской премии Федота Петровича Филина, директора Института русского языка АН СССР. Им же осуществляется научное руководство работой над Словарем.

Приняты основные положения, определяющие тип и задачи Словаря, в целом разработаны приемы лексикографической подачи материала. Изложение принципов и технических приемов оформления словарных статей содержится в Проекте словаря языка В. И. Ленина. К числу общих положений относятся следующие: 1. По охвату лексического материала Словарь языка В. И. Ленина будет полным: в него включается лексика произведений В. И. Ленина (Полного собрания сочинений в 55 томах), знаменательные и служебные слова (существительные, глаголы, прилагательные, наречия, местоимения, числительные, союзы, предлоги и частицы). Исключением явятся только имена собственные, употребленные в их прямой функции. 2. Расположение слов в Словаре алфавитное. 3. По своему типу Словарь языка В. И. Ленина определяется как словарь филологический. Это означает, что слова, вошедшие в Словарь, будут истолкованы в своих значениях, во всех оттенках значений и некоторых особенностях употребления. 4. По характеру и приемам толкования значений слов Словарь является дифференциальным.

Толкования различаются в зависимости от семантического характера слов, их грамматической и жанрово-стилистической принадлежности и экспрессивной выразительности. Выделяется несколько групп слов, для которых устанавливаются типовые определения.

Слова общелитературные, общеобиходные, которые в ленинском употреблении не отличаются от употреблений

Комната Владимира Ильича
(Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске)

общезыковых: вечер, дрова, небо, хороший, важный, смотреть, идти, близко, около, чтобы, он, пять, -де и т. п. В этой группе выделяются слова однозначные и многозначные. К однозначным словам определения не даются — их смысл подкрепляется цитатами из произведений В. И. Ленина. Для многозначных слов, имеющих развитую систему значений, будут даваться краткие определения.

Слова, имеющие двойное применение. С одной стороны, в части своих употреблений они смыкаются с первой группой и отражают общеобиходное употребление, с другой, — в иных контекстах — они имеют терминологическое применение, обозначая экономические, социальные, философские и другие специальные понятия. Сюда можно отнести слова: земля, жизнь, движение, вещь, лошадь, корова, самовар, сундук, я и т. д. Использование их как терминов будет выделено в словарной статье как особое значение: земля — «земельные угодья», лошадь — «рабочий скот», корова — «молочный скот» как экономические понятия; самовар, сундук как продукт ремесленно-промышленного производства; движение, жизнь, вещь, я — как философские понятия, и т. д.

Слова, относящиеся исключительно к сфере идеологии, философии, политики, экономики, — собственно термины

или близкие им по характеру наименования предметов и понятий. Например: абсолют, абстракция, агностицизм, базис, бытие, воспроизводство, гносеология, государство, действительность, диалектика, диктатура, дуализм, закономерность, идеализм, идеология, империализм, категория, класс, коммунизм, марксизм, материализм, материя, мышление, нация и многие другие. Истолкование значений этих слов по необходимости включает элементы энциклопедического определения.

Особой лексикографической подачи и в частности определения значения потребуют слова, именующие явления общественно-политической и экономической жизни общества на определенном этапе его развития (конец XIX — начало XX вв.). Эти слова условно называют «историзмами», поскольку они не составляют постоянный лексический пласт языка, а, напротив, выходят из употребления. Только немногие из них сохранились в языке, в словарях, учебниках истории и др. Таковы названия некоторых политических партий, группировок, фракций и их последователей: меньшевики, кадеты, эсдеки, землевольцы, веховцы, махисты, юмисты, берклианцы и т. д.

Большинство же таких слов без следа ушло из языка, не попало ни в один словарь. Без сомнения можно сказать, что для многих современных читателей слова: бабувизм, брентанизм, беззаглавцы, вильсонизм, вильсонист, лонгетисты, новожизненцы, макиавеллизм, полуюмисты, укрепленцы и т. п. окажутся мало известными по своему содержанию. В Словаре все слова такого типа будут снабжены толкованиями, раскрывающими содержательный смысл их и «мотив» образования каждого данного слова.

Слова, экспрессивно окрашенные, эмоционально насыщенные, например: галиматъя, подножка, мерзавец, кропатель, подлый, пинки, переть, лакейство, душонка, болтовня и т. п., а также сложные слова и сочетания имен с приложением, которые войдут в Словарь как самостоятельные слова, например: архидобродетельный, архиглупый, торгашески-трезвый, зубры-помещики, министры-клоуны, обер-поп, обер-вешатель, горе-марксисты, тоже-марксисты и другие, составляя в ряде случаев совершенно особый лексикографический объект (сложные слова и сочетания имен с приложением), получают в Словаре свое истолкование в соответствии с принятыми правилами и приемами.

Золотая медаль,
полученная
Владимиром Ульяновым
по окончании гимназии

Известно, какие блестящие образцы полемического искусства и ораторских приемов содержат многие произведения В. И. Ленина. Эти черты стиля В. И. Ленина, составляя его индивидуальность, реализуются в образном и переносном словоупотреблении, своеобразных сравнениях и ироническом или шутливом использовании слов. Разработаны и приняты для Словаря, а отчасти будут дополняться и уточняться приемы, отмечающие особенности ленинского употребления (в пределах лексикографических возможностей).

Устанавливается незыблемое правило для Словаря в целом: значения слов определяются на основе текста Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Этим достигается раскрытие собственно ленинского понимания слова, истолкование смысла, вложенного в слово самим Лениным. Но это не исключает использования данных авторитетных специальных словарей и справочных изданий, в том числе редакционных комментариев к Полному собранию сочинений. Предполагаются консультации со специалистами в области философии, экономики, истории, социологии и других наук при определении соответствующих терминов.

Характерной особенностью языка В. И. Ленина является предельная ясность и логика изложения. Достигается это многими средствами, среди которых немаловажную роль играют ленинские определения понятий, которыми он оперирует. Так, можно напомнить, что статья «Политический шантаж» (т. 34, стр. 90) начинается следующими фразами: «Шантажом называется вымогательство денег под угрозой разоблачения каких-нибудь фактов или вымышленных «историй», могущих быть неприятными разо-

благаемому, или под угрозой причинения ему каких-либо других неприятностей.

Политический шантаж есть угроза разоблачением или разоблачением фактических, а чаще вымышленных «историй» в целях политически нанести ущерб, оклеветать, отнять или затруднить противнику возможность политической деятельности». Подобных определений в произведениях В. И. Ленина очень много. В. И. Ленин определяет такие понятия как теоретик, политик, идеолог. Многие ленинские определения стали классическими и вошли в современную научную терминологию, в толковые специальные словари. Примером может служить определение понятия «класс». «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» (т. 39, стр. 15. Великий почин).

Все толкования понятий, данные В. И. Лениным, будут использованы в Словаре в качестве определений к словам. Ленинские определения в Словаре выделяются особым лексикографическим приемом. Этот материал представит, с нашей точки зрения, уникальную ценность.

Вводя новое слово, В. И. Ленин заботится о правильном понимании его — нередко дает этимологическую справку о нем или разъясняет смысл. Например, «...гилокинетика (от греческих слов *hyle*-материя и *kinesis*-движение,— т. е. признание физических явлений движением материи)...» (т. 18, стр. 302). «Фидеистами (от латинского слова *fides*, вера) называют во Франции тех, кто ставит веру над разумом» (т. 18, стр. 271). В Словаре предполагается учесть и воспроизвести в соответствующих словарных статьях все разъяснения подобного рода, данные В. И. Лениным.

В качестве примера приведем словарную статью на слово *беззаглавец*.

Беззаглавец, - вца, м. Член полукадетской, полуменьшевистской группы русской буржуазной интеллигенции, сложившейся в период начавшегося спада революции

1905—1907 годов [по названию издававшегося в Петербурге в январе — мае 1906 г. политического еженедельника «Без заглавия»]. «Начнем с перечня сколько-нибудь значительных политических партий (или, пожалуй, типов партий) в порядке от «правых» к «левым». 1) Союз русского народа, монархисты и т. п. 2) Правопорядцы. 3) Октябристы. 4) Мирнообновленцы. 5) Партия демократических реформ. 6) Кадеты. 7) Свободомыслящие, радикалы, беззаглавцы и т. п. 8) Трудовые народные социалисты. 9) Социалисты-революционеры. 10) Максималисты. 11) Социал-демократы — меньшевики и большевики» (т. 14, стр. 22. Опыт классификации русских политических партий). «Кадетский писатель, „труды“ которого нельзя не упомянуть при изложении данного вопроса, — г. С. Проккопович. Правда, он, собственно говоря, „беззаглавец“, выступающий — подобно большинству писателей буржуазной газеты „Товарищ“ — то в качестве кадета, то в качестве меньшевика, социал-демократа» (т. 16, стр. 209. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов).

Словарь языка В. И. Ленина должен, по мнению составителей, представить интерес для разных кругов читателей. Словарь, несомненно, будет полезен филологам, изучающим язык произведений В. И. Ленина с филологических позиций. Для работников идеологического фронта Словарь может послужить справочным пособием, поскольку в нем будет отражена вся лексика, связанная с идеологией марксизма-ленинизма. Словарь станет полезным справочником и для переводчиков произведений Ленина на другие языки, особенно славянские. Не менее интересным окажется он и для широкого читателя.

Читатель получит представление о лексическом богатстве произведений Владимира Ильича, поскольку Словарь зафиксирует все слова, употребленные автором во всех произведениях, включенных в 55 томов Полного собрания сочинений. Читатель узнает, сколько слов составили активный словарный запас такого автора как В. И. Ленин, какими конкретно словами пользовался автор.

Даже простое знакомство со словником Словаря раскрывает перед читателем картину необычайного богатства лексических средств языка Ленина. Словарный состав Полного собрания сочинений В. И. Ленина включает слова, относящиеся к самым разнообразным лексическим пластам русского языка — от терминов, называющих слож-

нейшие научные понятия, до обиходных и даже просторечных слов, использованных в особых стилистических целях. В Словаре будут даны определения ко всем терминам и исчерпывающее перечисление значений, оттенков значений и особенностей употребления каждого ленинского слова. Перед читателем раскроется во всем своем смысловом многообразии каждое употребленное В. И. Лениным слово. Проникновение в смысловую глубину ленинского слова поможет полнее осознать величие и мощь бессмертных идей вождя.

В соответствии с принятыми принципами построения Словаря создается картотека, представляющая собой собрание карточек-цитат на каждое ленинское словоупотребление. Пока еще не известно, сколько слов будет содержать словник Словаря, но уже известно, что картотека будет иметь около 5,5 миллионов карточек-цитат. Каждая карточка является точной копией текста, извлеченного из Полного собрания сочинений В. И. Ленина и размноженного типографским (воспроизводится с клише) способом в количестве ста экземпляров. Каждая карточка содержит сто или около ста словоупотреблений, но на ней подчеркивается только одно слово. Все карточки в картотеке располагаются по алфавиту подчеркнутых слов.

Собрание таких карточек в целом и составляет картотеку Словаря.

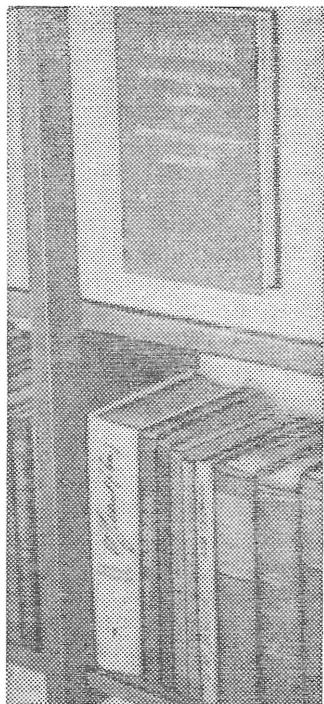
В ближайшие два-три года запланировано создание картотеки в ее окончательном виде. В процессе создания и главным образом после ее завершения составители Словаря приступят к написанию словарных статей.

*В. П. ДАНИЛЕНКО,
В. Н. ХОХЛАЧЕВА*

Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочеты или недостатки или пробы?

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений,
т. 40, стр. 49

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА— ПУБЛИЦИСТИ- ЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ В. И. ЛЕНИНА

Публицистические труды В. И. Ленина адресованы широкой аудитории, они понятны и близки миллионам трудящихся. В. И. Ленин обладал «особым навыком и умением прямо и без всяких околичностей подходить к сути любого вопроса. Именно эта особенность обуславливала исключительную простоту и, так сказать, прозрачность его литературного языка. И, вероятно, трудно найти другого писателя, который в такой степени строго следовал бы совету Некрасова: „Мысли просторно — словам тесно“» (Г. М. Кржижановский. Великий Ленин. М., 1968).

Слово — боевое оружие публициста, средство правдивого изображения социальных сторон действительности и партийной оценки изображаемого. Оно должно мобилизовать и вдохновлять народные массы на борьбу за переустройство жизни, за торжество идеалов широких масс трудящихся. «... Ни один живой человек, — подчеркивал В. И. Ленин, — не может не становиться на сторону того

или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений...» (Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 547—548). «Народу надо говорить правду» (т. 32, стр. 15), — не раз указывал В. И. Ленин и подчеркивал, что «без „гнева“ писать о вредном — значит, скучно писать» (т. 48, стр. 78).

Экспрессивность и эмоционально-оценочная насыщенность публицистического повествования создается умелым отбором выразительных средств русского языка. В публицистических трудах В. И. Ленин обращается к крылатым словам, придавая им определенное социально-политическое звучание. Крылатые слова при этом претерпевают некоторые смысловые преобразования.

Часто в публицистическое повествование вводятся выражения разговорной речи. Сближаясь с лексикой общественно-политического содержания, они получают политическую окраску и служат для усиления оттенков несдобрительной экспрессии. Именно в этой роли выступает выражение *разбить (разбивать) себе лоб* при словах *равенство, демократия, всеобщее голосование, чистая демократия*; такое употребление способствует усилению обличительного пафоса, направленного в адрес раболепствующих перед буржуазной демократией функционеров мелкобуржуазных соглашательских партий. Это особенно ярко выражено в работе В. И. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата»: «Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами... ни разбивали себе лба перед богинями „равенства“, „всеобщего голосования“, „демократии“, „чистой демократии“ или „последовательной демократии“, от этого не исчезнет экономический и политический факт *неравенства* города и деревни» (т. 40, стр. 5).

Обличая «желтую» прессу, отстаивающую интересы имущих классов под камуфляжем демократических лозунгов и революционной фразеологии, В. И. Ленин часто пользуется выражениями разговорной речи: «Газеты капиталистов запугивают, кричат с пеной у рта против большевиков...» (т. 32, стр. 74); «...Вся капиталистическая пресса страны подняла вой» (т. 32, стр. 96); «Победы кадетов вскружили голову нашей либеральной печати» (т. 12, стр. 273).

Употребление оборота разговорной речи может сопровождаться авторским разъяснением, например, в границах слова: «Итальянская социалистическая партия за время войны сделала громадный шаг вперед, т. е. влево» (т. 37, стр. 113); или в объеме сочетания: «Учредительное собрание старого образца и референдумы старого образца ставили своей задачей объединить волю всей нации и создать возможность дружно жить волкам и овцам, эксплуататорам и эксплуатируемым» (т. 35, стр. 307); или в виде устойчивого словосочетания: «Левые эсеры, как указали предыдущие ораторы, попали в неприятное положение: шли в комнату, попали в другую» (т. 36, стр. 494); а также посредством сравнения, сопоставления или уподобления: «Меньшевики и эсеры петушком побежали за кадетами, как собака поползли на хозяйский свист, под угрозой хозяйского кнута» (т. 34, стр. 84). Авторское разъяснение может быть метафоризировано для того, чтобы повысить образность контекста, сгустить сатирические краски повествования: «...Противоречиво поведение самой мелкобуржуазной демократии, которая не знает, где ей сесть, пробует усесться между двух стульев, перескакивает с одного на другой и падает то направо, то налево» (т. 38, стр. 137).

Выражение разговорно-бытовой речи может сопровождаться развернутым комментарием, переводящим содержание народного изречения в сферу общественно-политической жизни и привлекающего внимание читателя (слушателя) к животрепещущим вопросам текущей политики: «Мы вспоминаем пример, когда старые люди говорят: „Выросли детки, детки вышли в люди, можно умирать“. Мы умирать не собираемся, мы идем к победе, но когда мы видим таких деток, как Венгрия, в которой уже Советская власть, мы говорим, что мы уже свое дело сделали не только в русском, но и в международном масштабе...» (т. 38, стр. 262).

В работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» обнажается фальшивый характер понятия «революционная демократия», часто употребляемого функционерами мелкобуржуазных соглашательских партий; этому во многом способствует удачное употребление выражений *слава богу, почтенный гражданин*: «Слово „революционная демократия“ стало у нас (особенно у эсеров и меньшевиков) почти что условной фразой, вроде выражения: „слава богу“, которое употребляется и людьми, не настолько невеже-

ственными, чтобы верить в бога, или вроде выражения: „почтенный гражданин“, с которым обращаются иногда даже к сотрудникам „Дня“ или „Единства“, хотя почти все догадываются, что газеты эти основаны и содержатся капиталистами в интересах капиталистов и что поэтому участие в них якобы социалистов имеет в себе очень мало „почтенного“» (т. 34, стр. 165—166).

Структура устойчивого оборота речи может подвергаться определенной деформации, усиливающей экспрессивную окраску. Известное выражение *авгиевы конюшни* так используется В. И. Лениным: «Так что, ежели меня будут изобличать, что от Скалдина я принимаю наследство, то я вправе буду ответить, что я обязуюсь лишь *очищать* его от примесей, а сам-то я в стороне стою и, кроме чистки разных авгиевых дворов, у меня еще более приятные и более положительные занятия есть...» (т. 46, стр. 19).

В устойчивом обороте речи может изменяться грамматический облик слова: глагол в форме прошедшего времени может заменяться формой настоящего времени. «Но Сапронова, Осинского и К° нельзя брать всерьез, когда эти — по-моему, высокоценные — работники перед каждым партсъездом („кажинный раз на эфтом самом месте“) впадают в какой-то лихорадочный пароксизм, стараются крикнуть обязательно громче всех (фракция „громче всех крикунов“) и торжественно садятся в калошу» (т. 42, стр. 243).

В. И. Ленин народное изречение часто приводит в сокращенном виде, и это усиливает экспрессивную насыщенность выражения: «...Завтра Милюков положит „ноги на стол“ и сведет Совет к круглому нулю» (т. 31, стр. 299; сравните: Пусти свинью за стол, она и ноги на стол); «Теперь... контрреволюционность кадетов, этой главной партии либеральной буржуазии, ясна как день» (т. 32, стр. 385; Это ясно как божий день).

Иногда нарицательное имя в структуре крылатой фразы может подменяться собственным, что усиливает оценочный заряд публицистического контекста, нацеливая его в адрес того или иного политического деятеля. Так используется крылатое выражение *услужливый дурак опаснее врага* в работе В. И. Ленина «Услужливый либерал» (т. 9, стр. 71):

Хотя услуга нам при нужде дорога,
Но за нее не всяк умеет взяться,
Не дай бог со Струве связаться,
Услужливый Струве опаснее врага!

В структуру крылатого выражения может включаться слово, посредством которого назидательный смысл литературного изречения приобретает общественно-политический характер: «Война затягивается, разруха грозит, капиталисты наживаются, меньшевики и народники говорят и грозят, грозят и говорят... Кот-Васька (капиталисты) слушает да ест» (т. 32, стр. 212; сравните крыловское: А Васька слушает да ест).

Экспрессивность крылатого изречения может усиливаться путем нарушения порядка слов: «Теперь, когда в правительство вошли „социалистические“ министры, музыка пойдет не та — так уверяли и уверяют нас оборонцы. Не прошло и нескольких дней, как фальшь этих уверений начала раскрываться» (т. 32, стр. 62; крыловское выражение из басни «Квартет»: Тогда пойдет уж музыка не та).

В отдельных случаях крылатое изречение свободно пересказывается автором: «Пусть моськи буржуазного общества, от Белоруссова до Мартова, визжат и лают по поводу каждой лишней щепки при рубке большого, старого леса. На то они и моськи, чтобы лаять на пролетарского слона. Пусть лают. Мы пойдем себе своей дорогой...» (т. 36, стр. 193; крыловское выражение: Ай, Моська, звать она сильна, козь лаёт на слона; а также народное: Лес рубят — щепки летят). Такое употребление крылатых слов повышает действенность полемических средств в борьбе с политическими противниками: «Каледин издевался над меньшевиками и эсерами, которые вынуждены были молчать. Им плюнул казачий генерал в физиономию, а они утерлись и сказали: „божья роса!“» (т. 34, стр. 127; народное выражение: Плюй в глаза, а он — божья роса).

Часто крылатые слова выступают в роли образного стержня большого контекста, придавая всему повествованию публицистическую направленность: «Милые бранятся — только тешатся; не принципиальная борьба, а конкуренция одинаково беспринципных партий — вот что *приходится* сказать по поводу теперешних попреков кадетов октябристам в связи с „переговорами“ конца 1905 года» (т. 20, стр. 328; пословица: Милые бранятся — только тешатся).

Меткое речение может выступать в роли образного заключения темы: «Нет сомнения, что подобная заметка могла проскользнуть только против воли буржуазии. Ей невыгодны такие „разоблачения“. Но — шила в мешке не утаишь» (т. 34, стр. 37). При таком употреблении крылатых

слов может усиливаться иронический комментарий в адрес идейных противников партии рабочего класса: «И народ угощают опять обещаниями, комиссиями, собраниями представителей рабочих и промышленников (не поровну ли?), начиная паки и паки сказку про белого бычка!» (т. 32, стр. 128); «Конечно, если слова: Революция и Восстание писать с большой буквы, то это „ужасно“ страшно выходит, совсем как у якобинцев. И дешево и сердито» (т. 32, стр. 230).

Когда крылатые слова выступают в роли сказуемого, то усиливают образно-характеристическую тональность изображаемого (направление общественно-политической деятельности, насущные вопросы текущей политики): «Левонародники пускают песок в глаза „мужичку“, смешивая вопрос о свободе мобилизации с защитой „изъятия земли из товарного кругооборота и обращения ее в общенародное достояние“» (т. 25, стр. 157).

Крылатые слова в функции подлежащего обычно усиливают обличительную направленность публицистического выступления: «Такие волки в овечьей шкуре — худшие враги трудящихся, они на деле, хотя бы и звались меньшевиками, эсерами или беспартийными, друзья капиталистов» (т. 38, стр. 375).

Устойчивые фразеологические обороты, пословицы, поговорки, афористические изречения, литературные цитаты, употребляемые В. И. Лениным, придавали революционную страстность, необыкновенную живость и образность языку его публицистических произведений: «Большевики с великим трудом двигают вверх по крутой горе наш партийный воз. Ликвидаторы-голосовцы изо всех сил тащат его назад, под гору. *На возу* сидит примиренец. Вид у него умильный, умильный; лицо — сладенькое, сладенькое, совсем как у Иисуса Христа. Вся фигура — воплощенная добродетель. И, скромно опустив очи долу, воздевая руки горé, примиренец восклицает: „благодарю тебя, господи, что я не похож на *этих* — кивок по адресу большевиков и меньшевиков — злокозненных фракционеров, мешающих всякому движению вперед“. А воз двигается понемногу вперед, и на возу сидит примиренец» (т. 20, стр. 352—353).

Жемчужины народной мудрости у В. И. Ленина превращались в перлы публицистического творчества и обогащали народную речь выражениями, насыщенными общественно-политическим звучанием. Так, в общелитературное употребление вошло выражение *человек с ружьем*, отра-

жившее новое отношение к солдатам, защищающим интересы революции. Это новое содержание выражения *человек с ружьем* раскрывается в докладе В. И. Ленина на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: «...Ко мне обратился один финн и сказал: „Знаете, какую оригинальную вещь сказала эта старуха? Она сказала: теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне“.

Когда я это услышал, я сказал себе: пускай сотни газет, как бы они там ни назывались — социалистические, почти-социалистические и пр., пускай сотни чрезвычайно громких голосов кричат нам: „диктаторы“, „насильники“ и т. п. слова. Мы знаем, что в народных массах поднимается теперь другой голос; они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров» (т. 35, стр. 269).

А. Н. КОЖИН

ЗЕРКАЛО РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В. И. Ленин посвятил творчеству Л. Н. Толстого семь статей, в которых дал подробный и глубокий анализ творчества великого русского писателя. Исключительно важное значение этих ленинских работ раскрыто в трудах многих советских исследователей. В настоящей статье мы остановимся на анализе лишь названия первой ленинской работы. Точнее, на метафоре *зеркало*.

В самом деле, откуда это *зеркало*?

В. А. Западов в своих «Наблюдениях над литературной работой В. И. Ленина» так пишет по поводу первой его статьи о Толстом: «...Ленин начал ее с заглавия, смысл которого разъясняют вступительные фразы текста...

сравнение с зеркалом найдено удачно». Высоко оценив идейно-смысловые и художественные достоинства метафоры *зеркало*, В. А. Западов ничего не говорит об истории появления ее в ленинской работе.

В 1908 году Россия широко отмечала 80-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. О юбилее заговорили почти все русские газеты и журналы еще в марте месяце, как только был разослан специальный циркуляр о нем, то есть на полгода раньше самого события (28 августа). В. И. Ленин был в это время в эмиграции. Однако за жизнью в России он следил очень внимательно.

В апреле 1908 года, чрезвычайно загруженный работой, В. И. Ленин писал М. Горькому: «Что если бы Вы фельетончик закатили о Толстом...», и далее: «...читаю по целым дням распроклятых махистов, а статьи в газету пишу неимоверно наскоро» (Полное собрание сочинений, т. 47. стр. 154). В «фельетоне», по-видимому, предполагалось дать отповедь реакционной сущности толстовства.

Вся легальная пресса России откликнулась на юбилей Толстого. Но она вовсе не рассматривала его творчество в социальном плане, а ограничилась оценками толстовства. Исключение из всей этой юбилейной трескотни, «до тошноты переполненной лицемерием» (которая, кстати сказать, и самому Толстому была крайне неприятна), представляет статья В. Г. Короленко, напечатанная им в августовской книжке «Русского богатства» за 1908 год.

Именно в этой статье Короленко пишет: «Обыкновенно принято сравнивать художественные произведения с зеркалом, отражающим мир явлений... Художник — зеркало, но зеркало живое. Он воспринимает из мира явлений то, что подлежит непосредственному восприятию». И далее: «...Зеркало должно быть ровно, прозрачно и чисто, чтобы явления внешнего мира проникали в его глубину не изломанные, не извращенные и не тусклые»; «...воспринимающая поверхность нашего художественного зеркала за последние годы как будто искривилась, покрылась ржавыми пятнами, извратилась на разные лады и в разных направлениях». Как художник Толстой остался, по мнению Короленко, «кристально чистым». Отмечая противоречия Толстого-философа, Короленко считает, тем не менее, что это зеркало чистое, не искажающее русской действительности.

В. И. Ленин в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» пишет: «Сопоставление имени великого

Лев Толстой, как зеркало русской
революции.

Сопоставление мысли великого художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно? Но наша революция — явление чрезвычайное и необычайное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много сознательных эгоистов, которые только явно не признают происходившего, трагически ступившись от неприятия исторической задачи, подталкивая перед ними ходом событий. И если перед нами действительно

Первая страница рукописи В. И. Ленина
«Лев Толстой, как зеркало русской революции» — 1908 г.

художника с революцией, которой он явно не понял, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным. Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно?» (Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 206—213). Статья В. И. Ленина и посвящена раскрытию противоречий великого писателя, разоблачению слабых сторон его идеологии с позиции революционной России. «Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие»; «Толстой смешон, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества... Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, ко-

торые сложились у миллионов русского крестьянства». «Противоречия во взглядах Толстого... действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции».

Первым источником, откуда В. И. Ленин мог почерпнуть метафору *зеркало*, применительно к Толстому, можно считать статью Короленко, давшую наиболее глубокий анализ творчества писателя в немарксистской литературе.

Заметим, кстати, что метафора эта применительно к художественному творчеству имела в России определенные традиции. Именно в начале 1908 года вышел сборник литературных пародий и шаржей А. А. Измайлова «Кривое зеркало» (вспомним, что это были годы реакции, и многие литературные *зеркала* искривились). Заглавие книги Измайлова позже было перенесено на эстрадный театр пародий, открытый З. В. Холмской в Петербурге в том же 1908 году. Об этом театре в 1909 году писал В. В. Воровский.

В конце августа 1908 года вышла девятая книжка «Вестника Европы». На первой же странице ее было помещено стихотворение А. М. Жемчужникова «Льву Николаевичу Толстому»:

Твой разум — зеркало. Безмерное оно,
Склоненное к земле, природу отражает:
И ширь, и глубь, и высь, и травку, и зерно...
Весь быт земной оно в себе переживает.
Работа зеркала без усталости идет.
Оно глядит в миры — духовный и телесный...
В нем отразился мир с подробностями весь;
Ему препоны нет, ни сумрака, ни дали...

Жемчужников — гражданский поэт «второго плана». В свое время он был одним из создателей образа и произведений знаменитого Козьмы Прутков. Позже сотрудничал в некрасовских «Отечественных записках». С Толстым его связывала полувековая дружба. В 1900 году Жемчужников и Толстой были избраны почетными академиками.

Стихотворное послание к юбилею Толстого явилось своеобразным прощанием Жемчужникова со своим старым другом. Оно написано 5 марта, а 25 марта Жемчужников скончался. В редакционных примечаниях к стихотворению в «Вестнике Европы» говорилось, что Жемчужников... «хотел... сначала представить ему [Толстому] настоящее стихотворение в рукописи, а только уже после этого

поместить в печать. Как мы знаем, семья покойного так и распорядилась». Получил ли Толстой рукопись стихотворения — не известно: сведений об этом не сохранилось. Известно лишь, что 30 августа он читал в «Вестнике Европы» послание Жемчужникова, которое «умилило» его.

Это была первая публикация послания, и многие читатели смогли познакомиться с ним в дни юбилея.

В. И. Ленин был знаком с творчеством Жемчужникова. В журнале «Жизнь» за 1900 год в № 2 был помещен портрет поэта и критико-биографический очерк о нем. В этом же номере опубликовано окончание статьи В. И. Ленина «Капитализм в сельском хозяйстве» (подпись Вл. Ильин). Тогда же, в 1900 году, вышел второй поэтический сборник Жемчужникова «Песни старости», а в 1908 году уже после смерти поэта — «Прощальные песни». Еще в 1897 году в журнале «Книжки „Недели“» в № 5 было напечатано стихотворение Жемчужникова «Завещание», в котором осуждались разногласия в русском либеральном движении:

Меж тем как мы вразброд стезею жизни шли,
На знамя, среди толпы, наткнулся я ногою,
Я подобрал его, лежащее в пыли,
И с той поры несу...

Мысль о единстве революционных сил была особенно дорога В. И. Ленину. В книге «Что делать?» (1902) он прямо говорит о том, что надо немедленно ликвидировать период разброда и шатания в русском социал-демократическом движении.

Естественно, не могло и не прошло мимо пристального внимания В. И. Ленина и поэтическое сравнение Жемчужникова личности и творчества Толстого с зеркалом, в котором «отразился мир с подробностями весь». Творчество писателя — зеркало его души, но для В. И. Ленина — это не субъективные качества личности, а объективный процесс. «Зеркальные свойства творчества и учения Толстого, соответствие наследия Толстого реальному ходу жизни вызывают необходимость соединить анализ трудов великого художника с анализом самой объективной действительности» (В. Я. Кирпотин). И Ленин блестяще сделал это в первой же своей статье о Толстом, которая явилась одной из форм большевистской борьбы за Толстого, но против толстовщины.

«Лев Толстой, как зеркало русской революции» — юбилейная статья. Она резко отличается от всего остального, что писалось о Толстом не только в 1908, но и в

1910 году — после его смерти. Писал ее Ленин после официального юбилея, имея в руках газетные и журнальные статьи, выводы которых он подверг уничтожающей критике. Юбилейные материалы о Толстом печатались с марта месяца, и В. И. Ленин внимательно следил за ними. Сопоставление статьи В. И. Ленина со статьей Короленко и стихотворением Жемчужникова позволяет отнести начало работы над ней к первым числам сентября.

Использование В. И. Лениным легальных русских изданий «по горячим следам» — лишнее доказательство четкой и оперативной партийной информации, свидетельство того, что и в эмиграции у В. И. Ленина ни на один день не прерывалась связь с событиями в России.

А. Н. ШУСТОВ
Ленинград

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В. И. ЛЕНИНЫМ НЕКОТОРЫХ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ИЗРЕЧЕНИЙ

Когда мы читаем В. И. Ленина, нас поражает выразительность и образность его языка. Эта выразительность достигается разными средствами, в том числе использованием в очень широком смысле литературных образов, введением литературных героев (с их прямой или несобственно-прямой речью), введением цитат и изречений из литератур разных времен и народов. Некоторые старинные изречения могут быть современному читателю непонятны или не вполне понятны. В таком случае полезен лингвистический комментарий, фон, на котором не только или не столько яснее было бы значение слова (оно так или иначе определяется в словарях), сколько тот образ, тот символ, который выражается при помощи этих литературных вставок.

В качестве примера можно привести использование В. И. Лениным евангельских изречений: *Толцызге и отверзется; Врачу, исцелися сам; Гроб повапленный; Благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей* и других. Мы остановимся на двух последних.

Выражения *гроб повапленный* и *благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей* (в таком виде или в вариантах) В. И. Ленин использует в ряде своих статей, бичуя лицемерие и ханжество либеральничавшей буржуазии, представителей различных фракционных группировок, оппортунистов II Интернационала, разоблачая лживость царизма, его внешний мишурный блеск при внутренней гнилости и прочее, например: «Военное могущество самодержавной России оказалось мишурным. Царизм оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела,— того самого дела, которому царизм отдавался всей душой, которым он всего более гордился, которому он приносил безмерные жертвы, не стесняясь никакой народной оппозицией. Гроб повапленный — вот чем оказалось самодержавие в области внешней защиты, наиболее родной и близкой ему, так сказать специальности» (Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 156).

«Картина: петербургское рабочее восстание победило. Самодержавие свергнуто. Провозглашено временное революционное правительство. Вооруженные рабочие ликуют при возгласах: да здравствует временное революционное правительство! В стороне стоят новоискровцы и, вознося горé свои целомудренные очи, бия себя в свои морально-чуткие сердца, изрекают: благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей, что мы не осквернили себе уста такими сочетаниями слов...» (т. 10, стр. 30—31). (См. также *Гроб повапленный*: т. 12, стр. 397; т. 16, стр. 140; т. 25, стр. 173; *Благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей* (или варианты этого выражения): т. 14, стр. 229; т. 16, стр. 162; т. 26, стр. 245; т. 43, стр. 234).

Не всякому современному читателю знакомо выражение *гроб повапленный*, вряд ли понятно слово *повапленный*. Слово *повапленный* (причастие от глагола *повапить*) русское, давно вышедшее из употребления, родственное со словами *вап*, *вапна* 'краска; известь' (а также *вана* 'грязь'), *вапить* 'писать, расписывать красками; белить известью', *вапница* 'доска для растирания красок', *вапсало*

‘румяна, притирания’. В древнерусских памятниках найдем примеры употребления этих слов: «Се въпросимъ бысть от нехытраго образописца, побѣли ли домъ свои, а ти пришедь украшу вапомъ. Он же реч(е) ни по преже напиши, а после помажи» (Пчела. XIV в.); «И пришедь к блаженому сказа вещь дивну тако глаголя: отецъ мои аффриканъ сдѣла крестъ, а на немъ изобрази богомужное подобие христово написаниемъ вапнымъ» (Киево-Печерский патерик. 1406).

Выражение *гроб повапленный* буквально значит ‘гроб покрашенный’ (заметим кстати, что В. И. Ленин употребляет это выражение в варианте с переведенным на современный русский язык словом — крашенный гроб, т. 6, стр. 340). Значение этого словосочетания в словарях определяется так: «О ком, чем-либо, скрывающем под привлекательной внешностью нечто мерзкое, вызывающее отвращение (17-томный Словарь)». Это выражение является по происхождению евангельским изречением, им обличают лицемеров: «Горе вамъ, книжницы и фарисее лицемѣри, яко подобитесь гробомъ повапленнымъ, иже внѣуду убо являются красны, внутрюду же полни суть костей мертвыхъ и всякия нечистоты» (Евангелие от Матфея 27, 23).

Впрочем, слово *повапленный* в древнерусском языке используется, видимо, довольно широко и не только в составе указанного евангельского изречения, но и в сочетаниях с другими существительными: «Лутше есть в хлѣвине жити съ правдою, нежели в повапленныхъ храмѣхъ бес правды» (Измарагд. XVI в.); «Онъ же, Никонъ, дмяся своею гордостью, себѣ здѣлалъ колесницы поваплены и позлащены; а того у прежнихъ святыхъ пастырей не бывало» (Н. Субботин. Материалы для истории раскола. XVII в). Издавна слово *повапленный* употребляется и в переносном значении не только о вещах, но и по отношению к людям: «Бо они что выдали супротивъ церкви нашей? Книжки, своими силогизмами поганскими поваплены и софистичьки превращающе и растлѣвающе апостольскую теологию» (Письма Курбского. XVII в.); «Весьма извѣстно, что ласкатель для лучшаго уловления занимаетъ имя друга, подделывается под его голосъ... но скинь съ него маску, прикрывающую его лицо, то увидишь, что онъ не иное что есть, какъ только повапленный льстець, не имеющий ни стыда, ни усердия и ищущий въ тебѣ одной собственной своей пользы» (О ласкательствѣ. 1770).

Кажется, что в слове *повапленный*, как и в других словах этого корня есть какой-то элемент эмоционально-экспрессивной окраски, какой-то оттенок неодобрения, который идет скорее всего не от евангельского текста, а заключен в значении самого слова. Может быть, не случайно, что семантическое ответвление от основного значения слова проявляется в значениях *вапа* 'грязь', *ваплюха* 'грязная, неряшливая женщина' (Словарь В. Даля; Церковнославянский словарь Г. Дьяченко). И *вапить* и *повапленный* употребляются часто не в нейтральных контекстах, а именно в тех случаях, когда действие осуждается: «[Цесарь Филипъ] нѣкоего антипатрова друга пристави с судьями судити, потомъ же поразумѣвъ извѣстно, яко вапомъ красить браду и главу и сведе и от судиискаго стола, рече аще власомъ своимъ невѣренъ еси, то како людемъ и суду вѣренъ можеши быти» (Пчела. XIV в.); «Такожъ прокудливая жена нѣравомъ змяя василиска, ибо прехитро себя украшаетъ, но приятни сандалия обуваетъ и вежда своя ощицѣляетъ, и духами учинить и лице и выю вапами повапить и черности во очесѣхъ себѣ украсить» (Беседа отца с сыном. XVII в.); «И крайние самые архиереи яко повапленные болваны будутъ, глупы и неучительны» (Н. Субботин. Материалы для истории раскола).

Несомненно, что именно значение неодобрения, осуждения составляет сущность выражения *гроб повапленный*, что и позволяет его употреблять для обличения лицемерия, лжи, ханжества. Разумеется, смысл ленинских высказываний ясен и без длительных комментариев, ясно, например, противопоставление внешнего лоска либеральничающих «демократов» и их внутренней неприглядности в статье «Памяти графа Гейдена»: «Ваши слова о свободе и демократии — напускной лоск, заученные фразы, модная болтовня или лицемерие. Это размалеванная вывеска. А сами по себе вы — гробы повапленные. Душонка у вас насквозь хамская, а вся ваша образованность, культурность и просвещенность есть только разновидность квалифицированной проституции. Ибо вы продаете свои души и продаете не только из нужды, но и из „любви к искусству“!» (т. 16, стр. 40). Но как по-иному освещается, окрашивается текст, если читатель понимает смысл этого необычайно выразительного, красочного изречения.

Выражение *благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей* (или варианты его), которое В. И. Ленин неоднократно использует в своих работах, взято из еван-

гельской притчи о мытаре и фарисее. В. И. Ленин, обращаясь к своим современникам, мог свободно оперировать евангельскими изречениями, не боясь быть непонятым, в его время всякий, кто хоть сколько-нибудь учился в школе, в обязательном порядке изучал так называемый «закон божий», то есть жизнь и учение Христа, основы христианского учения.

Можно думать, что не всякому современному человеку известно слово *мытарь*, как, впрочем, и самая притча. Историк, лингвисту и человеку, имевшему дело с древнерусскими текстами, это слово известно, как и другие однокорневые с ним. В древнерусском языке существовали слова *мыт*, *мыто* 'пошлина за проезд или провоз товаров', *мытница* 'место сбора этой пошлины', *мытник* 'сборщик пошлин'. Слово *мытарь* употребляется преимущественно в книжных текстах, оно обозначает сборщика податей. Современные словари определяют это слово так: «В церковных текстах — сборщик податей, откупщик в Иудее, также сборщик мыта в древней Руси» (17-томный Словарь). Ввиду того, что сборщики податей позволяли себе большую несправедливость по отношению к населению, выжимая нередко последнюю копейку, «они пользовались ненавистью населения» (Г. Дьяченко. Церковнославянский словарь).

В древней Иудее человека, сделавшегося сборщиком податей, изгоняли из религиозной общины, к которой он принадлежал, мытарей там «уравнивали с язычниками» (там же). Следует полагать, что часть мзды могла мытарями присваиваться, поэтому они снискали славу не только мучителей, но и лихоимцев. Вот как оценивает мытарей один из древних памятников: «Съ въпросимъ, котории звѣри пуще; и отвѣща иже от живущихъ въ лѣсѣхъ медвѣдь и люти звѣрье, а въ градѣхъ мытареве и кле(ве) тници» (Пчела. XIV). В одном из русских деловых памятников откупщики сравниваются с этими древними мытарями: «Також в нашихъ дворцовыхъ селахъ... проѣзжая пошлины и мыты и мостовщины сами держат и на откупы отдають и ти откупщики врази богу и человекомъ немилосердиемъ ревнують прежнимъ окаяннымъ мытаремъ» (Акты Пыскорского монастыря. XVII в.).

В современном русском языке слово *мытарь* не сохранилось, но сохранились производные *мытарство*, *мытарствовать*. Слово *мытарство* очень старое, известно в наших древних памятниках, хотя используется там ограниченно, чаще во множественном числе в совершенно определен-

ном смысле, как обозначение мучений, которые претерпевает душа умершего, прежде чем достигнет небес (воздушные мытарства), а также как отвлеченное существительное к *мытарь*, обозначающее состояние, положение мытаря.

Современные значения слова *мытарство* 'мучение, страдание' вообще и особенно 'скитания, связанные с лишениями, бедствиями' (17-томный Словарь), вероятно, развились довольно поздно. Во всяком случае наши академические словари (Словарь Академии Российской; Словарь 1867 года) этих значений не дают, а определяют *мытарство* как 'обман, плутовство': 1) застава, место взятия мыта; 2) в просторечии берется за обман, плутни.

Изменение в значении слов *мытарство*, *мытарствовать*, изменение субъектно-объектных отношений в словах с древним корнем *мыт-*, *мытар-* приводит к тому, что допускается переосмысление древнего слова *мытарь*. Не случайно поэтому молодые люди на вопрос, кто такой мытарь, отвечают: «Тот, кто мытарствует, тот, кто мучается».

Впрочем, в данном случае недостаточно выяснить значение неизвестных слов. Для того, чтобы понять смысл изречения, которое В. И. Ленин неоднократно использует, избличая лицемерие и ханжество, необходимо несколько детальнее выяснить ситуацию, о которой идет речь. Как уже было упомянуто, В. И. Ленин использует здесь известную евангельскую притчу о мытаре и фарисее. Мытарь — это сборщик податей, но в то же время это типичный образ притеснителя, лихоимца, насильника, обидчика, то есть великого грешника. Фарисей — представитель религиозной секты, в которую входили зажиточные слои населения древней Иудеи. Они отделялись от прочей массы, считая ее слишком преданной делам житейским. Отличаясь внешним благочестием, фарисеи снискали славу лицемеров, так как во всем руководствовались личными интересами, и благочестие их зависело от благоприятных обстоятельств.

В притче о мытаре и фарисее рассказывается: два человека вошли в храм, чтобы помолиться, один фарисей, другой мытарь. Фарисей стал молиться таким образом: «Боже, хвалу тебе воздаю, что я не таков, как прочие люди грабители, обидчики, прелюбодеи или такие вот как этот мытарь. Я пощусь в субботу, даю десятую часть от всего, что приобретаю». Мытарь же, стоя вдалеке, не смел даже

глаза возвести к небу и только бил себя в грудь, говоря: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику».

Чтобы понять изречение, мало знать, кто такой мытарь, а нужно знать ситуацию, о которой идет речь, ведь мытарь — вообще символ притеснения, мучителя — в данном случае являет образец христианского смирения, тогда как фарисей — образец высокомерия, ханжества. В данном случае в этой паре «мытарь — фарисей» первый представляет положительный пример, второй — отрицательный.

В. И. Ленин, употребляя выражение *благодарим тебя господи, что мы не похожи на этих мытарей*, обличает лицемерие, ханжество, фарисейство меньшевиков, кадетов, оппортунистов II Интернационала. Только понимая полностью смысл изречения, мы поймем весь пафос обличения, весь сарказм, которым проникнуты строки В. И. Ленина, посвященные вождям II Интернационала: «Ссылка Каутского на Вальяна и Геда, Гайндмана и Плеханова характерна еще в одном отношении. Откровенные империалисты, вроде Ленча и Гениша (не говоря уже об оппортунистах), ссылаются именно на Гайндмана и Плеханова в оправдание *своей* политики. И они *вправе* ссылаться на них, они говорят *правду* в том отношении, что это действительно одна и та же политика. Каутский же с пренебрежением говорит о Ленче и Генише, этих радикалах, повернувшихся к империализму. Каутский благодарит бога, что он не похож на этих мытарей, что он не согласен с ними, что он остался революционером — не шутите! А на деле позиция Каутского такая же. Лицемерный шовинист Каутский, с слащавыми фразами, гораздо омерзительнее простоватых шовинистов Давида и Гейне, Ленча и Гениша» (т. 26, стр. 245).

Н. Б. БАХИЛИНА

Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих.

В. И. Ленин. Полное собрание сочинений,
т. 46, стр. 12

ОБРАЩЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. ЛЕНИНА

Обращение по происхождению и функционированию — принадлежность прежде всего диалогической речи, употребленное же в монологической речи оно является одним из конструктивных и стилистических признаков публицистического стиля русского языка.

В произведениях В. И. Ленина обращения выполняют ряд специфических функций. В целом их можно подразделить на две группы: 1) обращения к трудящимся массам: рабочим, крестьянам, солдатам (позже к красноармейцам), а также к товарищам-единомышленникам, членам социал-демократической партии, к большевикам, коммунистам; 2) обращения к идейным противникам и классовым врагам.

В. И. Ленин строго разграничивает обращения *господин*, распространенное в среде дореволюционной интеллигенции, но чуждое рабочим и особенно крестьянам, и *товарищ*, постепенно утвердившееся при обращении к единомышленникам. О внимании В. И. Ленина к классово-партийному содержанию обращения *товарищ* свидетельствуют его слова: «Но нет ли *еще* типографской ошибки в перепечатанном мной особом листке? Не следует ли вместо *тов.* Маслова читать *г-на* Маслова? Ведь Плеханов объявил печатно, что люди, отступающие от Маркса, для него не товарищи, а господа! Или к *меньшевикам*, проповедующим отступление от марксизма, это не относится?» (Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 258).

В. И. Ленин пишет страстные слова о революционном товариществе: «Да! Мы признаем долг товарищества, долг

поддержки всех товарищей, долг терпимости к мнениям товарищей, но для нас долг товарищества вытекает из долга перед русской и перед международной социал-демократией, а не наоборот» (т. 4, стр. 254).

В. И. Ленин социально направленно использует в обращении к меньшевикам слово *господин*, выражая свое отношение к ним на разных этапах борьбы. Есть свидетельства, что большевистские редакторы, в частности М. С. Ольминский, нередко смягчали ленинские обращения, например *товарищи новоискровцы* первоначально звучало *господа новоискровцы* (т. 10, стр. 42).

Во время первой русской революции В. И. Ленин, находясь с Г. В. Плехановым в одной партии, обращался к нему дифференцированно, намеренно отделяя его от кадетов: «Не начать ли нам поэтому торговаться с кадетами о „разумной“ крестьянской программе, — как вы думаете, товарищ Плеханов? как вы полагаете, господа Бланки и Изгоевы?» (т. 12, стр. 341).

И все же сам факт соположения двух различных обращений в однотипной конструкции к марксисту Плеханову и к кадетам снимает впечатление контраста и объективно осуждает первого.

В полемике против неправильных взглядов Маслова выбор обращения к нему определяется характером подчеркиваемой мысли. Прямо отвергая его доводы, Ленин обращается: «Путаете, г. Маслов!» (т. 16, стр. 239); взывая к его социал-демократическому сознанию — «Стыдитесь, тов. Маслов!» (т. 17, стр. 253).

Обращение *товарищ* (и *товарищи* в различных сочетаниях) к массам и единомышленникам составляет больше половины всех обращений В. И. Ленина (в Полном собрании сочинений более двух тысяч случаев использования обращений).

Наиболее частотна форма *товарищи*. До революции это обращение впервые было употреблено в листовках и в воззваниях к рабочим. В прокламации, адресованной рабочим петербургской фабрики Торнтонна, В. И. Ленин писал: «Товарищи, не будьте слепы, не попадайтесь в хозяйскую ловушку, крепче стойте друг за друга...» (т. 2, стр. 72). Оно употребляется как в устных выступлениях на съездах, конференциях, митингах, так и в письмах членам партии, в партийные органы печати. После Октября обращение *товарищи* интенсивно вытесняет все дру-

В. И. Ленин.
Петроград,
Смольный,
31 января
1918 года

гие и становится преобладающим в устной и письменной речи В. И. Ленина.

Обращение *товарищи* обычно начинает высказывание, где оно выполняет собственно звательную функцию, являясь необходимым элементом речевого этикета, и может быть отнесено к языковым универсалиям.

Одновременно В. И. Ленин использовал при обращении к массам и лексически дифференцированные наименования: рабочие, работницы, пролетарии, крестьяне, солдаты, матросы, трудящиеся, красноармейцы. Заголовок статьи: «Товарищи-рабочие! идем в последний, решительный бой!» (т. 37, стр. 38). Более чем в десяти случаях это словосочетание соединено дефисом, подчеркивающим для читателя большую слитность понятий, а последующее высказывание ассоциируется со словами пролетарского гимна и благодаря обращению получает сугубо актуальное звучание.

Использует В. И. Ленин в обращении к массам и словоформу *братья*: «Неужели мы будем еще сносить покорно наше иго, сносить войну между классами капиталистов? Неужели мы будем затягивать эту войну, становясь на сторону своих национальных правительств, своей национальной буржуазии, своих национальных капиталистов и тем разрушая международное единство рабочих всех стран, всего мира?»

Нет, братья-солдаты, пора нам открыть глаза, пора взять самим в руки свою судьбу» (т. 31, стр. 294).

В зачинах писем, приветствий, посланий к рабочим, коммунистам В. И. Ленин использует и сочетания обращения с определением: дорогие уважаемые, многоуважаемые товарищи. Однако при обращении к идейным противникам (меньшевикам, бундовцам, ликвидаторам, эсерам) эти словосочетания, помещенные внутри или в конце предложения, приобретают противоположный смысл. Следующий контекст не оставляет сомнений в ироническом характере обращения: «Послушайте, дорогие товарищи: ...сочиняйте, но знайте же меру!» (т. 19, стр. 120). Многоточие (специфика письменной речи) подразумевает наличие общеизвестного устойчивого лексического члена этого крылатого выражения, умышленно смягченного эвфемизмом *сочиняйте*, а соположение его с ласковым *дорогие* придает последнему ироническое звучание. Вместе с тем следует указать, что В. И. Ленин в ходе наиболее ожесточенной полемики с врагами марксизма употреблял этот фразеологизм без всяких эвфемистических замен: «Послушайте, г. махист: врите, да знайте же меру!» (т. 18, стр. 101).

Полностью компрометирующими являются излюбленные у В. И. Ленина определения *любезный* (*любезные*), *почтеннейший* (*почтеннейшие*), имеющие длительную традицию употребления в русской публицистике. На самых ранних этапах развития русского литературного языка это определение употреблялось в прямом номинативном значении без иронии. У Радищева: «Прости, любезная моя Аннушка...» (Путешествие из Петербурга в Москву). Даже значительно позже, в середине XIX века, Белинский в своих ранних статьях употребляет эти формы в качестве обычного средства интимизации, — например, в обращении к читателю: «За сим они [рассказчик и Максим Максимыч] довольно сухо расстались; но вы, любезный чита-

тель, верно, не сухо расстались с этим старым младенцем...» (Герой нашего времени).

Постепенно это обращение, став штампом, широко распространилось в городском просторечии, особенно в торговой среде. Ярко иллюстрирует этот момент Гоголь устами Осипа (Ревизор) в ставшей крылатой реплике о столичном «галантерейном» обхождении. На этот стилистический сдвиг обратил внимание необыкновенно чуткий к языку Белинский. В «Литературном разговоре...» он отметил ремаркой в скобках «почтеннейший (гостинодворский эпитет!) читатель...», а в статье «Речь о критике» писал, характеризуя официально-охранительных критиков по расчету: «Тактика их очень проста и (до поры до времени) очень верна; они льстят публике, величая ее „почтеннейшею“ и „милостивою государынею“ (в харчевнях такая галантерейность обращения, говорят, в большом ходу); и главное — хвалят себя без стыда и совести».

Возникшая в публицистике революционных демократов иронически-насмешливая окраска этих определенных-обращений (нередко субстантивированных) полностью утвердилась в публицистической речи В. И. Ленина. Обращения как средство ленинской иронии и сарказма все без исключения адресованы идейно-политическим противникам: «...любезный шарлатан Рузвельт» (т. 22, стр. 194).

Из других средств иронии В. И. Ленин использует качественные прилагательные: добрый, великий, великодушный, великомудрый (мудрые), ученый, гениальный, несравненный, храбрый, грозный, цивилизованные, образованные: «Подумайте-ка, великий Маслов...» (т. 16,

Молодому журналисту особенно важно по статьям Ленина изучить, как трактовал он темы. Это облегчается методом Ильича писать статьи. Прежде чем писать статью, он обычно писал ее конспект. По конспекту можно проследить весь ход мысли Ильича. Имеется ряд статей, конспекты которых по два, по три раза выправлялись Ильичем; и вот интересно сравнить эти конспекты и определить, почему изменял Ильич план статьи и чем измененный план лучше предыдущего, в каком направлении он изменяет трактовку темы.

Н. Крупская. Ленин-редактор и организатор партийной печати.
М., 1932, стр. 16—17

стр. 288). Выразительны у В. И. Ленина компрометирующие частицы: любезные тоже-марксисты, любезные почти марксисты, граждане почти социалегстические министры.

В. И. Ленин впервые в русской публицистике широко использует в позиции обращения наименования лиц по принадлежности к буржуазным классам, к реакционным и различным мелкобуржуазным политическим партиям, группам, течениям, к их печатным органам, а также наименования носителей враждебных марксизму взглядов: господа кадеты, монархисты, либералы, правые, прогрессисты, октябристы, радикалы, националисты, социал-шовинисты, эсеры, «друзья народа», левонародники, трудовики. Выразительны в обращении к эсерам ленинские двойные кавычки: «социалисты»-«революционеры» — нечто противоположное обоим этим понятиям, а также паронимическая замена: *социалисты-реакционеры*. Сюда же входят наименования лиц по идейным течениям внутри социал-демократии: господа беспартийцы, околопартийные демократы, меньшевики, махисты, ликвидаторы, буржуазные индивидуалисты, примиренцы, каутскианцы, божественные отзовисты (прозрачный намек на богоискательство и богостроительство), августовцы, троцкисты; по принадлежности к печатным органам: господа новоискровцы, голосовцы, впередовцы, лучисты, господа из «Речи».

Большая часть этой лексики является новообразованием в общественно-публицистической сфере 90-х и 900-х годов и вызвана требованиями усложнявшейся общественно-политической жизни дореволюционной России. В. И. Ленин впервые широко использовал их в качестве обращений, и это в первую очередь касается аббревиатур: кадеты — к.-д, эсеры — с-р, эсдеки — с.-д.

Иронией, сарказмом, сатирическим пародированием, прямыми политическими характеристиками полны обращения В. И. Ленина к злейшим врагам революции — членам так называемой конституционно-демократической партии: кадеты (к.-д.), господа кадеты, кадетские государственные мужи, почтеннейшие господа, господа «образованные», гг. премудрые, великомудрые демократы из порядочных людей, почтенные рыцари «народной свободы», любезнейшие гг. политиканы, гг. претендующие на высокое звание демократов, гг. либеральные лицемеры, господа клеветники, гг. российские либеральные лавочники, гг. защитники правительства, гг. защитники дубины,

гг. кадетские фальшивомонетчики, господа буржуазные предатели свободы.

Редки, неожиданны, а потому выразительны у В. И. Ленина компрометирующие суффиксально-оценочные формы слов-обращений: ироническое *добренькие ликвидаторы*, презрительное *либералишко*, презренные *дурачки из «Новой Жизни»*, саркастическое *милые кадетики*, *милая социал-демократическая душечка*, *божия коровка*, а также *мужичок*, *братцы* в чужой речи.

Обращения у В. И. Ленина не только характерологичны, изобразительны, они дают актуальную и исторически предельно точную политическую оценку, всегда присутствующую в публицистике.

Приемы иронии, сарказма, пародии, насмешливого цитирования в ленинских обращениях нередко прямо перекликаются со словоупотреблением русских революционных демократов и великих писателей-сатириков, но используются на качественно новом содержательном уровне, в пролетарский период развития русской публицистики.

О. А. МИЗИН
Елабуга

КНИГИ ПО ЯЗЫКОЗНАНИЮ В ЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ В. И. ЛЕНИНА

Каталог личной библиотеки Владимира Ильича Ленина включает более 8400 названий книг, журналов, газет, брошюр — самых разнообразных произведений печати. Нет такой отрасли знаний, которая не была бы представлена в библиотеке Владимира Ильича.

В. И. Ленин любил и ценил книги. Книги помогали ему в его повседневной научной работе; книги постоянно со-

путствовали ему в его государственной и политической деятельности. Подробно написать обо всех книгах в личной библиотеке В. И. Ленина, даже в пределах одной отрасли науки, невозможно. Достаточно сказать, что издания по лингвистике охватывают очень широкий круг проблем, злободневных и для настоящего времени.

В библиотеке Владимира Ильича представлены такие авторы-русисты, как Ф. И. Буслаев, А. М. Пешковский, Д. Н. Ушаков, Е. С. Истрина, В. И. Даль и другие. Среди книг по русскому языку имеются и общетеоретические работы, и издания по истории языка, и труды по вопросам современного языкознания. Большинство книг, собранных в библиотеке, издано в первые годы Советской власти. Во время эмиграции Владимир Ильич не имел условий для формирования личной библиотеки (такая возможность появилась только после Октябрьской революции), но часть книг более ранних изданий привезена Владимиром Ильичем из эмиграции.

Книги по языкознанию в личной библиотеке служат наглядным свидетельством постоянного и глубокого интереса В. И. Ленина к русскому языку. В то же время высказывания Владимира Ильича о языке могут быть глубже поняты и исследованы с учетом той литературы по языкознанию, которая представлена в его библиотеке. Естественно, что при описании этих лингвистических трудов мы должны дать хотя бы краткие сведения об их авторах.

Широко известен факт, что В. И. Ленин высоко ценил Словарь В. Даля. В. Даль был известным литератором середины XIX века. Писал он под псевдонимом Казак Луганский. Его «Повести, сказки и рассказы» получили одобрительные отзывы Гоголя, Тургенева, Белинского. Но подлинное дарование В. Даля как филолога, точнее как лексикографа, раскрылось в работе над «Толковым словарем живого великорусского языка». Чем замечателен Словарь В. Даля? В. Даль не только систематизировал огромный лексический материал. В свой Словарь он ввел слова просторечные, областные, терминологические, не отказываясь и от лексики литературного языка. В. Даль использовал в качестве иллюстраций богатейший фразеологический материал — пословицы и поговорки. Обращение к «крылатым словам» русского языка в Словаре В. Даля также привлекало В. И. Ленина. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминает о том, что Владимир Ильич интересовался «пословицами и поговорками, которые там приведены, и высказывал свое

восторженное изумление перед разнообразием эпитетов и другими образными выражениями русского языка» (Как работал Владимир Ильич.— «Читатель и писатель», 1928, № 2).

Высоко оценивая Словарь В. Даля, В. И. Ленин вместе с тем указывал на один из самых существенных его недостатков, характеризуя Словарь как «областнический». Народно-разговорная лексика, соседствуя с литературной, «подавляла» ее, и представление о лексической системе русского языка получалось не вполне объективным. Недостатком Словаря являлся и тот факт, что его автор нередко вводил слова, придуманные им самим.

И. А. Бодуэн де Куртэнэ провел большую работу при переиздании Словаря В. Даля, устранив многие недочеты: включил в Словарь новый лексический материал, накопившийся со времени второго издания, упростил структуру Словаря, сделав ее более понятной для читателя, внес существенные изменения и в толкования слов, и в этимологические пометы. Именно это третье издание находилось в библиотеке Владимира Ильича.

В. И. Ленин обходит фронт войск всевобуча на Красной площади. Москва, 25 мая 1919 года (фрагмент)

К лингвистическим трудам общетеоретического характера относится книга Д. Н. Ушакова «Краткое введение в науку о языке» (5-ое изд., М., 1922). Д. Н. Ушаков был виднейшим лингвистом, особенно велики его заслуги в области диалектологии, орфоэпии, орфографии. Над «Кратким введенным в науку о языке» Д. Н. Ушаков работал 11 лет, с 1902 по 1913 год. Меньше чем за десять лет книга выдержала пять изданий: этот факт уже сам по себе говорит об ее актуальности. В доступной и простой (но не упрощенной) форме Д. Н. Ушаков пишет о важных проблемах языкознания: о фонетической стороне языка, о семантике, о смежных с языкознанием дисциплинах — логике и психологии. Он приводит классификацию языков и небольшой очерк о происхождении языка.

Сразу же после выхода 5-го издания М. Н. Петерсон в своей рецензии на эту книгу писал: «Насколько популярна эта книга, можно легко убедиться, побывав в студенческой или учительской среде. От студентов вы услышите, что они стремятся „сдать“ языкознание именно „по Ушакову“, а учителя вам скажут, что осуществлять „новую программу“ по русскому языку им очень помогает книга Д. Н. Ушакова» («Печать и революция». Кн. 7. М., 1922).

В дальнейшем, будучи редактором и одним из составителей «Толкового словаря русского языка» в 4-х томах, Д. Н. Ушаков проявил себя как выдающийся лексикограф. При составлении указанного Словаря Д. Н. Ушаков руководствовался указанием Владимира Ильича Ленина о необходимости «создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и классиками от Пушкина до Горького» (Полное собрание сочинений, т. 51, стр. 122):

Современное языкознание было представлено в библиотеке Владимира Ильича и трудом А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» (2-е изд., М., 1920). А. М. Пешковский вошел в лингвистику как один из наиболее видных специалистов по русскому синтаксису и как методист по преподаванию русского языка. Со времени Великой Октябрьской социалистической революции А. М. Пешковский принимал самое активное участие в конференциях и совещаниях учителей. По свидетельству самого А. М. Пешковского, его «Русский синтаксис» написан «педагогом для педагогов и с педагогическими целями». Для А. М. Пешковского научная теория и преподаватель-

ская практика неразрывны. Именно поэтому во многих частях «Русского синтаксиса» ставятся вопросы, связанные и со стилистикой, и с культурой речи, то есть с теми областями языкознания, которые прежде всего соотносятся с практическим применением языка. Многочисленные отклики современников говорят о том, насколько знаменательным событием в лингвистике была эта книга.

После первого издания «Русского синтаксиса» (1914) Академия наук в 1915 году присудила автору премию. Ценность этого труда заключается в том, что А. М. Пешковский ввел огромный материал современного русского языка, предложив интересную и во многом оригинальную его классификацию, установил тесную связь грамматики с психологией. Сошлемся лишь на один отзыв лингвиста, современника автора — Д. Н. Ушакова: «Синтаксис Пешковского в общем чрезвычайно ценный опыт перестройки школьного синтаксиса на научных основах. Оздоровление дела преподавания грамматики в школе совершится некогда через подобные книги» (А. И. Белов. А. М. Пешковский как лингвист и методист. М., 1958).

В библиотеке Владимира Ильича находилась и книга С. И. Карцевского «Язык, война и революция» (Берлин, 1923). С. И. Карцевский был учеником Ф. де Соссюра, Ш. Балли, А. Сэпез. Их теоретические установки оказали большое влияние на формирование научных воззрений С. И. Карцевского. С. И. Карцевский преподавал в Страсбургском и Пражском университетах. В Праге он был также редактором журнала «Русский язык за рубежом» (подробнее о лингвистической концепции С. И. Карцевского см.: Н. С. Поспелов. — «Вопросы языкознания», 1957, № 4).

Книга С. И. Карцевского посвящена проблеме влияния социальных и политических факторов на язык, в особенности на его лексическую систему. Попутно автор касается вопросов ударения, некоторых стилистических изменений и изменений нормативных. Не претендуя на большое теоретическое обобщение, книга ценна своим материалом, почерпнутым, по всей видимости, не столько из книжных источников, сколько из живого разговорного языка. С. И. Карцевский приходит к выводу, что те процессы и явления, которые наблюдаются в русском языке в эпоху больших социальных и политических сдвигов, не являются для самого языка чем-то качественно новым, но представляют собой обычные языковые процессы с «ускоренным

темпом» (это положение нашло дальнейшее развитие в современных лингвистических исследованиях).

К изданиям, вышедшим в 1923 году в Петрограде, относится и сборник «Русская речь» под редакцией Л. В. Щербы. В сборник входят четыре статьи, авторами которых являются Л. В. Щерба, Б. А. Ларин, Л. П. Якубинский, В. В. Виноградов. Каждое из этих имен сейчас широко известно не только у нас в стране, но и за рубежом. Задача сборника определяется так: «Исследование русского литературного языка во всем многообразии его форм, а также в его основных источниках — книжном наследии прошлого и живом говоре разных общественных слоев его современности».

В то время подход к языку как к явлению живой действительности уже сам по себе был новаторским. На первый взгляд, статьи сборника представляются не связанными тематически: «Опыт лингвистического толкования стихотворений. „Воспоминание“ Пушкина» (Л. В. Щерба), «О разновидностях художественной речи. Семантические этюды» (Б. А. Ларин), «О диалогической речи» (Л. П. Якубинский), «О задачах стилистики. Наблюдения над „Житием протопопа Аввакума“» (В. В. Виноградов). Статьи объединяются общей методологической основой: авторы стремятся расширить узкоспециальные границы лингвистических вопросов, сделать их интересными для широкого читателя.

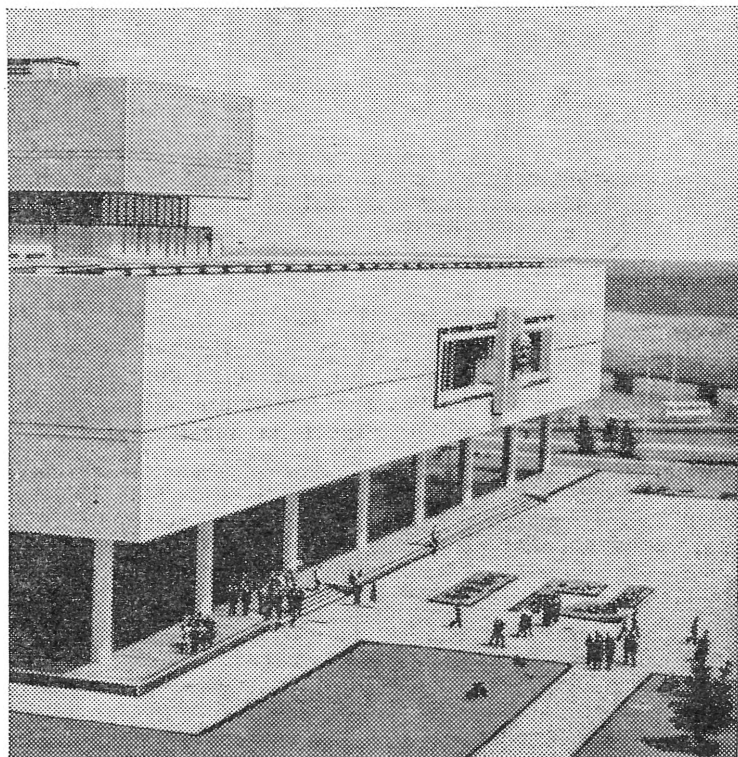
Языковедческие интересы Владимира Ильича Ленина не ограничивались только проблемами современного русского языка. В его библиотеке находились и книги, касающиеся истории русского языка: Е. Истрина «Руководство по истории русского языка с хрестоматией и снимками с древних рукописей» (3-е изд., М.-Пг., 1923); Ф. Буслаев «Учебник русской грамматики, сближенной с церковнославянской» (9-е изд., М., 1900). «Учебник русской грамматики» Ф. Буслаева написан на основе его знаменитой «Исторической грамматики», и именно по нему велось много лет преподавание русского языка в дореволюционных школьных заведениях. Авторы других школьных грамматик (да и не только школьных) испытали серьезное влияние Ф. Буслаева (особенно в части его учения о синтаксисе русского языка).

В. И. Ленин интересовался и общими вопросами сла-
вистики. В 1911 году Владимир Ильич составил список книг, которые он намеревался изучить: А. Н. Пыпин

«История русской этнографии»; Ф. Миклошич «Сравнительная морфология славянских языков»; М. Флоринский «Лекции по славянскому языкознанию»; А. А. Потебня «Мысль и язык» и другие.

Владимира Ильича Ленина прежде всего интересовал язык как отражение социальной и исторической действительности, как средство человеческого общения, как одно из самых действенных орудий борьбы.

Н. Г. МИХАЙЛОВСКАЯ

Южный фасад Ленинского Мемориала

К 150-летию
создания комедии
«Горе от ума»

А. С. Грибоедов весной 1823 года привез в Москву два акта пьесы, позднее, в 1824—1825 годах, он возвращался к работе над бессмертной комедией.

Однородные члены как средство выразительности в речи персонажей «Горе от ума»:

1) Как объяснить соседство в качестве однородных членов таких семантически далеких слов в репликах Фамусова?

А все Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!

Да, дурен сон; как погляжу,
Тут все есть, коли нет обмана:
И черти и любовь, и страхи и цветы.

2) Обратите внимание на расположение однородных членов и конструкций в репликах Фамусова. По какому принципу составлены эти ряды?

Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад.

И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Н abent sua fata libelli... Книги имеют свою судьбу. И судьба их определяется отношением читателей. А вкусы читателей меняются, и довольно резко. Всеобщее увлечение Бенедиктовым неожиданно прекратилось. Так же быстро померк блеск поэзии Северянина. Джеймс Гринвуд, забытый в Англии, хорошо известен русскому читателю. Стендаль умер непризнанным, и был заново открыт во второй половине прошлого века. В 30-е годы XIX века в моде был Марлинский, таинственность и романтический ореол личности которого так хорошо гармонировали с характером его произведений. О литературной судьбе Марлинского, о необычайном расцвете и закате его очень точно сказал В. Г. Белинский:

«Марлинский во многих отношениях лицо замечательное в нашей литературе. Немногие писатели имели такой обширный круг читателей, пользовались такою повсеместною, громкою известностью, как Марлинский. Появление новой повести, статьи его в журнале было всегда важным литературным событием, приводило в движение всех охотников до чтения. Марлинский обратил на себя общее внимание с первого своего появления на литературном поприще. С тех пор литературная известность его росла с чудовищною быстротою. Наконец, гениальность его была признана всеми единодушно и безусловно... Он имел большое влияние на литературу, породил целую школу,

«Зачинщик русской повести»

(О языке прозы
Бестужева-Марлинского)

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

которая еще больше возвышала его достоинство, потому что переияла и довела до крайности одни его недостатки. И вдруг эта огромная слава пала в короткое время, во всем своем блеске, во всей своей силе...» (цитируется по изданию: В. Г. Белинский, т. 10, М., 1956).

И самый сильный удар нанес писателю В. Г. Белинский. Он так характеризовал творчество Марлинского: «...в его созданиях нет никакой глубины, никакой философии, никакого драматизма...».

«Он вечно вертелся около одних и тех же характеров, одних и тех же мотивов. Оттого все герои его повестей, как две капли воды; похожи друг на друга и разнятся только именами».

Убийственная характеристика, не правда ли? Но можно привести и другие высказывания:

«Г-н Марлинский владеет неотъемлемым и заметным талантом, талантом рассказа, живого, остроумного, занимательного...»; «Блестящий ум, многосторонняя образованность, знакомство с наукою еще более возвышали этот талант». И наконец: «...г. Марлинский был первым нашим повествователем, был творцом или, лучше сказать, зачинщиком русской повести». «...Марлинский навсегда останется замечательным лицом в истории русской литературы». — Это тоже В. Г. Белинский, и в тех же статьях. Эта бесспорно высокая оценка тем более замечательна, что Белинский относился резко отрицательно к писателю-романтику. Белинский видел все новое и ценное, что внес Марлинский в литературу, но перед критиком стояла задача расчистить путь реалистической литературе. Долгое время приговор Белинского воспринимался безусловно, и все то, что носило печать романтизма, решительно осуждалось, все, что было в литературе значительного и интересного, так или иначе связывалось с реализмом или объяснялось реализмом, реалистическими тенденциями. Только в последние годы у нас изменилось отношение к возможностям романтического метода художественного отражения и изображения действительности. Дело не в том, чтобы одно возвеличить или унизить за счет другого, а в том, чтобы подойти конкретно-исторически, осознать объективную необходимость и характер того и другого.

В 30-е годы XIX века, когда Марлинского читали все, только узкий круг литераторов знал, что под этим именем вынужден скрываться друг К. Ф. Рылеева, декабрист А. Бестужев, известный поэт, блестящий критик, издатель популярного, имевшего исключительный успех альманаха «Полярная звезда». А первые повести его появились в начале 20-х годов. В них вполне отразились свободолюбивые идеалы декабристов, их увлечение отечественной историей, откуда они черпали сюжеты и где они находили героев — борцов за свободу. Для нас эти первые опыты А. Бестужева — об-

разец ярко выраженного романтизма. Но сам писатель думал, старался создать впечатление реалистического, точного, правдивого изображения исторических событий: в основу рассказа нередко отбирались действительные факты, с научной достоверностью описывались обычаи, обстановка, весь тот фон, на котором разворачивалось действие. К одной из первых своих повестей «Роман и Ольга» писатель сделал примечание:

«Течение моей повести заключается между половинами 1396 и 1398 годов (считая год с первого марта, по тогдашнему стилю). Все исторические происшествия и лица, в ней упоминаемые, представлены с неотступной точностью, а нравы, предрассудки и обычаи изобразил я, по соображению, из преданий и оставшихся памятников. Языком старался я приблизиться к простому настоящему русскому рассказу и могу поручиться, что слова, которые многим покажутся странными, не вымышлены, а взяты мною из старинных летописей, песен и сказок». [Цитируется по изданию: А. А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в двух томах. М., 1958].

Но действительная историческая основа растворяется и преобразуется в романтическом повествовании. Черты романтического стиля бросаются в глаза. Здесь и «кипящая грудь», и «злосчастная страсть», «шепот сердца» и «сладкие вздохи». Особенно показательно описание страстей, эмоциональных переживаний героев: (Об Ольге) «Долго бушевали страсти в груди ее; долго тускнело зеркало разума под дыханием отчаяния...». [Роман] «В иступлении немого отчаяния, вперив неподвижные взоры на дверь, долго сидел... Горькие вздохи взымали грудь, занимали его дыхание...».

Неестественным, условным оказывался и пейзаж. Эмоционально насыщенные описания «нестовых положений» дополняли изображение «нестовых страстей»: «В глухую полночь тайное Аренсбургское судилище собралось под открытым небом в дремучем основном лесу, осенявшем некогда берега Эзеля,— собралось, чтобы судить привезенного рыцаря... Четыре факела, вонзенные в землю, проливали какой-то зеленоватый свет на грозные лица присутствующих, и при каждом колебании пламени тени деревьев, как привиденья, перебежали через поляну... Черно было небо, гробовые ели шептались с ветром...» (Замок Нейгаузен).

Обращает на себя внимание нагнетание «мрачных» эпитетов («глухая полночь», «дремучий лес», «грозные лица», «гробовые ели»); сравнений («как привиденья»); метафор («тени перебежали», «ели шептались») и других специальных изобразительных средств (в частности, синтаксических, ритмических).

Диалоги в прозе XVIII и в начале XIX века были манерны, тяжеловесны; художественные функции их были весьма ограниченными; однообразным, однотипным было и строение реплик. Автор-

ская экспрессия (особенно у сентименталистов) почти совершенно уничтожала разговорность, разрушала диалог. О характерологической индивидуальности в таких условиях не могло быть и речи.

Не избегал традиционной декламативности диалогов и А. Бестужев (по крайней мере, в ранних повестях). Вместо живого разговора у него, как отметил В. Г. Белинский, «речи, составленные по правилам старинных риторик».

В повести «Роман и Ольга» показателен такой эпизод: герой предлагает Ольге бежать от родителей, препятствующих их браку; Ольга отказывается. Тогда Роман, «блуждая окрест сверкающими взорами», произносит (потому что, как иронически писал критик, у Марлинского герои «не говорят, а произносят») пламенный, на целую страницу, монолог: «— Женщины, женщины! — произнес он с дикою усмешкою, — и вы хвалитесь любовью, постоянством, чувствительностью! Вы, жалостливые только до песен; вы, из тщеславия пленяющие легковверных!...». Венчается монолог эффектным восклицанием: «...долго ль красавице позабыть прежнее!...». И другой существенный недостаток диалогов А. Бестужева очень точно подметил В. Г. Белинский — их иллюстративность: диалог заменяет авторское описание, в нем герой рассказывает о себе или о другом, причем сам рассказ ориентирован на читателя. В. Г. Белинский показал это, анализируя «Испытание»: «Мщение и смерть магистру! — прогремел Сerrat... — Напрасно блуждаешь ты взорами окрест — помощь далека от тебя, как от меня состраданье. Отчего ж трепещешь ты...». Следует длинный монолог, после чего один рыцарь убивает другого, который терпеливо выслушал все до конца.

Итак, надуманность и неестественность сюжетов, «бесхарактерность характеров», неумение изображать переживания, чувства героев, риторика диалогов. Почему же все-таки великий критик назвал А. А. Бестужева-Марлинского творцом, основоположником, «зачинщиком» русской повести? Может быть, до него никто не писал повестей? Нет, писали. Повесть как жанр возникла на Руси в XI веке. А XVIII век уже знал немало интересных повестей. Сентименталисты культивировали этот жанр. Может быть, тематика была необычной? Нет, например, исторические повести Карамзина пользовались большой популярностью. Что же нового внес А. А. Бестужев? Или, может быть, В. Г. Белинский случайно обмолвился, назвав его творцом русской повести? Тоже нет: в статьях, написанных в разное время, резко нападая на Марлинского, Белинский неизменно говорит о нем как о первом повествователе. Литературоведы проходят мимо этих высказываний Белинского, отводя Марлинскому место на задворках литературы, называя его имя в ряду десятка других второстепенных прозаиков 30—40-х го-

дов прошлого века. А между тем очевидно, что именно в повестях А. А. Бестужева впервые появляется остросюжетное, занимательное развитие действия, сложный «сюжетный узел». Именно у него напряженное изложение сочетается с легкостью, живостью рассказа (что также неоднократно отмечал В. Г. Белинский).

А. А. Бестужев, как никто до него, широко опирался на реальные исторические факты, вводил большое количество деталей, позволявших ему достоверно рисовать обстановку, нравы, обычаи. Интересно, как сам Марлинский определил свое место в литературе. В одной из своих статей, характеризуя писателей-современников, он как бы вскользь заметил: «Исторические повести Марлинского, в которых он, сбросив путы книжного языка, заговорил живым русским наречием, служили дверьми в хоромы подного романа...» («О романе Н. Полевого „Клятва при гробе господнем“»).

Да, язык Марлинского часто не только прост, но жив, оригинален, ярок. Одних эта яркость привлекала, других отпугивала. Писателя упрекали, с ним спорили. Он возражал, объяснял: «Да, я хочу обновить, разнообразить русский язык, и для того беру мое золото обеими руками из горы и из грязи, отовсюду, где встречу, где поймаю его...» (Письмо А. Бестужева-Марлинского братьям Н. и М. Бестужевым от 1 декабря 1835). И далее в том же письме он признавался: «Однажды и навсегда — я с умыслом, а не по ошибке гну язык на разные лады, беру готовое, если есть, у иностранцев, вымышляю, если нет; изменяю падежи для оттенков действия или изощрения слова. Я хочу и нахожу русский язык на все готовым и все выражающим. Если это моя вина, то и моя заслуга. Я убежден, что никто до меня не давал столько многоличности русским фразам,— и лучшее доказательство, что они усваиваются, есть их употребление даже в разговоре».

И, наконец, Марлинский внес много нового и в композиционно-стилистическую структуру повести. К сожалению, с этой точки зрения проза Марлинского не изучалась, как неизученной остается и его роль в истории литературного языка.

Например, структурно необычным, новым для своего времени предстает диалог А. А. Бестужева-Марлинского, не риторические монологи, а именно диалог. И то, на что не обратит внимание современный исследователь, сразу же, прочитав повести «Ревельский турнир», «Изменник», отметил А. С. Пушкин. Он писал А. А. Бестужеву: «...полно тебе писать *быстрые* повести с романтическими переходами — это хорошо для поэмы байронической. Роман требует *болтовни*: высказывай все начисто. Твой Владимир говорит языком немецкой драмы... Но описание стана литовского, разговор плотника с часовым прелесть; конец также. Впрочем, везде твоя необыкновенная живость».

Живость и естественность диалога достигались различными средствами — использованием разговорной лексики и фразеологии («голытьба», «порастрясти карманы», «впрок не пойдет», «сидеть сиднем»), синтаксиса, специфических конструкций («Нашел чем хвалиться!», «Какие у польской гольтыбы карманы»), народных пословиц и поговорок. А главное — структура диалога: не вопросно-ответная форма, не иллюстрация, не рассказ, не риторический монолог, а столкновение мнений, спор, создающие драматическое напряжение. Именно это оказалось наиболее близким Пушкину. Работа самого Пушкина над прозаическим диалогом позже пойдет именно в этом направлении.

В. Г. Белинский писал: «Вообще, если вы зажмурите глаза, слушая „речи“ действующих лиц во всех повестях Марлинского, то, право, никак не разгадаете, кто говорит — морской офицер, дикий черкес, ливонский рыцарь, русский князь времен междоусобия, русский боярин XV или XVI века, мужчина или женщина, старик или юноша, Аммалат-Бек или будочник-оратор...».

Это справедливо, но только «вообще». Легко привести примеры иного типа:

«— И впрямь так! — промолвил Савелий.— Чем глазеть на валы, возьми-ка, Алеша, лейку да отчерпывай воду: вишь, то и знай поддает. Ну, дядя Яков! напрасно я тебя не послушал: придержать бы к берегу, а то меня и в хорошую погоду знакомые отпевали, чуть я сберусь в море на карбасе, а в такую свалку, если б знал да гадал, я бы и сам трезвый не пустился...» (Мореход Никитин).

Нет, так его ливонские рыцари не говорят. «Впрямь», «глазеть», «то и знай поддает» — не похоже на ретиорику. Конечно, в повестях Марлинского нет еще речевой индивидуализации в том смысле, в каком мы находим ее в реалистической литературе, но Марлинский решительно покончил и с той нивелировкой, той однотипностью речей персонажей, которая была характерна для его предшественников.

Герои Марлинского любят острословие. И раньше, и позже нередко бывало, что автор характеризовал своего героя как человека остроумного, а читатель никак этого не чувствовал, остроумие никак не проявлялось. Реплики же героев Марлинского пересыпаны шутками, остротами, каламбурами. Например:

«— ...похвалы сыпались у меня, как чечевица.

— И просыпались мимо. Нет, ты не умел, Конрад, посеять в ее сердце ко мне соучастия и взаимности.

— Благородный рыцарь! любовь растет скоро, как кресс-салат, но она все-таки не огородный овощ...» (Замок Нейгаузен).

Позже этот факт тоже был поставлен в вину писателю: слишком велика «плотность шуток» для обычного разговора. Остроты

делали разговор неестественным, вычурным. Сам писатель в оправдание указывал на два фактора — субъективный (связанный с его личностью) и объективный (связанный со структурой повести, как ее представлял себе Марлинский): «Насчет блесков замечание весьма справедливо — но это в моей природе: кто знает мой обыкновенный разговор, тот вспомнит, что я невольно говорю фигурами, сравнениями...

Впрочем, иное дело повесть, иное роман. Мне кажется, краткость первой, не давая места развернуться описаниям, завязке и страстям, должна вцепляться в память остротами. Если вы улыбаетесь, читая ее, я доволен, если смеетесь — вдвое. В романе можно быть без курбетов и прыжков: в нем занимательность последовательная из характеров, из положений...».

Используя шутку, игру слов, яркие образы, Марлинский стремился к живости, легкости, занимательности изложения. И ему во многих повестях удалось этого достигнуть. Вот пример из повести «Лейтенант Белозор» (изображается первая встреча молодых героев):

«Как ни малоопытен был новичок наш, однако ж заметил, что если перед ним не спускали еще флага, по крайней мере салютовали равным числом вздохов... В короткое время их знакомства они уже бегло изъяснялись пламенным наречием взоров и в один час говорили друг другу столько новостей посредством этого телеграффа, что сердцу было на целую неделю работы пояснять и дополнять недосказанное».

Это одна из лучших повестей Марлинского, и в ней реализма и романтизма не больше и не меньше, чем в любой современной приключенческой повести. В прозе Марлинского разработаны, удачно применены многие приемы сюжетного развития, описания, характеристики, которые позже стали классическими. Вот только два примера описания внешности персонажей:

«Лицо его походило на солнечные часы,— так выставлялся вперед тонкий нос его; мигая, он так высоко подымал брови и так бросал зрачками, как будто они хотели перепрыгнуть через нос, чтобы повидаться. Он беспрестанно силился улыбнуться, но, правду сказать, оставался при одном желании».

«Вообразите себе барашка, сделанного из масла, которого произвела рука домашнего ваятеля для увенчания кулича о светлой, и вы схватите нечто похожее на фроу... Саарвайерзен, прибавя, разумеется, к этому целые пуки брабантских кружев, ключей и приседаний» (Лейтенант Белозор).

Если бы наверняка не знать, что эти описания принадлежат перу Марлинского, то можно было бы заподозрить руку Гоголя. Именно для Гоголя столь характерны неожиданные сближения и

сопоставления, «странные» уподобления, соединение разноплановых понятий.

Марлинский носит литературное звание романтика, — причем наиболее почетное — революционного романтика. Это справедливо, но ведь Марлинский очень разный писатель. Он рано начал писать и быстро развивался. И кто знает, как бы пошло развитие, если бы жизнь его не оборвалась так рано и так трагически.

В. Г. Белинский, перечисляя имена известных писателей XVIII века — Сумарокова, Хераскова, Княжнина, — говорит, что теперь никто не станет их читать (кроме людей, серьезно изучающих литературу), тогда как «Марлинский еще долго будет иметь читателей и почитателей».

В. В. ОДИНЦОВ

Язык имеет свои краски, т. е. звуки. Он ими воображению нашему может весьма часто рисовать или живописать предметы... Этой живописью или обрисовкою язык наш богат, но он не только удачно может придавать краски предметам, совершенно лишенным чувственности: он не только живописен но и... звучен...

А. А. Бестужев-Марлинский. Ответ на письмо к издателю «Соревнователя просвещения»

«Лица необщее выражение»

Каждый читатель, внимательный к языку газеты, не может не заметить, что на газетных страницах регулярно повторяется устойчивая словесная группа *лица необщее выражение*, выделяющаяся на фоне публицистического текста своей оригинальностью, возвышенной стилистикой и необычным порядком слов.

Принадлежит это крылатое выражение одному из

виднейших поэтов пушкинского периода — Евгению Баратынскому. В стихотворении «Муза» он в образе прекрасной женщины олицетворяет свой эстетический идеал [цитируется по изданию: Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений, Л., 1936]:

Не ослеплен я музой моею,
Красавицей ее не назовут
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленною толпой не побегут,
Приманивать изысканным убором.
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой...

Это развернутое олицетворение проходит через весь текст стихотворения и последовательно характеризует отличительные черты поэзии Баратынского: простоту, строгость, неприятие ложной красоты, а главное — своеобразие творческой манеры, подчеркнутое в самой яркой строке произведения — *Ее лица необщим выраженьем*.

Этот конкретный подтекст в значительной степени стирается при переходе поэтической строки Баратынского в разряд крылатых слов, но вместе с тем нельзя отрицать, что они не могут восприниматься отдельно и независимо от контекста-источника, от имени, образа и творческой поэзии их автора.

Нашего читателя, прежде всего, должен заинтересовать вопрос о значении, которое имеет это устойчивое сочетание слов в современном русском языке. Обратимся к примерам: «С уходом Исаковского из жизни в нашей современности образовалась пустота, которую нелегко будет заполнить, потому что ушедший, неся в своем облике черты, присущие всем настоящим советским поэтам, отличался „лица необщим выраженьем“, обладал не каждому дающейся счастливой способностью говорить с народом по-народному...» («Литературная газета», 25 июля 1973); «Побывать в Новгороде два-три дня в году для меня потребность. Новгород для меня необходим... В нем есть своя индивидуальность. Нельзя любить безличный город. Как бы ни были правильны черты лица, чтобы полюбить его, в нем должна быть какая-то характерность, *необщее выражение*» («Литературная газета», 14 сентября 1965); «Интерес к „Ванемуйне“ объясняется и „необщим выраженьем“ лица театра, и своеобразно-творческим обликом его, и, конечно же, художественными успехами» («Литературная газета», 5 апреля 1967).

Предложенные примеры употребления крылатых слов Баратынского в языке современной публицистики позволяют интерпре-

тировать словосочетание *лица необщее выраженье* как соответствующее понятию 'неповторимая индивидуальность'.

Представляет интерес и причинная обусловленность долговечности и широкой распространенности крылатых слов Баратынского, применяемых в различных жанрах современной публицистики с такой же частотой и регулярностью, как самые высокие образцы словесного искусства; созданные классической поэзией.

Главная причина популярности названной крылатой фразы — в ее неувядаемой социальной ценности, общественной значимости: она отвечает насущной потребности публицистического стиля положительно оценивать образцы подлинного, а следовательно, индивидуального мастерства или же, наоборот, выступать против безличности, однотипности, штампа во всех областях творчества.

Следующие два примера иллюстрируют употребление крылатых слов Баратынского и в той, и в другой функции. «Но совокупность творческих усилий многотысячного коллектива мастеров художественного слова создала обширный золотой фонд непреходящих ценностей прозы, поэзии, драматургии, отличающихся в многовековом опыте развития литературы „лица необщим выраженьем“, тем, что выражено в понятии „социалистический реализм“» («Литературная газета», 4 ноября 1970); «Мне в поэтических книгах попадает все меньше и меньше неожиданностей. Но это не связано с повышением собственно поэтического уровня книги. Не к чему придаться, все изложено ровным языком, без корявостей, но в то же время нет и никаких отважных открытий, языковой яркости. Очевидно, „лица необщее выраженье“ нельзя заменить чистописанием, гладкостью» («Литературная газета», 28 ноября 1973).

Однако значение крылатого выражения Баратынского отнюдь не исчерпывается его оценочно-познавательной функцией — органически сливаются с содержанием строки ее неоспоримые художественные достоинства.

Строгий лаконизм, чувство меры, яркая метафора, свежий, необычный в поэтической речи и неожиданный в данном сочетании эпитет, тонкость стихотворного рисунка, инверсия, привлекающая и задерживающая внимание читателя, — все это, сливаясь в единое художественное целое, дает нам право отнести строку Баратынского к числу подлинных шедевров русской поэзии. И в наши дни, спустя почти полтора столетия после ее создания, она сохраняет свежесть художественного открытия.

При этом следует заметить, что отнюдь не экономия словесных средств (рассматриваемый оборот вполне можно заменить более краткими лексическими единицами — оригинальность, самобытность, своеобразие, индивидуальность, неповторимость, характерность), а именно подлинная художественность привлекают внима-

ние публицистики к поэтической формуле Баратынского, которая расширяет выразительные возможности публицистического стиля, внося в него яркую образность.

Большая популярность крылатой формулы Баратынского объясняется также и тем, что она открывает широкие возможности для определения разнообразных фактов и явлений действительности, с чем закономерно связано увеличение контекстов ее употребления и диапазона сочетаемости. На основании многочисленных примеров можно сделать вывод, что слова Баратынского, сказанные им о своей музе, став крылатыми, обрели способность употребляться очень широко:

когда речь идет о городах, отличающихся своей характерностью; о литературе социалистического реализма, представляющей своеобразный этап в истории русской литературы; о самобытных традициях национальных литератур; о писателях, чье творчество отмечено печатью индивидуального мастерства; о поэтах со своим, четко обозначенным поэтическим почерком; о лучших произведениях советской литературы; о литературных героях, радующих читателя разнообразием характеров; о газетах и журналах, богатых и разнообразных по содержанию; о театрах, обладающих своеобразным творческим опытом; о персонажах театрального спектакля; о лучших оркестрах страны, привлекающих только им присущей интонацией; о ярких и свежих телепередачах; о неповторимом облике архитектурных сооружений; о художниках, отличающихся несхожестью стиливых манер; об оригинальной по замыслу и технике книжной графике; об изящном оформлении книги; о праздничном украшении городов, пленяющем своей индивидуальностью; о сочинениях абитуриентов.

Крылатые слова Баратынского обогащают язык новыми лексико-семантическими сочетаниями. Но как ни высока их сочетаемость, она не безгранична. Как видно из приведенного перечня, они выступают как средство возвышенной характеристики, когда речь идет о произведениях или деятелях творческого труда, главным образом — в области искусства, что ограничивает свободу их употребления в новых соседствах.

Вот почему при характеристике явлений другого рода, даже глубоко индивидуальных, поэтическая фраза Баратынского может оказаться неуместной, и тогда более удачным следует считать определение предмета речи без применения крылатых слов: «Свое характерное лицо имеет и Уральский вагоностроительный завод. Встречные потоки никак не сталкиваются, не мешают один другому. Перед проходной — яблоневый сад. Благоустроена вся территория завода. Много хорошего можно сказать и о планировке Уралвагонзавода» («Правда», 14 ноября 1970).

Неудачным, на наш взгляд, является также использование крылатых слов Баратынского применительно к конкретным лицам, когда слова *выражение* и *лицо*, употребленные поэтом переносно, могут быть восприняты буквально, в их прямом, а не метафорическом значении: «...Они во всей увеличительной подробности показали солдата „лица выраженье”» («Литературная газета», 16 июня 1971).

Среди фразеологизмов литературного происхождения, даже заимствованных из произведений современников поэта, устойчивая формула Баратынского занимает своеобразное место. Это своеобразие прежде всего выражается в сохранившейся до наших дней редкой стабильности семантики, лексики и стилистики крылатой фразы. Так, на протяжении длительного времени на страницах двух газет («Правды» и «Литературной газеты» за 1965—1974 годы) она ни разу не встретилась нам с лексическими заменами, только один раз со вставкой («необщее выраженье» своего писательского лица) и три раза в сокращенном виде (необщее выраженье, общее выраженье, лица выраженье). Свообразие употребления поэтической формулы Баратынского заключается далее в том, что она, в отличие от крылатых слов его современников и несмотря на высокую частоту употребления, на страницах современной публицистики, как правило, выделяется кавычками (в 40 случаях из 43).

Выразительная словесная формула, которую подарил русскому языку замечательный русский поэт, чье 175-летие отмечает наша страна, живет яркой современной жизнью, помогая публицистике в борьбе за индивидуализацию творчества как неперемное условие расцвета искусства социалистического реализма. Подобно видимой части айсберга, по которой можно определить высоту всей ледяной горы, поэтический фразеологизм Баратынского свидетельствует о высоком художественном мастерстве и своеобразии творческой мысли его создателя.

Кандидат филологических наук
Л. А. ГЛАДЫШЕВА

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО ЕСЕНИНА

Поэтический мир Есенина, несмотря на сложность, многообразие и даже противоречивость его творчества, представляет собой неразрывную художественную ткань из образов, символов, картин, мотивов, тем.

Одно и то же слово, многократно повторяясь, превращается в своеобразный есенинский символ, а соединяясь с другими словами и образами, создает единый поэтический мир. Однако это мир меняющийся, развивающийся, так как даже одно и то же слово имеет различные значения в зависимости от контекста (произведения, цикла, книги, периода).

Слова-символы, сквозные образы, проходящие через все творчество Есенина, с одной стороны, как бы цементируют, связывают отдельные его произведения, превращая всю есенинскую поэзию в «лирический роман или эпопею»; с другой стороны, разные сквозные образы за счет общих слов, деталей, понятий, соединяясь друг с другом, также способствуют образованию единой художественной системы.

Для примера возьмем слово *черемуха*, которое проходит через все творчество Есенина.

Осыпающиеся цветы черемухи напоминают снег, метель, «черемуховую вьюгу»: «Сыплет черемуха снегом». Но *метель* создает свой ряд образов. Оба ряда — *цвет* (цветение) и *метель* (снег) — развиваются самостоятельно, обрстая родственными деталями, перекликаясь со схожими поэтическими образами. Цветущая черемуха, сирень — и цветущие липа, яблоня, вишня, сад... Связующим звеном между ними и внешней, «предметной» стороной служит *цвет* (цветение), который в свою очередь связан с метелью, сне-

гом (цитируется по изданию: Сергей Есенин. Собрание сочинений. М., 1961—1962):

Милая спросила: «Крутит ли метель?»

Я ответил милой: «Нынче с высоты
Кто-то осыпает белые цветы».

«Голубая кофта. Синие глаза...»

Белые цветы — и белая кора березы (береста) также «связываются» друг с другом. А общий для них признак — белый цвет — ассоциируется с белым снегом, метелью — символом неустроенности и белым саваном — атрибутом смерти:

Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?
«Снежная равнина, белая луна...»

В свою очередь с образом метели связан образ тройки как символ радости, молодости, летящей жизни, счастья, родины. А промчавшаяся, запоздалая или чужая тройка — это потерянная радость, ушедшая, чужая молодость:

Снежная замать крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

Мчится на тройке чужая младость,
Где мое счастье? Где моя радость?

Все укатилось под вихрем бойким
Вот на такой же бешеной тройке.

«Снежная замать крутит бойко...»

У каждого образа-символа есть свои атрибуты, которые, соединяясь, выстраиваются в новый ряд связанных между собой образов: тройка — кони — сани — колокольчик... Почти каждое из этих слов имеет свою собственную цепочку сквозного образа, где символизируются отдельные слова. Широкий контекст всего творчества поэта наполняет новым смыслом самые простые слова, превращая их в сквозные образы-символы, проходящие через основные темы есенинской поэзии. Рассмотрим слово *окно* в разных контекстах.

Возьмем три строки из раннего стихотворения Есенина «Поет зима — аукает...» (1910):

Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Слово *окно* в данном контексте — лишь художественная деталь. А уже в пределах всего стихотворения это слово наполняется новым поэтическим смыслом, расширяя свое номинативное значение. Повторяясь в четвертой строфе и соединяясь с эпитетом

мерзлый (а также с другими словами первой полустрофы), оно превращается в поэтический образ:

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.

Образность этой художественной детали (окно) усиливается также за счет ее связи со словом *ставни* — «атрибутом» окна:

А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильней.

Более того, в контексте этого стихотворения сквозной образ окна вырастает для автора в определенную точку наблюдения: всю картину, нарисованную здесь, он увидел именно из окна. Слово *окно* как бы говорит нам о «местонахождении» автора: из окна он видит лес, облака, двор, метелицу на дворе и воробышков. И в стихотворении «Подражанье песне» (1910) уже лирический герой наблюдает за происходящими событиями из окна:

Я смотрел из окошка на синий платок,
.....
В пряже солнечных дней время выткало нить...
Мимо окон тебя понесли хоронить.

С подобной позицией автора как стороннего наблюдателя (из окна) мы встречаемся во многих произведениях раннего Есенина.

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

Береза

Эта позиция присуща и некоторым персонажам поэзии Есенина:

Знаю, знаю, скоро, скоро, на закате дня,
Понесут с могильным пеньем хоронить меня...
Ты увидишь из окошка белый саван мой...
«О дитя, я долго плакал над судьбой твоей...»

Девушка, как призрак, плачет у окна.
Узоры

В стихотворении «Ус» мать, поджидая сына, «подошла, взглянула в мутное окошко...». Даже боги с ангелами в «райском тереме» и те наблюдают за жизнью людей и природы не иначе как из окна: «Говорит господь с престола, Приоткрыв окно за рай...» (Микола). Аналогичные примеры можно найти в «Марфе Посаднице», «Сказании о Евпатии Коловрате...» и «Богатырском посвисте».

Окно — важная деталь в поэтическом мире Есенина. А окна — это глаза избы, с которой поэт очень многое связывал. Весь есе-

винский мир как бы разделен на две части: изба — и все остальное пространство. Это скорее даже два мира, разделенные стеклом: окно — граница этих миров.

Изба для поэта — целый мир. Этот мир крестьянской избы, медленное течение сонной жизни за ее толстыми бревенчатыми стенами Есенин поэтично изобразил в своих ранних стихах: «Смолящим колоколом над прудом Опрокинулся отчий дом» («Ночь и поле, и крик петухов...»); «Изба-старуха челюстью порога Жует пахучий мякиш тишины» («О красном вечере задумалась дорога...»). Человек, живущий в этой избе, словно оторван, отгорожен от большого мира, отступающего ее.

Осенний холод ласково и кротко
Крадется мглой к овсяному двору;
Сквозь синь стекла желгиволосый отрок
Лучит глаза на галочью игру.
«О красном вечере задумалась дорога...»

Особенно ярко это проявилось в раннем творчестве Есенина. Можно привести целое стихотворение, посвященное «деревенской избенке». В есенинской избе происходит множество событий: мать ждет сына с войны (Молитва матери; Ус), «байкает девочку-крошку» или возится возле печи; «девочка тоскует и рыдает», ожидая «храброго героя, принца своей души» (Узоры); невеста готовится к нелегкой жизни в доме «угрюмого и ревнивого жениха», свекрови и золовки (Девичник). Все это крестьянские избы. Но поэт кроме них видит и другие дома — «большие хоромы», где «смех веселый так и льется серебром», а у окна «плачет девочка-малютка» (Побирушка). Образ богатого дома, «больших хором», «палат» и сытого мира вообще в сопоставлении с крестьянскими «избами», «хатами» и миром голодных возникает и в стихотворении «Село» (1914):

Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты,
И перед крашеным окном
В шелковых листьях тополя.

Создавая в ряде произведений сквозной образ избы, Есенин упоминает почти все ее детали: стены, потолок, пол, печь, трубу, порог... И все они наполняются здесь особым поэтическим смыслом, становясь символами — заменителями избы. Так образ окна, сцепляясь с другими деталями того же тематического ряда, в пределах поэтического контекста творчества раннего Есенина привел нас к образу крестьянской избы как символа мироздания на земле. Не случайно в трактате «Ключи Марии» (1918) поэт писал: «Изба простолоюдина — это символ понятий и отношений к миру, выработанных еще до него его отцами и предками, которые не-

осязаемый и далекий мир подчинили себе уподоблениями вещам их кротких очагов...

Красный угол, например, в избе есть уподобление заре, *потолок* — небесному своду, а *магица* — Млечному Пути... Все наши коньки на крышах, петухи на ставнях, голуби на князьке крыльца... это великая значная эпопея исходу мира...».

Есенинскую избу окружает двор со всеми его атрибутами: «Под красным вязом крыльцо и двор». Избы, окруженные двором и огороженные плетнями, «связанные» друг с другом дорогой — это и есть один из ликов есенинской дореволюционной Руси:

Гой ты, Русь, моя родная,

Хаты — в ризах образа.

«Гой ты, Русь, моя родная...»

В том краю, где желтая крапива

И сухой плетень;

Приютились к вербам сиротливо

Избы деревень.

«В том краю, где желтая крапива...»

Русь Есенина отрезана от большого мира лесами и болотами, обширными российскими пространствами: «Затерялась Русь в Мордве и Чуди»

Потонула деревня в ухабинах,

Заслонили избенки леса.

Только видно, на кочках и впадинах,,

Как синеют кругом небеса.

Русь

Дальнейший анализ деталей и образов этого ряда начинает убеждать нас в том, что окно, которое является границей, отделяющей внутренний мир избы от внешнего мира — есенинской Руси, есть в то же время основа его мироощущения, сказавшегося в большинстве стихов, где поэт выступает сторонним наблюдателем, не видящим путей выхода из этого созданного им замкнутого мира, опоясанного деревенской околлицей:

Закружилась пряжа снежистого льна,

Панихидный вихорь плачет у окна,

Замело дорогу вьюжным рукавом,

С этой панихидой век свой весь живем.

«Закружилась пряжа снежистого льна...»

Но поэт верил в народ, в Русь, в революцию, гром которой в конце концов грянул под есенинским окном:

Но вот под тесовым

Окном —

Два ветра взмахнули

Крылом;

То с вешнею полымью

Вод

Взметнулся российский

Народ...

Товарищ

Снова мы встречаем образ окна, который, повторяясь, становится сквозным, вырастает до своеобразного есенинского символа. И в дальнейшем, в своем послереволюционном творчестве, когда художественный мир Есенина значительно расширился и углубился, поэт не раз прибегал к этому образу-символу.

В стихотворении 1918 года Есенин, появивший к тому времени иллюзорность своих мечтаний о немедленном «мужицком рае», говорит о Клюеве, которому посвящено это произведение (да и о своем лирическом герое, наблюдавшем раньше жизнь из окна):

Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил.

Тебе о солнце не пропеть,
В окошко не увидеть рая.
Так мельница, крылом махая,
С земли не может улететь.

«Теперь любовь моя не та...»

В 1923—1925 годах воспоминания о деревне, о прошедшем детстве очень часто связываются у Есенина именно с домом и прежде всего с окном.

Эта улица мне знакома,
И знаком этот низенький дом.
Проводов голубая солома
Опрокинулась под окном.

«Эта улица мне знакома...»

Там теперь такая ж осень...
Клен и липы в окна комнат,
Ветки лапами забросив,
Ищут тех, которых помнят.

«Дорогая, сядем рядом...»

В поэтической системе позднего Есенина окно прочно связывается с образами «родного очага», дома, «грустящей в закат деревни». «Под окнами Костер метели белой», — пишет поэт, вспоминая свое детство в стихотворении 1925 года «Мой путь». В письме матери:

Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.

Ответ

И деду: «У вас под окнами Теперь метели свищут» (Письмо деду). Да и здесь, в Москве, у поэта иногда «за окном Протяжный ветр рыдает, Как будто чуж Близость похорон». «Отшумевшую юность» Есенин сравнивает с «подгнившим под окнами кленом».

Особенно часто к образу-символу окна Есенин обращается в 1925 году. Образ этот наполняется теперь особым социальным смыслом, несет большую поэтическую нагрузку. Окно разделяет не только два мира — внутренний и внешний, но и два периода жизни поэта: его «голубые года», детство и настоящее. Лирический герой мечется между двумя мирами-периодами, входя попеременно то в один, то в другой:

Я хотел бы теперь хорошую
Видеть девушку под окном.
«Листья падают, листья падают...»

За окном гармоника и сиянье месяца.
Только знаю — милая никогда не встретится.

Песня

Проходил я мимо, сердцу все равно —
Просто захотелось заглянуть в окно.
«Не криви улыбку, руки теребя...»

Снова я вижу родную околицу,
Через метель огонек у окна.

А за окном под метельные всхлипы,
В диком и шумном метельном чаду,
Кажется мне — осыпаются липы,
Белые липы в нашем саду.

«Снежная замать дробится и колется...»

Поэт не в силах перейти эту грань, слить, объединить два мира, два периода. Окно вновь и вновь встает как бы преградой, которую Есенин хочет преодолеть хотя бы с помощью волшебной поэтической силы.

Окно как преграда, отделяющая революционеров, находящихся в тюремной камере, от прекрасного мира свободы, воли, неоднократно используется Есениным в «Поэме о Зб». По-своему интересно использование образа окна в «Черном человеке» и «Анне Снегиной».

У Есенина все взаимосвязано, и почти каждая художественная деталь, каждое слово является важной частицей целого — есенинского поэтического мира, подверженного постоянным изменениям под воздействием реальной жизни.

Сквозные образы (мотивы, темы), соединяясь с другими, усложняясь и захватывая в свою орбиту все новые слова и образы, вливаются в главные, магистральные темы есенинской поэзии.

А. Н. ЗАХАРОВ

ЗНАТОК НАРОДНОГО ГОВОРА

Роман Алексея Павловича Чапыгина «Разин Степан» заметно выделяется среди многих советских художественно-исторических произведений своеобразием языка и стиля. Уже с первых страниц читатель чувствует историческую правдоподобность живой выразительной речи героев. Постепенно создается впечатление, что язык героев романа — это подлинный язык далекой эпохи Степана Разина.

Ощущение достоверности, правдивости языка романа достигается в значительной мере прежде всего умелым воспроизведением писателем подлинных речевых особенностей XVII века, широким использованием разнообразных слов и грамматических форм, характерных для описываемой эпохи. В одном из своих выступлений Чапыгин говорил по этому поводу: «Четыре года работал я над своим романом „Разин Степан“. Мне не хотелось писать его так, как писали старые романисты. Я считаю невозможным врать в исторических романах... Книгу я эту написал по документам. Два года я разбирался в архивах. Материал взят у меня из подлинных источников, и язык взят в точности такой, какой был в XVII веке» («Кировский рабочий», 27 мая 1935).

Однако, наряду с тщательным изучением документов, «вживанием» в описываемую эпоху, в работе над языком и стилем романа большую роль сыграло глубокое знание Чапыгиным живого народного языка. «Одних официальных документов мало, — отмечал сам писатель, — чтобы „заговорить“ подлинным языком. Мне помогает мое детство, знание народного говора» («Литературный Ленинград», 1934, № 32). Характеризуя своих героев со стороны их речевых навыков, Чапыгин очень интенсивно вводит в их диалоги языковые краски, сохранившиеся в местных говорах и просторечии,

широко использует лексику и фонетико-грамматические формы, встречающиеся в севернорусских и среднерусских диалектах, в частности в родном для него Олонецком говоре.

В речи «бахаря» Вологженина, уроженца севера, встречаем: «Ни *гуну* боле — молчу» [цитируется по изданию: А. П. Чапыгин. Разин Степан. М., 1950]. В наставлении боярина Киврина: «Надо его ужо *обрядить* в сукман да *ступни* и в тай переправить через реку», «Сердце заходится! Должно скоро чорту блины *пекчи*», «Бери, говорю! Мне все это не в гроб *воложчи*». В рассказе Ириныцы: «Зачнет еще думать худое, что *зауголок* он, *прижитой* кой-где». В репликах дворовой боярина Морозова: «...*Трясуха* вас бей».

Нередко севернорусские и среднерусские по происхождению слова и формы вводятся Чапыгиным и в речь жителей южного Поволжья, преимущественно пришедших, или служивых, которые в силу своего положения и рода занятий вынуждены общаться с носителями севернорусских и среднерусских говоров, как, например, назначенные Москвою поволжские воеводы, государевы приказчики, стрельцы, солдаты. В речи Астраханского воеводы Прозоровского встречаем: «А был Иван, дед его... не *горонкой*... *тихой*». В речи воеводиши: «И слава те, боже, *кушат* дородно». В диалоге стрельцов с воеводою: «Вишь мы в *улядях* — опорах, ты в чедыгах и жемчугах».

Проникают часто севернорусские диалектизмы и в речь донского казачества, особенно участников разинского восстания, что в определенной степени, видимо, оправдано влиянием беглых холопов — крестьян из северных областей, спасавшихся от произвола бояр и дворян на «донской вольнице», а также пестротой состава по территориальному признаку самих разинцев. В диалоге донско-

го атамана Корнея со станичниками встречаем: «*Пошто* встал хрестник, и ране времени когти востришь?». В репликах разинцев: «*Ни гунь!* молчи... *Отаман* наказал не разговаривать». «*Козак* Федька любой Ваське».

Широко в романе Чапыгина используются и лексико-грамматические особенности южнорусских говоров. Так, московский дьяк, подольский приемом, который оказали им с боярином Кивринным донские казаки, говорит: «Штоб их сатана взял чубатых!.. *Бузу* завсегда лопают, нам убажают ее... Просил квасу — нет! Мне брюхо натянуло с *бузы*, как воеводский набат». В разговоре донских казаков у торговых рядов: «Мясник, бородатый донец, кричал: „— Кому жеребчика степного? Холку, голову, весь *озадок?*..— Ты, кунак, *махан* ел? — Ел! — бойко отвечал мясник”».

Многие диалектные слова, употребленные Чапыгиным в речи героев, встречаются и в южных, и в северных говорах: *обличье*, *упокійник*, *чуть* — ‘слышать’, *баской* — ‘красивый’, *бахилы* — ‘рабочие кожаные сапоги, простонародная обувь’, *багть* — ‘говорить, сказывать’. В речи бахаря Вологженина: «*Пошто*, бог храни, *бахилой* пить». В речевой характеристике государева приказчика с волжских Насад: «Правду *баю*, Иван Петров сын». В разговоре самарского воеводы с подчиненными: «Сказывай, какой тот человек по *обличью* и *платью*». В диалоге торговца гробами с покупателями: «Выбирай, чтоб *упокійник* не корчился... Осердится не то, ночью приходить зачнет».

Воссоздавая народный говор XVII века, Чапыгин, естественно, не ограничивается диалектной лексикой каких-то отдельных южнорусских или севернорусских местностей. В его романе использована лексика самых различных мест. И этот широкий географический диапазон использованных писателем диалектизмов отражает собой как территориальную широту изображенного в романе Русского государства XVII века, так и размах крестьянского движения под предводительством Разина, втянувшего в себя представителей самых различных областей тогдашней России.

Богатым источником средств речевой характеристики героев служит у Чапыгина просторечие: жисть, оголодать, поспрошать, свербеть, зыкнуть, употчевать, оборотиться, осердиться. В разговоре донского атамана Корнея со станичниками встречаем: «Ежели... закроет Москва пути на Дон.. Дон *оголодает*». В речи Разина: «Поднять с кос *кинутые* струги... *побрать* муку с *анбаров*... и в ход с песнями». В разговоре стрельцов: «Эх, в черной обиде, братья, *жисть* волочим». В речи казака-разинца: «*Свербит*, Петра, и меня тая ж думя, только боюсь — батяко *осердится*».

Речевые краски местных говоров и просторечия в романе Чапыгина очень разнообразны. Употребленные в тесных семантико-

синтаксических и стилистических связях с речевыми особенностями XVII века, они способствуют созданию исторического языкового колорита времени, углубляют его. Многие из них являются исторически достоверными и широко отражены в памятниках XVII века.

В речи московского пономаря Трошки встречаем диалектное слово *ослопье* — 'дубина': «Трещали кости громче, чем на дыбе — пономарь понял: — *Ослопьем* бьют». Слово *ослопье*, сохранившееся в современных севернорусских (и северо-восточных) говорах, было употребительным, как свидетельствуют памятники XVII века, и в описываемую Чапыгиным эпоху: «Поручика... да пятидесятника повесили за ноги и бив *ослопьем* многих пересажали в воду» (А. Попов. «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина». М., 1857).

Встречающееся в южных говорах слово *сакма* — 'воинская тропа, проторенный на траве след' Чапыгин вводит в речь астраханского воеводы Прозоровского: «А не доглядывал ли ты, брат, пошто калмыки... наезженные *сакмы* кинули, торят новые, и новые *сакмы* ведут все на Астрахань? Но слово *сакма* в южных говорах употреблялось и в XVII веке. Зарегистрировано оно и в памятниках эпохи: «А как де он ехал з Дону назад... *сакмы* никакой не переезживал и людей нигде не видал» (Донские дела. Кн. IV. СПб., 1913).

Часто находим в романе Чапыгина распространенную в севернорусских говорах форму *стрелить* в значении 'стрелять, выстрелить, застрелить'. В речи безымянного стрельца: «Стой не *стрели*: *говорить* ладит». Эту же, ныне диалектную, форму встречаем в памятниках эпохи: «И в городе почали бить в набат и *стрелили* из пушки» (А. Попов). Нередко используется также у Чапыгина сохранившаяся в диалектах форма *стретить*. В речи Степана Разина: «Как и доводили лазутчики, *стретят* нас бусы кизылбашски». И сравните соответствующую форму в Материалах А. Попова: «На другой день он Стенька тех стрельцов *стретил* от города в семи верстах».

Долго бытовавшее на Дону слово *круг* в значении 'собрание казаков' (войсковой круг) было широко употребительно и во времена Степана Разина: «А укрепя город, был у него у Стеньки под Царицын *круг*, а в *кругу* говорил всем своим казакам» (А. Попов). Отсюда весьма историчным является употребление таких слов в романе Чапыгина, например в речи атамана Корнея Ходнева: «Пускай *кругу* обскажет... что на Москве было».

Употребляющиеся в говорах формы инфинитива типа *иттить*, *заттить*, *подтить*, *оботтить*, встречаются нередко и в письменных материалах XVII века: «И били челом тебе Великому Государю, а

мне о том говорили, чтоб... *иттить* на Алатор»; «*Иттить* де мне Волгой с бояры повидаться»; «Стенька говорил своим воровским казакам, чтоб *иттить* судами и конми под Царицын» (А. Попов). Часто они употребляются и в романе Чапыгина.

В речи героев писатель воспроизводит и характерные для ряда говоров падежные формы кратких прилагательных: *добра* слова, *пуста* места, *малу* грамоту; стяженные формы прилагательных: *лицки* стрельцы, *персицка* княжна, *Тверски* ворота, стена *монастырска*, копье *татарско*, посулы *судейски*; исконно русские формы прилагательных мужского рода единственного числа с безударным окончанием *-ой* в именительном падеже: *смерд черной*, *струг разбойной*, *детина вольной*. Подобные формы встречаются и в письменных памятниках того времени: «До твоего Великого Государя указу велел я... оставить в тех городах в воеводах... дворянина *добра*» (А. Попов).

Из падежных форм существительных Чапыгин нередко использует такие отклонения от литературных норм, как *в городу*, *в трюму*, *островы*, *островья*, *на Москвы*, *башкиров*, *рублев*, *палачев*. В диалоге разинцев: «— Где Вологженин?— *В трюму* ен спит». В речи воеводы: «Ты, стрелец, не *полоши* народ в *городу*». В рассказе Васьки Уса: «*Конь от башкиров болесть* принял».

Заметно отражение сохранившееся в просторечии и диалектах произношение слов: *яшневый*, *кулашный*, *Ляксея*, *ясаул*, *Хведька*, *нихто*, *ердань*. В диалоге торговцев блинами с покупателями встречаем: «— Какие у тя? — *Яшневые*». В речи стрельца: «Ты *ко-озак* с До-ону?». В разговорах разинцев: «Должно... *Хведька* Шпынь... то его работа». Примеры окающего и якающего произношения безударных *о* и *е*; произношение *шн* на месте современного орфографического *чн*, *хв* на месте *ф*, *х* на месте *г* при оглушении последнего широко запечатлены в орфографии XVII столетия: «Атаман Стенька Разин, да *ясаул* Ивашко чернойрец»; «С войсковой отпискою к воровским казакам к *отоману* к Стеньке Разину» (А. Попов).

Органическая связь многих из использованных Чапыгиным диалектизмов и просторечных форм с языком XVII века, их характерность для описываемой эпохи способствует тому, что живой, народный, «шелком вытканный», по словам М. Горького, язык романа является в основе своей исторически достоверным, правдивым, что обеспечивает как художественную, так и познавательную ценность произведения.

Доцент
М. Н. НЕСТЕРОВ
Николаев

НОВООБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Многие современные поэты обращаются к индивидуальному словотворчеству как к одному из средств максимального использования выразительных возможностей слова. В большинстве случаев поэтические новообразования призваны выразить смысловые оттенки и экспрессию, для выявления которых в языке еще нет специальных средств, или оживить стершиеся в общелитературном слове оттенки семантического или стилистического характера. Основная функция этих новообразований — эстетическая. Являясь новым средством выразительности и выполняя роль нового, необычного словесного образа, они в совокупности с другими языковыми средствами способствуют раскрытию художественного замысла стихотворения.

Поэтические новообразования (независимо от их структуры) неоднородны: одни из них воспринимаются как в высшей степени индивидуальные, другие кажутся более привычными и возможными. Степень новизны и необычности новообразований связана прежде всего с тем, насколько продуктивен в современном языке словообразовательный тип, по которому, это новообразование создано.

Расскажем о наиболее характерных для современной поэзии типах создания новых слов, образованных от основ имен прилагательных.

Самыми распространенными в современной поэзии типами создания новообразований являются образования отвлеченных существительных на *-ость* и наречий на *-о*.

Для общелитературного языка нормативными являются существительные на *-ость* и наречия на *-о*, образованные от качеств

венных прилагательных и от тех относительных, которые способны развивать оттенки качественности. Ограничения эти в современной поэзии легко преодолеваются: практически любое относительное прилагательное в поэтической речи может иметь и существительное на *-ость* и наречие на *-о*. Объясняется это тем, что в современной поэзии широко распространена метафоризация, а одним из способов создания ее является развитие у относительных прилагательных переносных, качественных значений.

Многие существительные на *-ость* семантически представляют собой совмещение прямого относительного и переносного качественного значений мотивирующих прилагательных.

А статуи ходят по саду...
— Эй, фигуры!
А ну, прекращайте хождение
немедленным образом!
Мне ли
Не знать вапу *каменность*, *косность*.
В. Соснора. Летний сад

Существительное *каменность* из приведенного примера представляет собой совмещение прямого и переносного значений прилагательного *каменный* — ‘сделанный из камня’ и ‘бесчувственный, бессердечный, жестокий’.

Приведем еще несколько примеров новообразований на *-ость*, семантика которых имеет двуплановость:

Возьми, я тебе отдам
Древесность мою и *кирпичность*,
Ажурность, *узорность* резьбы...
Л. Мартынов. Старина

Стряхнула свою *сосновость*,
Еловость свою хвоя.
Л. Агеев. В лесу

Иногда в поэтической речи появляются отвлеченные существительные на *-ость* от прилагательных, уже имеющих в языке такие существительные с другими непродуктивными суффиксами (*-от-а*, *-изн-а*, *-ин-а* или безаффиксные существительные). Наряду с общелитературными *долгота*, *слепота*, в современной поэзии встречаются *долгость*, *слепость*:

Я камни в озеро бросаю,
перешibaю рог луны,
перебегаю лога *долгость*,
вбегаю в долгие луга...
Р. Казакова.
«А если так оно сложилось...»

Нет, нужна в самооценке строгость,
Чтобы с неба не свалиться в пропасть.
Понял вы это, Ваша *Слепость*!
Л. Мартынов. Логос

Наречия на *-о* составляют самую многочисленную группу современных поэтических новообразований. Прозрачность словообразовательной структуры и отсутствие каких-либо ограничений в образовании названных наречий сочетаются с краткостью выражения: одно наречие по своему значению может заменить целый описательный оборот. В поэзии с ее сгущенной образностью это свойство наречий активно используется.

Излюбленным стилистическим приемом многих современных поэтов является употребление наряду с вновь образованными наречиями наречий общеизвестных. По своим семантическим отношениям эти наречия обычно соплагаются, дополняя, уточняя друг друга или, что встречается в современной поэзии реже, противопоставляются, создавая семантические контрасты. Соположение однородных наречий может привести к определенной семантической близости их: индивидуальные и общелитературные наречия могут быть контекстуальными синонимами. Так, семантика наречий *дамоклово* (образовано из сочетания *дамоклов меч*) и *неумолимо* способствует раскрытию их значений:

Мне снится сон. Я погружен
на дно огромной шахты лифта.

Дамоклово,

неумолимо

мне на затылок
мчится
он!

А. Вознесенский й. Эскиз поэмы

В семантике ряда наречий на *-о*, образованных от относительных прилагательных, наблюдается совмещение прямого относительного и переносного качественного значений мотивирующих прилагательных (с преобладанием последнего). Качественность в этих наречиях поддерживается самим значением качественных наречий на *-о*, как определенного лексико-грамматического разряда слов, обозначающего признак действия или признака, а также наличием необычной сочетаемости — метафоричностью. Значение относительности в этих наречиях обусловлено семантикой мотивирующих прилагательных, тем, что все они выражают признак через отношение к предмету или явлению. Семантика наречия *высотно* представляет собой совмещение относительного значения 'с высоты' и качественного значения — 'равнодушно, издалека':

И облака, покойны и тихи,
взирая на долинный мир *высотно*,
сидели на снегу, как пастухи,
и, как лаваш, разламывали солнце.

Е. Евтушенко. Пушкинский перевал

Семантика наречия *сосенно* также представляет собой совмещение относительного значения и качественного значения подо-
бия:

Ушли облака невесомо,
И все осиянно кругом на миг.
Тепло и *сосенно*.
Тепло и *сонно*.
Лежишь: качание вершин немых.

А л. К о р е н е в. Уже улетели

Большая же часть наречий на -о, мотивированных относительно-
ными прилагательными, имеет качественное значение. Приведем
лишь несколько примеров:

Он отсюда

мыслил

ракетно.

А. В о з н е с е н с к и й. Лонжюмо

Современным таким суперменом

Ледокольно по жизни идти.

А. Д м и т р и е в. Поприбавилось люду повсюду

Сок —

Так *родниково* и *нарзаново*

Пузырьками зашипит в крови.

А л. К о р е н е в. Яблоко

Широко распространены в современной поэзии образования
на -инк-а с общим значением признака, проявляющегося в слабой
степени. Большая часть новообразований соотносится с прилагательными, характеризующими человека, его внешний вид, свойства характера и душевное состояние. Много также новообразований, мотивированных прилагательными, обозначающими разного рода признаки предметов и цвет.

Большинство новообразований первой группы, характеризующих внешний вид человека или его внутренние качества, имеет положительный оттенок. Происходит это, очевидно, потому, что суффикс -инк-а может вносить в новообразование значение слабой степени проявления признака, названного прилагательным. Значение это часто сопровождается экспрессией ласкательности. Таковы, например, существительные *безуминка* и *злинка*:

Все чаще мне встречаются
Глаза со звездным блеском.

С *безуминкой*,

Они глядят,

Так,

Будто бы

на Марс летят.

В. Ф е д о р о в. «Средь тех, кому мечтается...»

Фадеев, старый друг, сверкни опять

Глазами голубыми, с легкой *злинкой*.

В л. Л у г о в с к о й. Москва

Почти все новообразования на *-инк-а*, характеризующие человека, выражают ласково-благожелательное отношение автора к называемым героям:

Стояла мать, не плакала,
как возле яра ивинка
чуть-чуть сутуловатая,
и лишь в губах *дрожливинка*
теплела виноватая.

В л. Цыбин. Встреча

То же новообразование *дрожливинка*, характеризующее признак, присущий предмету, уже не имеет в своем значении дополнительного оттенка ласкательности:

Тетерева начистили ботинки
дрожливинки
на ивинке рябы...

В л. Цыбин. «Сегодня ведро вновь...»

Поэтические новообразования на *инк-а* могут иметь конкретно-предметное значение и употребляться в форме множественного числа, сочетаясь с прилагательными и числительными:

Губы, как ребенок, надуваешь,
Сводишь две *упряминки бровей*.

В. Бок о в. «Губы пахнут почкой тополиной...»

И *мохнатинками* шелковыми бился
Рыжий шмель о лебедеянские сады.

И в. Лысц о в. Добрые облака

В семантике существительных на *-инк-а*, образованных от прилагательных, обозначающих цвет, дополнительный семантический оттенок неполноты, слабой степени проявления качества, присущий существительным, характеризующим человека, ощущается слабее: очи с *голубинкой* (Ив. Лысцов); *бирюзовинка* во взоре (И. Сельвинский); лес с *лиловинкой* утра (Р. Казакова); как *пестринки*, пятна пера (Дм. Сухарев).

Продуктивен в современной поэтической речи и тип образования безаффиксных отвлеченных существительных. Большинство безаффиксных поэтических новообразований в общелитературном языке имеет однокорневые суффиксальные синонимы с тем же значением. Различие между ними лишь в эмоционально-экспрессивной окраске: *влажь* (влажность), *лють* (лютость), *рыжь* (рыжина), *свежь* (свежесть), *седь* (седина).

Круче бицепсы, —
долже стаж,
разом высышься
в синь и *влажь*.

Н. А сее в. Мы спортсмены

В окопах *лють* зимы
куражилась над нами.

Г р. Г л а з о в. «Как сладок дым костра...»

Седь

уже сжимает мне виски.

Н. А с е е в. Чужая

Особенно наглядно экспрессивная окраска новообразования проявляется в том случае, когда в одном контексте с ним находится однокорневое общелитературное слово:

Ослепительной *рыжины*
Ходит лисонька у ручья,
Рыжей искоркой тишины
Бродит лисонька по ночам.
Удивительна эта *рыжь*...

П. К о г а н. Лисонька

Для поэтической речи характерными являются и образования на *-ие (-ье)*, обозначающие признак или свойство, названное мотивирующими сложными прилагательными с нулевым суффиксом или с суффиксом *-н-*, который в мотивированном усекается. В лексической системе современного языка нет существительных, обозначающих отвлеченный признак от названных сложных прилагательных, в языке нет синонимических им отвлеченных существительных с другими суффиксами: подкосив *буйногровье* размашистых трав (С. Макаров); врезая в *бурноводье* ледекол (С. Кирсанов); и пламенеют *пятыкрылья* звезд (В. Соколов); стриженных аллей *пустопорожье* (С. Островой); *стоголосье* пурги, летящей наугад (Вл. Цыбин); их вишневое *черноглазье* (Л. Мартынов).

И лишь отдельные новообразования названного типа имеют синонимы на *-ость*, от которых отличаются экспрессивной окраской: *громогласье* (громогласность), *быстроходье* (быстроходность).

И,
услышанный всем народом,
в *громогласье*
своих стихов,—
гулливеровским
пешеходом
он [Маяковский] ушел бы
за грань веков!

Н. А с е е в. Бессонные стихи

Больше продуктов, тканей, одежи,
Новых станков *быстроходье* — кружись!

Н. А с е е в. Ширим размах семимильных шагов

В нашей поэзии встречается ряд существительных на *-ка* и *-ик*, не отмеченных словарями, однако имеющих широкое распространение в современной разговорной и профессиональной речи. Это образования типа *валютка* 'валютный магазин' (А. Вознесенский),

высоковольтка 'высоковольтная линия' (Вл. Костров), *стоеваттка* 'лампочка в сто ватт' (В. Соснора). Наряду с ними встречаются индивидуальные образования. К ним относятся, например, существительные *невредимка* 'невредимый человек', *бесприютник* 'бесприютный метеор':

Пусть уж будет враг
Подкопытный прах,
А тебе под каской-невидимкою
Сквозь бои пройти *невредимкою*.

В. Б о к о в. «Колокольчик...»

Там, где город, пронесся спутник,
Вдруг, глядишь, блеснет невеско
Метеорчик-*бесприютник*.

Л. М а р т ы н о в. Осколки

Разница между образованиями, имеющими широкое распространение, и образованиями индивидуальными — в характере их семантики.

В то время как общеупотребительные существительные на *-к-а* и *-ик* образуются из устойчивых сочетаний существительных с относительными прилагательными, индивидуальные новообразования, как правило, возникают из сочетаний с редкими, необычными прилагательными, имеющими качественное значение.

Оба названных словообразовательных типа, обладающие высокой активностью в современном языке и дающие массу новообразований в разговорной речи, не имеют такой высокой продуктивности в речи поэтической.

Некоторые поэтические новообразования на *-ств-о* (*-еств-о*) имеют в современном языке однокорневые синонимы: *спокойство* (Н. Асеев) — спокойствие, *татарство* (М. Львов) — татарщина.

Одной из причин возникновения новообразований на *-ств-о* может явиться стремление более кратко выразить понятие, которое в общелитературном языке не имеет словесного «эквивалента» и может быть выражено лишь описательно. Таковы новообразования Н. Асеева *комсомольство* и *чинушество*:

Формальным *комсомольством*
щеголяя,
ханжи, лжецы,
наушники, плуты,—
они мертвили разум,
оголяя
от всей его сердечной
теплоты.

Они сообща ненавидели
чинушество
и военщину.

Маяковский начинается

В современном языке есть существительные *комсомол* (коммунистический союз молодежи) и *комсомолия* (собирательное — комсомольцы). Однако существительное *комсомольство*, как это видно из контекста, имеет совсем другое значение: оно обозначает принадлежность к комсомолу, духовную принадлежность к комсомольскому мировоззрению. Существительное *чинушество* в приведенном примере имеет, очевидно, не только собирательное значение, оно одновременно называет и определенные свойства характера, присущие чиновникам царской России: холодное равнодушие и бюрократизм. Имеющиеся в языке с этим корнем слова *чинуша* и *чинушеский* обладают разговорно-пренебрежительной окраской, которая полностью сохранилась в новообразовании.

Ряд поэтических новообразований, как было уже отмечено, имеет в языке однокорневые синонимы. Правомерен вопрос: для чего понадобилось авторам вводить в текст стихотворения новое слово, в то время как для обозначения данного явления в языке уже существует общелитературное слово? В ряду других ответов можно предположить и следующий: стремление к обновлению привычных и часто повторяемых слов, замене их новыми и поэтому более выразительными, свежими и необычными.

М. А. БАКИНА

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

«ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ...» И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ

Какие новые экспрессивные и смысловые оттенки возникают в результате объединения в заглавии художественного произведения понятий, на первый взгляд логически исключаящих друг друга: «Живой труп» Л. Н. Толстого; «Живые мощи» И. С. Тургенева, «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского?

Как называется стилистическая фигура, объединяющая подчеркнуто противоположные понятия в одном образе? Что нового вносится в художественный образ этим стилистическим приемом соединения «неоднородных однородностей»? Вот несколько примеров из русской классической литературы:

Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом *труп живой*,
Клейменный мощною чумою...

П у ш к и н. Герой

«Он чувствовал какое-то томительное, неприятное и вместе сладкое чувство, подступавшее к его сердцу» (Гоголь. Вий); «...Поднималась и росла во мне какая-то радостная, непонятная тревога...» (Тургенев. Довольно); «Он чувствовал бесовски-сладкое чувство, он чувствовал какое-то пронзающее, какое-то томительно-страшное наслаждение» (Гоголь. Вий); «Ночь же настала страшная и великолепная... Очаровывая Чанга дивным и ужасным зрелищем... И дыбом становится вся шерсть на Чанге от боли и восторга перед этим звучащим видением» (Бунин. Сны Чанга); «Весь ужас метели показался ей еще более прекрасен теперь. Он сказал то самое, чего желала ее душа, но чего она боялась рассудком» (Л. Толстой. Анна Каренина).

Тот же изобразительный прием в лирике А. Фета:

Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым,
Я горем в душе опьянен...

«Не нужно, не нужно мне проблесков счастья...»

И болью сладостно-суровой
Так радо сердце вновь зануть.

«Опять осенний блеск денницы...»

В лирике А. Блока: «И смотрю, и вражду измеряю, Ненавидя, кляня и любя...» (О, весна без конца и без краю...); «Я узнаю В неверном свете переулка Мою прекрасную змею...» (И я провел безумный год...); «Дневная ночь объемлет нас...» (И я провел безумный год...); «В огне и холоде тревог...» (В огне и холоде тревог...); «Немотствует дневная ночь...» (Когда я прозревал впервые...); «Дохнула жизнь в лицо могилкой» (Дохнула жизнь в лицо могилкой...); «Мчится мгновенный век...» (Роза и крест).

Попытайтесь определить стилистическое назначение подобных текстов.

Практикум по стилистике ведет
Л. И. Еремينا

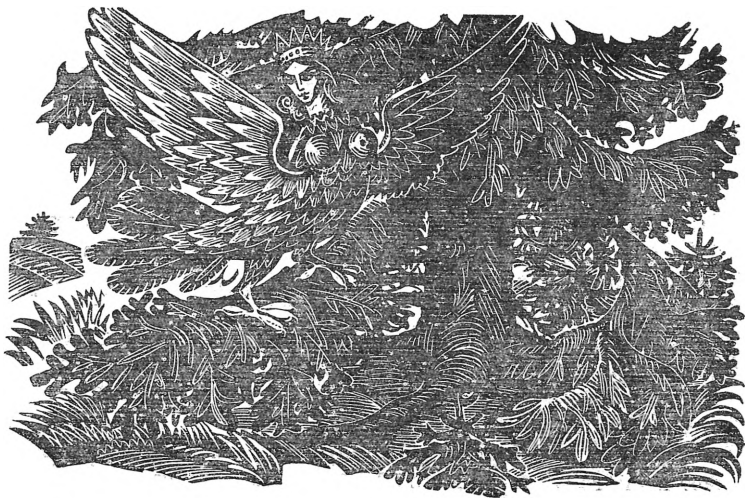

Детство, проведенное в селе Оленино Владимирской области, близость к природе, народное искусство, крестьянские обычаи и быт сформировали Владимира Солоухина как поэта, определили специфику его художественного мышления, мировосприятия, свежесть образов, яркость языка. То своеобразие, к которому многие художники приходят с годами, счастливо выявилось уже в его первом поэтическом сборнике.

И в прозе, и в поэзии Солоухин почти всегда ведет повествование от первого лица. Его основная тема — тема Родины, ответственности перед ней, понимаемая поэтом широко: от высокой требовательности к себе, к человеку, до ответственности перед миром, людьми за все, что происходит на земле.

Поэту важно выразить не только свое понимание и восприятие какого-либо явления, но главное заставить читателя сопереживать с ним. Для достижения этой цели он использует развернутую метафору, реализация которой и определяет композиционное построение целого стихотворения. Солоухин никогда не стремится поразить читателей своими метафорами. Солоухинские метафоры естественны: в их основе лежат свойственные характеру русского крестьянина основательность, неторопливость, взвешенность, глухая простота.

В 1949 году поэт пишет стихотворение «Колодец», в котором мысль о том, что колодец «жив, пока народ поит», соотнесена с человеческими взаимоотношениями, с раздумьями о творчестве. Стихотворение строится на сопоставлении деревенского колодца с че-

ловеческой душой, что позволяет, с одной стороны, упростить, материализовать философско-этическую мысль о полноте самораскрытия, самоотдачи, с другой, дает возможность углубить и расширить ее.

Метафора реализуется Солоухиным постепенно. Начинает поэт свое стихотворение зарисовкой колодца, наполненного чистой, вкусной, ключевой водой. Неожиданно повествование обрывается размышлением, казалось бы, никак не связанным с предыдущим: «Я думал, как мне быть с душой С моей, не так уж и большой». Однако уже в следующей строчке поэт снимает ощущение «неожиданности», употребляя выражение «закрыть на замок» в переносном значении для души, но которое используется в прямом значении для колодца: «Закрыть ли душу на замок...». Далее ассоциативная связь еще больше укрепляется автором:

Чтоб я потом разумно мог
За каплей каплю влагу брать
Из темных кладезных глубин
И скупю влагу отдавать
Чуть-чуть стихам, чуть-чуть любви!

И вот, когда правомерность метафоры доказана (метафора обоснована), Солоухин опять дает описание колодца, только на этот раз сгнившего, из которого «не черпает народ».

Полная же реализация метафоры, ее смысловая нагрузка раскрывается в заключительной части стихотворения, содержащей открытое наставление, мораль:

Кто доброй влагою налит,
Тот жив, пока народ поит.
И если светел твой родник,
Пусть он не так уж и велик,
Ты у истоков родника
Не вешай от людей замка,
Душевной влаги не таи,
Но глубже черпай и пей!

Схожую структуру, позволяющую наиболее полно «обыграть» метафору и высказаться до конца, Солоухин использует и в других стихотворениях, таких, как «Солнце», «Ответная любовь».

В стихотворении «Чтобы дерево начало петь...» Солоухин долго перечисляет необходимые качества древесины для изготовления настоящей скрипки. Их все недостаточно и недостаточно... Оказывается, не хватало главного: ель должна быть «опалена» молнией. В этом-то и есть секрет ее певучести. Можно бы так и кончить. Однако Солоухин добавляет еще три строчки, и стихотворение обретает иной, глубинный смысл. Все рассказанное преобразуется.

Я созрел. Я готов. Я открыто стою.
Небывалую песню я людям спою.
О, ударьте в меня, небеса!

И читателю становится понятным, что поэт, говоря о качествах древесины, сумел в подтексте сказать и о людях, о таланте, о поэтическом даре.

Что же все-таки нужно, чтоб дерево начало петь?
Нужна биография дереву. Это бесспорно, бесспорно!
И память про теплый,
Про первый, сладчайший дождь,
И от раны саднящей
Протяжная, зябкая дрожь,
И жестокое лето, что мучило жаждой его,
И железный январь, что свирепо морозил его,
И скудость той глины, где корни во мгле
пропитания ищут упорно.

Второй, основной смысл этих строчек очевиден. Он-то и делает слова «Я созрел. Я готов...» не неожиданными, а закономерными, обоснованными. Но даже при всей композиционной и лексической логичности Солоухин вводит метафору очень осторожно, с большим чувством такта. Недаром более или менее (зависит от читателя) неожиданное «я» соседствует с глаголом *созрел*, вполне уместным при описании жизни природы. Это слово-амортизатор, смягчающее смысловую тяжесть перехода с одного понятия на другое. Обычно при употреблении слова *созрел* применительно к человеку проявляется его просторечная окраска, в этом же контексте оно воспринимается как литературное.

Стихотворения, основанные на нереализованной метафоре, композиционно еще проще. В них поэт ограничивается только пер-

вой частью описаний. Само же соотнесение с подразумеваемым делается в подтексте — вторая часть целиком дописывается читателями. Художник только подводит их к сопоставлению. Это уже более сложный вид метафоры, требующий большого мастерства и от поэта, и от читателей. В последнее время Солоухин часто прибегает к такой композиции. Достаточно вспомнить «Яблони», «Жизнь моя, что мне делать с нею...», «Сани».

Без учета метафоричности образа стихотворение «Сани» из задорно полемичного ответа критикам превратится хоть и в яркий, талантливо написанный, но однозначный рассказ об «угоне» чьих-то чужих саней.

Над полями, над лесами —
То снега, то соловьи.
Сел я в сани,
Сел я в сани,
А эти сани не свои.

Для правильного прочтения этого стихотворения читатель хоть частично должен быть знаком с творчеством Солоухина и с полемикой, им вызванной, а также должен распознать пословицу, легшую в основу. Тогда-то напористость ритма, его пружинистость будут служить не только и даже не столько передаче удали, смелости, азарта, бешеного бега саней, а утверждению и отстаиванию права на звание поэта, своего художественного и гражданского кредо.

Руки чутки,
Руки грубы,
Забубенная езда.
В бархат — губы,
В пену — губы
Жестко врезалась узда.

Не такие шали рвали,
Рвали шелковы платки,
Не такие утихали
Вороньи рысаки!

И полями и лесами
Через дивную страну
Не свои я эти сани
Куда хочешь поверну.

Для читателя, способного соперничать с автором, «дивная страна» перестанет быть только Россией, а превратится в страну поэзии, утверждение же «Не свои я эти сани Куда хочешь поверну» наполнится страстной убежденностью в правильности выбранного пути, ощущением художественной зрелости и молодого задора. Стихотворение «Сани», на наш взгляд, относится к числу наиболее цельных и художественно выразительных произведений, созданных поэтом.

Анализ метафорической системы поэтических произведений Солоухина показывает зависимость их композиционной структуры от семантической наполненности образов. Отказ автора от одного из компонентов стихотворения — лежкого вывода, изложенного обычно с определенной долей категоричности, — усложняет понимание смысла произведения, но, с другой стороны, вся смысловая нагрузка стихотворения падает на метафорический образ.

Стихотворение, структура которого представляет собой единый образ, выраженный развернутой метафорой, имеет несколько пластов восприятия. Первичное понимание стихотворения — чисто внешнее. Следующий этап проникновения в суть произведения предполагает у читателя возникновение ассоциативного ряда, навеянного данным образом, причем этот ряд может быть достаточно широким, связанным только самой общей, определяющей идеей стихотворения. Основная же мысль произведения становится понятной при знакомстве с поэтической системой Солоухина, композиционным решением его стихотворений, главными темами его творчества. Категоричность суждений, характерная для первых произведений поэта, выражается не столь ярко.

Метафора, в частности развернутая, увеличивая смысловую емкость произведения, является определяющим средством выражения поэтической мысли Солоухина.

Е. А. МОРОЗОВА,
Г. А. ЦВЕТОВ

ПРОСТОРЕЧНЫЕ СЛОВА

Всем хорошо известны пушкинские строки «У лукоморья дуб зеленый...». Но каждый ли из нас может объяснить, а что значит *лукоморье*? Не исключено, что при более внимательном чтении А. С. Пушкина наберется довольно значительная группа слов, смысл которых будет не совсем ясен или даже потребует обращения к словарю. Со времени Пушкина в лексике произошли изменения как качественного, так и количественного характера. Они

коснулись, с одной стороны, семантики и стилистической оценки слов, а с другой — выхода некоторых слов из употребления или, наоборот, пополнения состава литературного языка значительным количеством новых.

Причиной выхода того или иного слова из активного употребления может быть либо утрата необходимости в наименовании какой-либо вещи или понятия в связи с тем, что эти вещи и понятия не актуальны для современности (ассессор, дилижанс, камердьер), либо появление в языке другого слова для обозначения определенного понятия.

Наибольший интерес с лингвистической точки зрения представляют изменения последнего типа. Процесс лексических утрат, обусловленных «борьбой» между словами-названиями одного и того же предмета, понятия или явления, мы попытаемся проиллюстрировать некоторыми примерами из произведений Пушкина, остановившись на «просторечных» и «простонародных», по определению Словаря Академии Российской, словах, привлекаемых поэтом в строго ограниченных условиях и контекстах.

Рассматриваемые нами слова (или отдельные их значения) малоупотребительны в первой трети XIX века. Они и у Пушкина представлены в основном одним-двумя случаями, а у непосредственных предшественников и современников Пушкина, например, Батюшкова, Жуковского, Баратынского, и совсем почти не встречаются.

Привлечение Пушкиным данных слов объясняется стремлением писателя более полно воспроизвести уклад социальной и исторической действительности. Такие слова привлекаются, например, в драматических произведениях, романах, повестях, персонажами которых является простой народ — крестьяне (при передаче их речи). Иногда «просторечная» и «простонародная» лексика вводится в речь представителей других сословий, например, бояр, поместных дворян и т. п. лиц (в народных стилизациях или при воспроизведении исторического колорита). Она используется также в стилизованной авторской речи и лишь изредка допускается писателями в собственной речи (в интимно-дружеских письмах или воспоминаниях).

В сочинениях Пушкина находим слова, обозначающие одно и то же понятие и совпадающие по значению, в то время как современные словари характеризуют одно из них как устаревшее, вышедшее из употребления. В одном и том же значении выступают у Пушкина слова *вестимо*, *разумеется* (в значении вводного слова) и *конечно*; в современном литературном языке слово *вестимо* считается архаизмом. Следует сказать, что и Пушкин употребляет слово *вестимо* в специфических условиях — только в речи персона-

жей, преимущественно из «простонародья» (пять случаев): «Подымете вы руку на царя Законного, на внука Мономаха? — *Вестимо*, нет». (Борис Годунов); «Не время ль нам княгиню выдать мужу Да молодых в дверях осыпать хмелем? — *Вестимо*, время» (Русалка); «Кто ждал меня? — Кто ждал? *вестимо*, дочь» (там же). Лишь один раз слово *вестимо* вводится Пушкиным в речь представителя другого сословия в драме «Борис Годунов»: «Прав ты, Пушкин. Но знаешь ли? Об этом обо всем Мы помолчим до времени. — *Вестимо*, Знай про себя».

Количественное соотношение употребительности слов *вестимо*, *разумеется* и *конечно* говорит само за себя. Слово *разумеется* встречается у Пушкина 34 раза, а *конечно* — 221. Словарь русского языка в 4-х томах (М., 1957—1961) фиксирует слово *конечно* и форму III лица настоящего времени *разумеется* (в значении вводного слова) как нейтральные (без стилистических ограничений), а *вестимо* — с пометой «простореч. устар.».

Исчезло из употребления слово *ветрогон* — «ветренный, легкомысленный человек». У Пушкина оно встречается дважды — в «Арапе Петра Великого»: в речи Татьяны Афанасьевны: «Да и мне они не по сердцу: *ветрогонь*, слишком понабрались немецкого духу» и Гаврилы Афанасьевича: «Конечно... человек он степенный и порядочный, не чета *ветрогону*...». Употребление существительного *ветрогон* в «Арапе Петра Великого» наводит на мысль, что данное слово введено Пушкиным с целью создания исторического колорита. Вероятно, уже в первой трети XIX века слово *ветрогон* начинает восприниматься как устаревающее.

Не нарушает нашего предположения и следующий пример, где нет авторской установки на архаизацию. В авторском тексте черновых вариантов «Евгения Онегина» читаем: «...Сон, покой Здравье, мотылек [младой] Хранитель жизни, жизни сладость — Надежда *ветрогон* другой Все скрылись легкою толпой». Данное словоупотребление отличается от приведенных выше не только по функции, но и по характеру лексических связей: слово *ветрогон* применено не к человеку, а переносно к надежде [в значении сказуемого или приложения]. Такое переносное употребление устаревающего слова было характерно для творчества Пушкина зрелых лет. Интересно, что синонимичное слову *ветрогон* — *ветреник* отсутствует у Пушкина (оно есть, правда, у Баратынского), а образование женского рода *ветреница* встречается всего один раз (в письме к жене).

Слова *ветрогон* и *ветреник* фиксируются словарями современного русского языка, но *ветреник* снабжается пометой «разг.», а *ветрогон* — «простореч.».

Выпало из языка слово *в-зашей*, встречающееся у Пушкина дважды в составе выражений *гнать, затолкать в-зашей*. Употребление сочетаний *гнать, затолкать в-зашей* также стилистически мотивировано. Один раз это сочетание представлено у Пушкина в стилизованной авторской речи в «Сказке о рыбаке и рыбке»: «На него старуха не взглянула, Лишь с очей прогнать его велела. Подбежали бояре и дворяне, Старика *в-зашей* затолкали»; второй — в «Капитанской дочке»: «Полно врать,— прервал я строго,— подавай сюда деньги или я тебя *в-зашей* прогоню». Здесь *в-зашей* находим в контексте, где Гринев выступает не как автор-повествователь, а как персонаж. В современных толковых словарях оно дается с пометой «простореч.».

Проявление снисходительного отношения к чему-нибудь предосудительному, недозволенному могло быть выражено в языке Пушкина тремя синонимами: *потворствовать, потакать и мирволить*. Первые два слова известны современному читателю, последнее — фиксируется в словаре как разговорно-устаревшее. Да и у Пушкина глагол *мирволить* встретился только в «Песнях западных славян»: «Гусляры нас в глаза укоряют: Долго ль вам *мирволить* янычарам?».

В языке Пушкина имеется немало слов, которые в современном языке устаревают в каком-то одном значении, но продолжают жить в другом, известном в пушкинское время или появившемся позднее. Так, слово *вздор* употребляется в современном языке только в значении «чепелость, бессмыслица, чепуха». Это значение представлено и у Пушкина: «Станным сном Бывает сердце полно; много *вздору* Приходит нам на ум, когда бредем Одни или с товарищем вдвоем» (Домик в Коломне). Но Пушкин употребляет слово *вздор* (единично) и в значении «распря, ссора, столкновение»: «Почтен, что глупости людской Решит запутанные споры; Умен, кто хитрости рукой Переплетает меж собой Дипломатические *вздоры* И правит нашу судьбой» (Послание В. Л. Пушкину). Правда, прилагательное *вздорный* как «склонный к ссорам, распрям» известно в пушкинское время, встречается и теперь: «Собою парень молодец, И статный и проворный, Не *вздорный*, не зазорный» (Пушкин. Жених) и «[Кукушкина] в эскадрилье не любят за *вздорный* нрав» (Б. Полевой. Повесть о настоящем человеке).

В начале XIX века слово *кормилец* употреблялось либо «тот, кто кормит, дает пропитание кому-нибудь», либо в обращении к благодетелю (чаще с притяжательным местоимением). Слово это находим у Пушкина только в последнем значении — преимущественно в речи крестьян, при обращении к барину: «Отец наш, *кормилец*... умрем, не оставим тебя, идем с тобою» (Дубровский);

«Спасибо, *кормилец*,— отвечали бабы,— и тотчас отправились домой» (Дубровский).

Один раз в переписке Пушкин шутливо называет *кормильцем* Плетнева, который, как известно, был издателем многих сочинений Пушкина, то есть как бы его благодетелем и кормильцем: «Слушай же, *кормилец*: я пришлю тебе трагедию мою с моими поправками — а ты, благодетель, явись к Ф.[он] Ф.[оку] и возьми от него письменное дозволение» (письмо П. А. Плетневу, около [не позднее] 5 мая 1830).

Просто как ласковое обращение к мужчине употреблено слово *кормилец* в «Борисе Годунове»: «Куда ведет эта дорога? — В Литву, мой *кормилец*, к Луевым горам».

Современные толковые словари выделяют в слове *кормилец* наряду со значением «тот, кто добывает, дает пропитание кому-нибудь» (*кормилец семьи*), которое фиксируется уже в академическом Словаре 1794—1798 годов, и другое значение — «ласковое обращение к мужчине». Последнее сопровождается пометой «прост. устар.».

Аналогично слово *мытарство*. У Пушкина находим его только в одном, устаревшем для современного языка значении «обман, плутовство в корыстных целях»: «...Все пустились в торги, в *мытарства*; думают о мирском богатстве, не о спасении души» (Борис Годунов). По всей видимости, подобное словоупотребление уже отмирало. Не случайно, думается, слово *мытарство* в данном значении употребляет монах (для речи таких лиц, как известно, характерны архаизмы). Указанное нами значение слова *мытарство* отсутствует в современных толковых словарях. Слово *мытарство* дается в них лишь в одном значении — «мучения, страдания».

Приведенные выше слова продолжали жить в литературе XIX века. Однако сфера их употребления узко ограничена: они оставались закрепленными за речью действующих лиц или контекстами в народном духе. В современных толковых словарях рассмотренные нами слова даются с пометой «устар.» или «просто-реч.».

Е. П. ХОДАКОВА

Пятьдесят лет на сцене МХАТа

Наше поколение, те, кто были учениками К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, воспитано на большой любви к русскому языку, на высокой требовательности воплощения на сцене образа в смысле его речевой характеристики, его языковых особенностей. В русском языке, как и в других языках, происходят какие-то временные изменения, то есть возникают новые слова и выражения, другие слова совсем уходят в прошлое и не употребляются более. Этот процесс можно проследить в современных пьесах, где герои говорят на том языке, на котором говорим и мы. Но в классических пьесах, работая над ролью, в построении речи, фразы надо проникнуться атмосферой того времени, о котором писал драматург. Это относится к пьесам и Чехова, и Островского, и Толстого и к пьесам других драматургов. В этом смысле В. И. Немирович-Данченко был чрезвычайно строг, требуя от актеров бережного отношения к русскому слову и совершенно точного исполнения авторского текста. Он вдруг спрашивал актера, читающего роль: «Там есть запятая? Дайте-ка мне свой экземпляр роли. Нет, там нет запятой. Значит, Вы искажаете смысл фразы».

О чеховском выражении «О, прекрасная сестра моя!» (Три сестры) Владимир Иванович говорил: «Да, в наше время мы так уже не говорим, но я хотел бы сохранить это о как оттенок речи того времени, когда происходит действие. Постарайтесь внутренне оп-

А. И. Степанова (Кольцова) — А. и П. Тур «Чрезвычайный посол»

радовать это *о* и сказать его просто и естественно». Немирович-Данченко требовал от актеров пунктуально следовать тексту, соблюдая все знаки препинания, ритм речи. К. С. Станиславский тоже много внимания уделял этому, говоря, что на слушателя действуют не только передаваемые актером мысли, представления, образы, связанные с произносимыми словами, но и «звуковая окраска слов — интонация и красноречивое молчание, договаривающее недосказанное словами».

Наши учителя неоднократно подчеркивали, что русский язык очень музыкален, что действие на сцене, как и само слово, должно быть музыкальным. Особенно ярко это проявляется в работе над стихотворным текстом. Я почувствовала это, играя королеву Елизавету в «Марии Стюарт».

К. С. Станиславский писал в своей книге «Моя жизнь в искусстве»: «Я ищу естественной музыкальной звучности. Мне надо, чтобы при слове *да* буква *а* пела свою мелодию, а при слове *нет* то же происходило с буквой *е*. Я хочу, чтобы в длинном ряде слов одни гласные незаметно переливались в другие и между ними не стукали, а тоже пели согласные, так как и у многих из них есть свои тянущиеся, гортанные, свистящие, жужжащие звуки, которые и составляют их характерную особенность. Вот когда все эти буквы запоют, — тогда начнется музыка в речи, тогда будет материал, над которым можно работать».

Со сцены надо говорить красивым, русским языком, чтобы быть примером для тех людей, которые

небрежно относятся к тому, как они сами говорят и этим самым принижают красоту русской речи, которой должен по праву гордиться русский человек. Этот наказ наших великих учителей актуален и сейчас, так как наша речь, к сожалению, беднеет и не только в обыденной жизни, но и в некоторых пьесах современных авторов. Манера игры на сцене без излишней театральности, с простой разговорной речью требует высокой техники игры, актерского мастерства.

Я исполняла много ролей в классических пьесах. Особенно я люблю А. П. Чехова. Вспоминаю, как хорошо и верно сказал о писателе А. М. Горький: «Он не говорит нового, но то, что он говорит, выходит у него потрясающе убедительно и просто, до ужаса просто и ясно». Я играла и Аню в «Вишневом саде», и Ирину в «Трех сестрах», сейчас играю Аркадину в «Чайке». В современном советском репертуаре я была занята в пьесе П. и А. Тур «Чрезвычайный посол». Я сыграла первую женщину-дипломата, умную, милую, обаятельную Кольцову. Сейчас я играю роль моей современницы хирурга Сабурову в пьесе П. и А. Тур «Единственный свидетель». У каждого автора персонаж говорит своим языком, речь героев индивидуализирована: Моя Сабурова — руководитель клиники, ее речь логичная, четкая, ясная.

Я с детства и в продолжении всей своей артистической деятельности увлекалась поэзией. Когда у меня не было ролей в театре, я выступала в концертах с чтением русских классиков. Я читала пушкинского «Станционного смотрителя», отрывки из «Бедных людей» Ф. М. Достоевского, «Демона» М. Ю. Лермонтова, стихи А. Блока. Этому чтению, декламации я придаю большое значение, это оказало огромное влияние на мою сценическую работу, воспитало у меня бережное отношение к слову, помогло в работе над голосом.

А. И. Степанова (Елизавета) —
Ф. Шиллер «Мария Стюарт»

Народная артистка СССР
А. И. СТЕПАНОВА

Полвека я играю на сцене Художественного театра, создателями которого были Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко. «Система» актерского мастерства К. С. Станиславского известна во всем мире, ей следуют многие актеры. Я имел счастье начать работать в театре под руководством самого Константина Сергеевича. Он учил актеров необходимости в каждом спектакле, в каждой роли раскрывать «жизнь человеческого духа», учил ежедневно работать над речью. Огромное внимание Константин Сергеевич обращал на ударение, интонацию, паузы, ритм речи. Я помню, как он рекомендовал нам, актерам, при работе над ролью воображать обстоятельства, при которых произносится слово, предложение или целый отрывок, представлять, к кому и зачем говорящий обращается с речью. Воображение помогает «чужие, заказанные вам слова», — утверждал Станиславский, — сделать «собственными, нужными, необходимыми», и тогда речь становится яркой и убедительной.

Мне пришлось играть во многих пьесах русских, зарубежных классиков и советских драматургов. И всегда я помню, прежде всего, о специфике каждого автора, о его языковых особенностях.

Мне с детства нравился Диккенс, и поэтому особенно дорога была роль Джингля в его пьесе «Пиквикский клуб», где писатель высмеивает пустоту, мелочность, ничтожность мелкой буржуазии. Мое исполнение этой роли получило одобрение Станиславского и Немировича-Данченко.

Всем известно, что изображение чайки стало эмблемой нашего театра после знаменательной постановки чеховской «Чайки» на его сцене. Я сыграл много ролей в пьесах Чехова: Тригорина в «Чайке», Вершинина в «Трех сестрах», Гаева в «Вишневом саде». Чехов привлекает меня простотой и ясностью речи своих героев. Я вспоминаю слова Константина Сергеевича, сказанные о великом драматурге: «Чехов — неисчерпаем, он говорит всегда... о Человеческом с большой буквы».

П. В. Массальский (Барон) — А. М. Горький «На дне»

П. В. Массальский (Джингль),
О. А. Якубовская (Рахиль) —
Диккенс «Пиквикский клуб»

Наш театр носит имя Максима Горького, писателя, своими пьесами выразившего общественно-политические задачи своего времени. Творчество его — богатейшая симфония красок, картин, людей, образов, глубокой и мудрой мысли. И с постановкой пьес «Мещане» и «На дне» началось творческое содружество М. Горького с Художественным театром. Горьковский язык — подлинный образец словесного драматического мастерства в смысле предельной выразительности, насыщенности, остроты каждой реплики. В пьесе «На дне» я играл Барона. Ранее замечательным исполнителем этой роли был В. И. Качалов. Тем сложнее мне было играть, стремиться не подражать, а найти свое.

Мне посчастливилось играть с такими замечательными актерами нашего театра, как О. Л. Книппер-Чехова, Л. М. Леонидов, Н. П. Хмелев, В. В. Лужский, И. М. Москвин, И. М. Тарханов, В. Л. Ершов, Б. Г. Добровраов. Особо хочется сказать несколько теплых слов о моем постоянном партнере, большом друге А. К. Тарасовой, с которой мы играли во многих пьесах: А. П. Чехов «Виш-

невый сад» (Раневская — Гаев), А. П. Чехов «Чайка» (Аркадина — Тригорин), М. Горький «Враги» (Полина — Захар Бардин), Л. Н. Толстой «Анна Каренина» (Анна — Вронский), А. Н. Островский «Без вины виноватые» (Кручинина — Муров) и другие.

Из советских драматургов я люблю Константина Симонова. В его пьесе «Русские люди», посвященной беззаветному героизму советских людей, я сыграл корреспондента Панина. В пьесах Симонова все оправдано, логично, нет небрежности, его язык реалистичен и правдив.

Играя в пьесах очень разных драматургов, я всегда помню о стиле данного автора и стараюсь очень придирчиво следовать тексту роли, не пренебрегая даже запятой. Станиславский в своей книге «Работа актера над словом» так говорил о запятой в тексте: «Самое замечательное в природе запятой то, что она обладает чудодейственным свойством. Ее загиб, точно поднятая для предупреждения рука, заставляет слушателей терпеливо ждать продолжения недоконченной фразы». Сейчас же в наших театрах, к сожалению, часто можно увидеть небрежное отношение к тексту пьесы, к стилю автора, и подчас на один мапер играет и классическая и современная пьеса.

Весь свой опыт, заветы великих К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко я стремлюсь передать будущим актерам — своим ученикам в школе-студии МХАТа, где преподаю уже 30 лет.

*Профессор П. В. МАССАЛЬСКИЙ,
народный артист СССР,
лауреат Государственной премии*

Материал подготовила М. А. Галманова

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ПРОИЗНОШЕНИИ

Продолжение. См.: «Русская речь», 1974,
№ 4—6, 1975, № 1

VI

В русском языке губные согласные (согласные, обозначающиеся буквами *б, п, в, ф* и *м*) на конце слова могут произноситься как твердо, так и мягко. При мягкости конечной согласной ставится буква *ь*: *глуп* и *глубь*, *состав* и *составь*, *цеп* и *цепь*, *тем* и *тьем*. Произносится [*глуп*] и [*глуп'*], [*цэп*] и [*цэп'*], [*т'ем*] и [*т'ем'*]. Как видно из примеров, твердость и мягкость конечной согласной различает собою разные слова. Поэтому их различение важно в устной речи. Между тем, многие нарушают эту норму и произносят на конце слова вместо мягкой согласной твердую. Это особенно относится к выходцам из Белоруссии и Украины, а также к представителям некоторых русских местных говоров. Приведем примеры с указанием правильного произношения.

-*бь*: *дро*[*п'*], *бсо*[*п'*], *вглу*[*п'*], *зы*[*п'*], *зя*[*п'*] *ря*[*п'*], *гблу*[*п'*], *прбру*[*п'*];

-*нь*: *кре*[*п'*], *це*[*п'*], *ко*[*п'*], *то*[*п'*], *сы*[*п'*], *насы*[*п'*], *на бцу*[*п'*], *пбсту*[*п'*], *рбссы*[*п'*], *наки*[*п'*];

-*вь*: *бро*[*ф'*], *кро*[*ф'*], *вно*[*ф'*], *впла*[*ф'*], *вкри*[*ф'*], *любб*[*ф'*], *моркб*[*ф'*], *ббу*[*ф'*]. Особо отметим слова *че*[*р'ф'*] и *ве*[*т'ф'*], где произносятся не только мягкие губные на конце, но также мягкие согласные [*р'*] и [*т'*] перед ними.

-фь: *ве*[р'ф']. Здесь также отметим не только мягкость губной согласной на конце, но также предпочтительное произношение перед нею мягкой [р] — [р'].

-мь: *те*[м'], *се*[м'], *впря*[м'], *бзи*[м'], *назе*[м'], *вбсе*[м'].

Следует отметить, что описанная норма нередко нарушается даже дикторами телевидения и радио, не говоря о таких категориях выступающих по телевидению и радио, как политические и спортивные обозреватели, ведущие отдельных серийных программ. Поэтому эта норма требует к себе пристального внимания и самоконтроля говорящих.

Следует четко различать в произношении *цеп* и *цель*, *топ* и *топь*, *ослаб* и *ослабь* (*осла*[п], *осла*[п']), *эконбм* и *эконбьм*, *знакбм* и *знакбьм*, *прав* и *правь* (*пра*[ф] и *пра*[ф']), *уста́в* (*уста́*[ф] и *уста́*[ф']), *соста́в* и *соста́вь* (*соста́*[ф] и *соста́*[ф']).

Отметим, что в форме повелительного наклонения мягкий губной, произносящийся на конце слова (в форме единственного числа), сохраняется перед частицей *-ся*, а также во множественном числе перед *-те*: *попра́*[ф'] — *попра́*[ф']*ся*, *изба́*[ф'] — *изба́*[ф']*ся*, *не го́*[р'п']*ся*, *образу́*[м']*ся*, *ла́ко*[м']*ся*, *услó*[ф']*ся*; *оста́*[ф'] — *оста́*[ф']*те*, *приготó*[ф'] — *приготó*[ф']*те*, *попра́*[ф'] — *попра́*[ф']*те*, *добá*[ф'] — *добá*[ф']*те*, *насы́*[п'] — *насы́*[п']*те*, *эконó*[м'] — *эконó*[м']*те*, *познакó*[м'] — *познакó*[м']*те*.

Неправильное произношение твердой губной вместо мягкой перед частицами *-ся* и *-те* встречается особенно часто, в том числе по телевидению и радио. Поэтому надо остерегаться произношения *изба́*[ф']*ся*, *изба́*[ф']*те*, *познакó*[м']*ся*, *познакó*[м']*те* и выработать правильное произношение *изба*[ф']*ся*, *изба*[ф']*те*, *познако*[м']*ся*, *познако*[м']*те*.

Что касается конца слова, то неправильное произношение, и притом нередко даже в речи дикторов и актеров, встречается в словах *вновь*, *вглубь*, *семь*. Надо произносить *вно*[ф'], *вглу*[п'], *се*[м']. Особенно часто неправильное произношение встречается в тех словах, где конечная губная согласная находится в заударном слоге: *вбсемь*, *го́лубь*, *прóру́бь*, *на́кипь*, *на бóцупь*, *пóступь*, *рóссыпь*. Надо произносить: *вбсе*[м'], *го́лу*[п'], *прóру*[п'], *на́ки*[п'], *на бóцу*[п'], *пóсту*[п'], *рóссы*[п'].

Продолжение в следующем номере

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ АФФИКСОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что аффиксы (служебные морфемы) различаются по их положению в слове. Среди них наиболее распространены в русском языке префиксы, суффиксы и флексии. Префиксы (от латинского *praefixus* «приставленный впереди»), или приставки — это аффиксы, стоящие перед корнем; суффиксами (от латинского *suffixus* «подставленный») обычно называют аффиксы, находящиеся в слове между корнем и флексией. Флексии же, или окончания — это аффиксы, стоящие, как правило, на конце слова и взаимозаменяющиеся в разных формах одного и того же слова, причем так, что их замена связана с изменением определенных грамматических значений — значений падежа, рода, лица. Например, в глагольной форме *подтолкнул* — корень *-толк-*, префикс *под-*, суффикс *-н-* и флексия 3-го лица множественного числа *-ут*.

В эту строгую и достаточно ясную схему не укладывается, однако, один очень широко распространенный и продуктивный аффикс — глагольный аффикс *-ся*. Он выделяется в таких словоформах, как, например, *трясутся*, *трясусь*. Аффикс *-ся* (*-сь*) занимает в слове место после флексии. Окончания *-у-*, *-ут-* в формах таких слов оказываются уже не конечными морфемами. Это, впрочем, не мешает нам называть их окончаниями, поскольку, во-первых, мы знаем их значения, которые выражаются в языке именно окончаниями, а во-вторых, есть такие формы слов, в которых те же окончания являются действительно конечными морфемами (*трясут*, *трясу*). Однако в таких словоформах, как *трясутся*, конечной морфемой оказывается вовсе не окончание. И в зависимости от того,

какое окончание стоит перед этим аффиксом, он выступает в двух разновидностях (морфах): *-ся* и *-сь*. Морф *-ся* используется после согласной, а морф *-сь* — после гласной (этому правилу не подчиняются лишь окончания причастий, после которых всегда выступает морф *-ся*: *трясущихся* и *трясущиеся*).

Отмеченная «характерность» аффикса *-ся* (*-сь*) — не только внешняя. Положением его в слове обусловлены и более глубокие, внутренние специфические черты этого аффикса. Чтобы понять их, необходимо сначала кратко остановиться на специфике префикса и суффикса.

Префикс присоединяется спереди к целому слову (здесь имеется в виду чистая префиксация, то есть такие случаи, когда префикс является единственным словообразовательным средством). Это значит, что префикс ничуть не затрагивает словоизменительной грамматической характеристики слова, которая, как известно, заключена в конце его. Например: *класс* — *подкласс*, *группа* — *подгруппа*: мотивированные (производные) слова с префиксом *под-* принадлежат к тем же типам склонения, что и их мотивирующие (производящие).

Совсем иначе ведет себя суффикс. Будучи соседом флексии, словообразовательный суффикс тесно спаян с системой флексий мотивированного слова, составляет с ней единое словообразовательное средство. Поэтому образование слова с помощью определенного суффикса означает и отнесение его к определенной части речи, определенному типу склонения или спряжения. Все слова с суффиксом *-ств-* — это существительные второго склонения, среднего рода, независимо от того, от какого слова (какой части речи и какого словоизменительного типа) они образованы: *баловать* — *баловство*, *удалой* — *удальство*. Эту функцию суффикса — отнесение слова к определенному грамматическому классу — принято называть «классифицирующей».

Таким образом, префикс присоединяется к слову в целом, не затрагивая его грамматического оформления; суффикс же присоединяется не к слову, а к основе, и при этом осуществляет грамматическое оформление образуемого с его помощью слова. Всякое мотивированное слово состоит из двух частей — той части, которая является у него общей с мотивирующим словом (назовем ее *мотивирующей базой*), и того словообразовательного средства (или совокупности средств), с помощью которого это слово образовано и которое отличает его от мотивирующего слова (назовем эту часть *формантом*). Если формант — префикс, то мотивирующая база равна слову, если же формант — суффикс, то мотивирующая база — основа. С мотивирующей базой — основой (а не словом) мы имеем дело, естественно, и при префиксально-суффиксальном спо-

собе словообразования (когда в состав форманта входят одновременно и префикс, и суффикс: *гора — пригорок*): для этого достаточно участия суффикса в образовании слова.

Обратившись теперь к глагольному аффиксу *-ся (-сь)*, мы увидим, что он ведет себя в словообразовательном отношении не как суффикс, а как префикс. Он присоединяется не к основе, а к целому слову, он не меняет словоизменительной характеристики мотивирующего слова (глагола): *мыть — мыться, строить — строиться*. Мотивирующая база в этих случаях равна слову, а не основе. То же наблюдается и при совмещении в одном форманте префикса и аффикса *-ся*: *бежать — разбежаться*. Но как только в формант включается суффикс, картина меняется: *колос — колоситься, резвый — резвиться* (с суффиксом *-и-* и аффиксом *-ся*), *стрелять — перестреливаться, шутить — перешучиваться* (с префиксом *пере-*, суффиксом *-ива-* и аффиксом *-ся*). Суффикс (*-и-* в первом случае, *-ива-* во втором) определяет принадлежность мотивированного глагола к определенному классу и типу спряжения, независимо от грамматической принадлежности мотивирующего слова.

Из всего сказанного следует, что аффикс *-ся (-сь)* — не суффикс. Об этом писал уже А. М. Пешковский (Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956). И однако до сих пор в трудах по словообразованию аффикс *-ся* все еще нередко называют суффиксом; к суффиксам относят его и авторы ныне действующего школьного учебника. Можно, конечно, называть все словообразовательные аффиксы, стоящие после корня, суффиксами, и при этом различать среди них «суффиксы первого рода» (классифицирующие, предфлексийные) и «суффиксы второго рода» (неклассифицирующие, пофлексийные). Но такая двойственность содержания термина «суффикс» неудобна, и не только потому, что при этом называются одним и тем же словом слишком разные вещи, но и из-за явных затруднений в назывании смешанных способов словообразования. Как, например, назвать тогда способ, которым образованы глаголы типа *колоситься*? «Суффиксально-суффиксальным»? Ведь нельзя не учитывать принципиального отличия таких образований от обычной (чистой) суффиксации, когда мы имеем дело с наличием в составе форманта только одного словообразовательного суффикса.

*

Исходя из того, что глагольный аффикс *-ся* — совершенно своеобразная морфема, лингвисты предлагали называть этот аффикс особым термином. Термины предлагались разные. «Аффикс этот столь исключителен, — писал А. М. Пешковский, — что для него да-

же и термина не подберешь: это и не „приставка”, и не „суффикс” (потому что суффикс приставляется к основе...), и не „флексия”, конечно (потому что не обозначает ни падежа, ни лица). Скорее всего его можно было бы назвать „надставкой”. Термин „надставка” не привился; однако обратим внимание на то, что А. М. Пешковский искал термин, по своей структуре сопоставимый с термином „приставка”. Другие специалисты предлагали термины „прицепка”, „прибавка”, „частица”, „частица-суффикс”. Чаще других использовалось в этом смысле слово „частица”, и хотя Н. А. Янко-Триницкая пишет в своей книге «Возвратные глаголы в современном русском языке» (М., 1962), что «это название как нельзя более соответствует природе и особенностям аффикса *-ся*», и называет поэтому соответствующие способы словообразования «частичным», «префиксально-частичным» — все же с этим трудно согласиться. Тем более, что термин «частицы» занят в русской грамматической терминологии за определенным классом служебных слов, особой частью речи. Так стоит ли называть им еще и особую часть слова?

Учитывая все эти соображения и желательность особого термина для аффикса *-ся* (*-сь*) и некоторых подобных ему, в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) было предложено называть его постфиксом (от латинского *post* 'после, позади', и *fixus* 'приставленный'). Термин этот удобен тем, что по своей структуре входит в один ряд с такими, как «префикс», «суффикс» и родовой термин «аффикс». Соответственно и способы словообразования с участием постфикса предложено называть «постфиксальным», «суффиксально-постфиксальным», «префиксально-постфиксальным», «префиксально-суффиксально-постфиксальным».

Термин «постфикс» — не новый; он иногда применялся лингвистами как общее название всех аффиксов, расположенных в слове после корня, либо как синоним термина «суффикс». Между тем, необходимость в общем термине для аффиксов, стоящих после корня, далеко не очевидна (чем и объяснялась нерегулярность его применения). В то же время несомненный структурный параллелизм этого термина именно с термином «префикс», своеобразная их антонимичность (латинское *pre-* 'перед, спереди' и *post-* 'после, сзади') наталкивает на мысль о целесообразности сужения сферы употребления этого термина, использования его в смысле «присоединяемый к целому слову в конце его», как префикс присоединяется к целому слову в его начале. Перед префиксом в слове не может стоять никакая морфема, кроме другого префикса (при-у-молкнуть); точно так же после постфикса не мо-

жет стоять никакая морфема, кроме еще одного постфикса (подъ-ни-те-сь).

Итак, будем называть глагольный аффикс *-ся* (*-сь*) постфиксом, отличая постфиксы как особую разновидность аффиксов от префиксов (приставок), суффиксов, флексий (окончаний).

Поставим теперь другой вопрос: действительно ли постфикс *-ся* в русском языке — единственный в своем роде, уникальнейший, «исключительнейший»? Нет, в русском языке есть и другие постфиксы. Так, глагол располагает еще постфиксом *-те*, выступающим во множественном числе форм повелительного наклонения и так называемых «форм совместного действия»: *иди — идите, садись — садитесь, пойдём — пойдите*. Если *-и* в повелительном наклонении и *-ом* в «форме совместного действия» — флексии со значением лица, то стоящий после флексии аффикс является постфиксом (в формах типа *режьте, пойте* постфикс присоединяется к нулевой флексии 2-го лица). Причем постфикс этот, в отличие от *-ся* (*-сь*) — словоизменяемый (несущий значение множественного числа), а не словообразовательный.

Если же говорить о постфиксации как о способе словообразования, то она используется не только в глаголе (хотя это преимущественно глагольный способ), но и в имени, точнее — в местоимении. Речь идет о постфиксах *-то*, *-либо* и *-нибудь*, имеющих словообразовательное значение неопределенности и присоединяемых к вопросительно-относительным «местоимениям-существительным» (кто, что), местоименным прилагательным и числительным (какой, чей, сколько), наконец, к так называемым местоименным наречиям (где, куда, откуда, когда, как): *что-то, кто-либо, чей-то, какой-нибудь, сколько-нибудь, куда-то, где-либо*. Достаточно просклонять местоименное прилагательное *какой-то* (*какого-то, какому-то...*), чтобы убедиться в том, что аффикс *-то* в нем — постфикс, так как находится он после флексий. Что же касается аффиксов *-то*, *-либо* и *-нибудь* в составе наречий, которые, как известно, не имеют флексий, будучи неизменяемыми словами, то их следует считать постфиксами, основываясь только на их полном звуковом (фонемном) и семантическом тождестве с такими же аффиксами в «местоимениях-существительных», местоименных прилагательных и числительных, где эти аффиксы выступают после флексий.

Примечательно, что в грамматической традиции все три местоименных постфикса назывались до сих пор чаще всего тем же словом, что и глагольный аффикс *-ся*, — словом частицы. А между тем, это несомненные аффиксы, части слова, имеющие постоянное место в конце местоименных слов и участвующие в формировании целого семантического класса (словообразовательной категории) неопределенных местоимений и наречий. В отличие от них настоя-

шие частицы — отдельные слова, такие, как выделительные частицы *-таки, -то* (омоним к нашему постфиксу неопределенности: ср. *кто-то пришел и сестра-то еще не пришла, книгу-то я еще не прочел*), — не имеют постоянного, закрепленного места и могут быть «приставлены» к любому знаменательному слову.

Таким образом, в русском языке четыре словообразовательных постфикса *-ся (сь), -то, -либо, -нибудь* и один словоизменятельный *-те*,

Окончание в следующем номере

В. В. ЛОПАТИН

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ ГДР

Для читателей журнала «Русская речь» будет интересно узнать о том, как в ГДР изучается русский язык, какую роль играет этот язык в системе народного образования.

После разгрома фашизма в советской зоне был проведен целый ряд реформ, направленных на ликвидацию корней немецкого фашизма. Большое значение для демократического обновления Германии имело народное образование, воспитание молодого поколения. Нужна была новая школа, воспитывающая у своих учеников уважение к другим народам и обеспечивающая нужные знания. В 1946 году на территории ГДР была проведена школьная реформа. «Закон о демократизации немецкой школы» стал законной основой для коренных изменений в области образования.

Органической частью этой реформы было введение иностранного языка для всех учащихся, начиная с пятого класса. На выбор предлагались русский, английский или французский языки. Но воспитательное воздействие с самого начала было направлено на то, чтобы как можно больше учащихся выбирали для изучения в качестве иностранного русский язык,

Введение иностранного языка в школе как обязательного предмета имело огромное значение и в образовательном, и в воспитательном, и в идеологическом отношении. Но осуществление этого решения встретило большие объективные трудности, вытекающие прежде всего из того, что до тех пор иностранный язык в восьмилетней общеобразовательной школе (называлась до 1945 года «народной») не преподавался, владение иностранным языком было привилегией господствующего класса. Поэтому сначала не было ни методики преподавания иностранного языка, рассчитанной на обучение всех учащихся, ни подходящих учебников, не хватало учителей.

Сказанное особенно относится к русскому языку. Преподавание русского языка в немецкой школе не имело традиций, так как он изучался только в нескольких учебных заведениях для подготовки самых необходимых кадров (для государственной службы).

Но несмотря на серьезные трудности еще до 1949 года, до основания ГДР, удалось добиться значительных успехов в осуществлении поставленной цели. Сейчас трудно себе представить, что в первые годы после введения русского языка некоторые из учителей, сознавая огромное значение именно этого предмета, согласились преподавать его, зная его ненамного лучше своих учеников и изучая его по тому же учебнику, что и ученики. (По данным В. Штейница в 1946 году не хватало восьми тысяч преподавателей русского языка. — *Pädagogik*, 1946, № 3). Надо отдать должное энтузиазму учителей, благодаря которому и удалось довольно быстро осуществить в полном объеме постановление о введении русского языка.

Но значение русского языка нельзя видеть только в чисто образовательном плане, в том, что все дети изучали его как иностранный. Русский язык стал проводником советской культуры, знаний о первой социалистической стране. Тем самым он играл и играет очень большую роль в воспитании и утверждении идей прочной дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Преподаватели русского языка, как правило, были одновременно и пропагандистами немецко-советской дружбы. С основания рабоче-крестьянского государства задачи школы в деле воспитания молодежи в духе дружбы и сотрудничества с Советским Союзом сильно возросли.

С 1949—1950 учебного года русский язык стал в школах ГДР первым иностранным языком, а английский или французский — вторым. Чтобы обеспечить школу нужными преподавателями, с

1948 года усилилась работа по подготовке квалифицированных учителей. Формы и сроки подготовки были разными. Сначала преобладали краткосрочные курсы, которые позже заменились 4-летней или 5-летней учебой в педагогических институтах или университетах. Число студентов, изучающих русский язык с целью стать учителем русского языка, все время увеличивается. Кроме того, с 1951 года было введено заочное обучение, и многие учителя русского языка заочно повысили свою квалификацию, а другие регулярно занимаются на летних курсах.

Неоценимую помощь в подготовке квалифицированных кадров постоянно оказывает нам Советский Союз. Каждый год значительное число вузовских и школьных преподавателей учится в Советском Союзе на шестинедельных или трехмесячных курсах. Вузовские кадры ГДР направляются в Советский Союз на стажировку или в аспирантуру. Ежегодно советские специалисты по русскому языку работают в вузах ГДР и на курсах повышения квалификации.

После того как было подготовлено необходимое число квалифицированных кадров, можно было повысить требования к школьной программе и ввести новые формы преподавания. Так, с 1952 года были созданы школы с расширенной программой по русскому языку. В отличие от остальных школ в них русский язык преподается уже с третьего класса. Существуют также две специальные школы, в которых преподавание некоторых предметов ведется на русском языке.

✱

Картина изучения русского языка в ГДР была бы далеко не полной, если ограничиться преподаванием его в общеобразовательной школе. Русским языком занимаются не только школьники. Желающие любого возраста могут изучать его либо в вечерних народных университетах, либо в кружках, существующих при домах советско-немецкой дружбы, либо на основе телевизионного курса. Целью всех названных форм обучения русскому языку является овладение им в такой степени, чтобы можно было вести простые разговоры на различные бытовые темы. Потребность в этом все возрастает, поскольку число граждан ГДР, приезжающих в СССР либо в командировку, либо в качестве туристов, с каждым годом увеличивается. Стали более разнообразными также научные и деловые контакты между вузами и предприятиями Советского Союза и ГДР. Любой хороший специалист должен владеть русским языком, причем не только общелитературным, но и языком своей специальности, поэтому русский язык является обязательным

предметом для студентов всех специальностей на первом и втором курсах.

Изучение русского языка заняло прочное место и стало органической составной частью учебного процесса на всех этапах обучения. Значение русского языка для воспитания всесторонне образованных граждан нельзя переоценить. Поэтому и Министерство народного образования ГДР и общественные организации ищут все новые формы, способствующие еще более эффективному усвоению его. Немалую роль для возбуждения интереса и любви к русскому языку, к советской культуре и к советскому народу играют разные формы внеклассной работы по русскому языку. Тут можно назвать кружки молодых переводчиков, кружки самодеятельности, газеты на русском языке и другие формы работы. С 1964 года ежегодно весной проводятся олимпиады по русскому языку, в которых участвуют ученики старших классов всех школ. Победители окружных и республиканских олимпиад награждаются путевками в Советский Союз. С 1957 года существует медаль имени Гердера трех степеней, которой награждают и учеников и учителей русского языка за отличные знания и за хорошую работу в обществе немецко-советской дружбы.

✱

Несмотря на несомненные успехи в изучении русского языка, вопрос повышения эффективности и школьного и вузовского преподавания иностранного языка остается актуальным. Можно надеяться, что деятельность относительно недавно созданной Академии педагогических наук ГДР, координирующей исследовательскую работу в области народного образования, будет способствовать дальнейшему повышению эффективности преподавания русского языка. Наша молодая Академия педагогических наук будет опираться в своей работе на многолетний опыт советской Академии педагогических наук.

Успешное и все развивающееся сотрудничество советских и немецких рустов в разных организациях, несомненно, даст положительные результаты для оптимального осуществления задач, поставленных в области преподавания русского языка. Немаловажный вклад в это дело вносят советские фильмы, книги и журналы, широко известные в ГДР. Среди других читают у нас и научно-популярный журнал «Русская речь».

К. ФЛЕКЕНШТЕЙН

Лев Петрович ЯКУБИНСКИЙ

1892—1945

Лев Петрович Якубинский принадлежит к числу замечательных русских ученых, патриотов своей Родины, горячо любивших ее и отдавших ей свою жизнь. В 1941 году, когда гитлеровские полчища напали на нашу страну, Якубинский, твердо уверенный в победе советского народа, не захотел покинуть осажденный Ленинград. Ученикам и коллегам, советовавшим ему эвакуироваться, он отвечал: «Ленинград был и будет советским, и я никуда не поеду». В тяжелые дни блокады, когда ленинградцы ledenели от стужи, гибли от голода, а бомбы и снаряды достигали их у самых ворот домов, Якубинский при свете коптилки писал задуманный им учебник «Введение в языкознание», в котором хотел подвести итог своим научным воззрениям по общим вопросам развития языка.

16 июня 1942 года в одном из своих писем на фронт автору этих строк Якубинский сообщал: «В ближайшее время должен пойти в набор мой учебник по истории русского языка, есть распоряжение из Москвы. Тем временем я написал около половины учебника по общему языкознанию. Начал писать его в декабре под девизом „на зло Гитлеру“, писал со злостью в промежутках между воздушными тревогами. Главная задача... восстановить и по возможности точнее сформулировать учение о языке Маркса — Энгельса — Ленина.

Как видишь, я не унываю и не унывал, хотя были тяжелые минуты: во-первых, я не хочу строить из себя героя: бывало страшновато, попросту дрейфил, бывало очень голодно, очень тяжело было переживать стольких товарищей».

Вместе с этим письмом Якубинский прислал мне вырезку из газеты «Ленинградская правда» (11 февраля 1942). «Тот ученый-лингвист, о котором говорится в ней,— писал он,— это твой старый учитель». «Ученый-лингвист в ноябре и декабре прошлого года писал в Ленинграде главу о происхождении языка для вузовского учебника. Работа у лингвиста шла хорошо, научные задачи решались экономно и точно. Этот лингвист помнил, что каждая предпосылка его научной мысли принадлежит не лично ему, а всей советской культуре в целом... Задумываясь над тем, что окружало его, прислушиваясь к артиллерийскому неистовству врага, этот ученый говорил себе: „Считанные километры отделяют меня и мою мысль от чужой вражьей силы. Никогда я не ощущал в такой степени, что нахожусь в великом коллективном мире советского народа“. И какая нужна вера в нерушимость, в долговечность культуры социализма, чтобы творчески работать, имея перед собой злобного врага, со скрежетом зубовным отсчитывающего будто бы последний час этой культуры».

Якубинский родился в 1892 году в Киеве, среднее образование получил в киевской гимназии (с первого по четвертый класс) и в киевском кадетском корпусе. В 1908—1909 годах в киевском журнале «Литературно-научный сборник» появляются его статьи о Бальмонте, Тургеневе, а также ряд его собственных стихотворений. Не чувствуя склонности к военной службе, Якубинский по окончании кадетского корпуса сдал дополнительные испытания при Учебном округе осенью 1909 года и поступил на историко-филологический факультет Киевского университета, откуда в том же году переехал в Петербургский университет на тот же факультет.

В 1911 году Якубинский пишет первую научную работу «Психофонетические нули в русском языковом мышлении», удостоенную серебряной медали по отзыву профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ, который писал: «Теоретические соображения автора изобличают человека очень тонко мыслящего и глубоко проникающего в суть предмета» (Отчет Санкт-петербургского университета за 1912 год. СПб., 1913).

В университете Лев Петрович под руководством профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ изучал резьянские говоры, литовский язык; под руководством профессора М. Фасмера занимался древнегреческими диалектами и албанским языком; под руководством академика А. А. Шахматова изучал русский, сербскохорватский, словенский языки, а у Л. В. Щербы занимался экспериментальной фонетикой. В 1917 году он сдал три (из четырех) магистерских экзамена, а последний — сравнительное языковедение — в 1923 году. В том же году после прочтения двух пробных лекций Якубинский был назначен доцентом Ленинградского государствен-

ного университета, ему было поручено чтение курса общего языкознания. С 1913 года Лев Петрович преподавал в средней школе русский язык.

После Октябрьской революции продолжал работу в средней школе и занимал ряд административных должностей в системе Наркомпроса: в 1918 году был членом комиссии Наркомпроса по организации Педагогической академии. С 1924 по 1927 год Якубинский заведовал отделом научных учреждений в Ленинградском отделении Главнаука, позднее реорганизованном в Управление уполномоченного Наркомпроса, где вместе с В. Б. Томашевским принимал участие в организации ряда научных учреждений Ленинграда. С 1922 года Лев Петрович оставил преподавание в средней школе, но никогда не терял к ней живого интереса. Он участвовал в разработке школьных программ, в составлении и редактировании школьных учебников, в переподготовке учителей. В 1923—33 годах Лев Петрович был старшим редактором ленинградского отделения Учпедгиза.

С 1921 по 1937 год Якубинский работал в Научно-исследовательском институте сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ), реорганизованном сначала в Государственный институт речевой культуры (ГИРК), а позднее в Ленинградский научно-исследовательский институт языкознания (ЛНИЯ). С 1933 по 1936 год был директором этого Института.

Научно-исследовательская работа Якубинского протекала в разное время в различных научно-исследовательских институтах: в бывшем Яфетическом институте, Институте истории искусств, Институте языка и мышления имени Н. Я. Марра АН СССР. 1936—1937 учебный год Якубинский провел по командировке Наркомпроса в Турции в Анкаре, где преподавал русский язык в Институте языка, истории и географии. Живя в Турции, он с большим интересом занимался турецким языком. Как отмечает Э. А. Якубинская-Лемберг, в рукописях Льва Петровича сохранился ряд очень любопытных замечаний о некоторых грамматических категориях турецкого языка (Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 14. Л., 1949).

Педагогическую работу в высшей школе Лев Петрович начал еще в 1915—1916 годах на Высших курсах П. Ф. Лесгафта и Высших курсах Лохвицкой-Скалон, где читал курс общего языкознания. В 1918—1919 годах состоял профессором 3-го педагогического института (позднее Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена) и Института живого слова. После 1923 года в звании доцента, а затем и профессора преподавал в Ленинградском государственном университете, а также в различных высших учебных заведениях Ленинграда: Институте агитации имени М. М. Во-

лодарского, Фонетическом институте. С 1934 по 1943 год Якубинский — профессор, заведующий кафедрой и декан литературного факультета в Ленинградском педагогическом институте.

Тяжелые дни блокады подорвали здоровье Якубинского. Он умер 23 августа 1945 года. Все, кто знал Якубинского, помнят его как ярко одаренного ученого, прекрасного педагога и замечательного лектора. Якубинский был ученым широкого научного диапазона, огромной эрудиции, блестящего исследовательского таланта, в творчестве которого нашли своеобразное отражение основные этапы развития русской науки о языке 10-х — 40-х годов XX века. Будучи новатором, он беспокойно искал новых приемов, путей лингвистического исследования и неустанно стремился проникнуть в новые функциональные области языка.

Первые печатные работы Льва Петровича посвящены изучению особенностей поэтического языка, дальнейшее исследование которого привело автора к постановке общей лингвистической проблемы многообразия речевых деятельностей и речевых типов. Весь цикл задач требовал создания новой широкой стилистической базы. С этим кругом идей был связан вопрос дифференциации и классификации разных типов речевой деятельности, иначе говоря, функциональных разновидностей речи или разных целей и задач речевого общения.

Основные проблемы новой области лингвистических исследований были намечены еще в программе курса «Эволюция речи», прочитанного Якубинским в Институте живого слова в 1919 году. «Цели речи, речь как средство ежедневного общения; речь как средство выражения умозаключений; речь как самоценная деятельность (поэтическая речь), автоматизм как признак обиходной речи... Предвосприятие и речевой автоматизм в их взаимоотношении» (Записки Института живого слова. Вып. I. Петроград, 1919). Работа Якубинского «О диалогической речи», в сборнике «Русская речь» (Петроград, 1923), содержит интересные наблюдения над строением диалога в русском языке. В этой статье Якубинский призывал лингвистов к изучению функциональных многообразий речи во всем их объеме и к коллективному собиранию материалов, необходимых для всестороннего и исчерпывающего освещения относящихся сюда проблем.

В последующих работах Якубинского выделались главным образом проблемы ораторской, агитационной, общественно-политической, письменно-публицистической и научно-популярной речи.

В середине 20-х и начале 30-х годов Якубинский выступает как борец за культуру речи, за культуру живого слова, настойчиво подчеркивая необходимость сочетания лингвистической теории с практическими задачами культуры речи. «Техника речи подразу-

мекает технологию речи; технология речи — все то, что должно родить из себя современное научное языкознание, что заставляет его родить действительность». В числе неотложных задач новой отрасли лингвистики, по мнению Якубинского, необходимо, наряду с изучением поэтической и сценической речи, выдвинуть исследование таких объективных существующих в быту и обусловленных им технически различных форм организованного речевого поведения, как устная публичная (ораторская) речь или речь письменная публичная, в частности, публицистическая. «Эти социально чрезвычайно важные речевые разновидности (и разновидности этих разновидностей) обладают каждая своей особой технической специфичностью, они подразумевают свое особое оборудование, обращение с языковым материалом. Между тем они еще почти не затронуты наукой» («Лф», 1924, № 1).

В статье «О работе начинающего писателя над языком своих произведений» Якубинский писал: «Никогда и нигде в мире не стоял, например, так, как у нас, вопрос о создании доступной по языку для широчайших масс газеты; не менее актуально стоит и вопрос о массовой устной публичной речи, о речи докладчиков, агитаторов, пропагандистов, лекторов и т. п.; разве вставал когда-нибудь раньше вопрос о том, что язык наших законов, правительственных распоряжений, циркуляров и пр. должен быть рассчитан на то, чтобы его могли легко усвоить широчайшие массы?..» (А. Иванов. Л. Якубинский. Очерки по языку. Л.— М., 1932).

Якубинский занимался и сравнительной грамматикой славянских языков. Очень ценно его исследование «Die Verftretung des urglavivgen e im sakavischen», в котором вопреки сербским ученым он доказывал, что в этом чакавском говоре сербского языка переход *ѣ* в *e* и в *u* происходил по строгому закону, аналогичному тому, который действовал в польском языке: *e* на месте *ѣ* наблюдается перед твердыми переднеязычными (или зубными), но перед остальными согласными, а также перед мягкими переднеязычными и в конце слова *ѣ* переходит в *u*. Якубинский очень убедительно объяснил все отклонения от этого процесса в повяном говоре, а также сделал ряд острых историко-этимологических сближений при объяснении уклонений от открытой им закономерности. Он доказал, что соответствующая закономерность наблюдается и в сербских грамотах XIV—XV веков, отражающих тот же говор.

Это исследование указало на процессы исторического выделения разных ветвей славянских языков из общеславянского языка-основы и вело к новым сравнительно-историческим исследованиям в области взаимоотношений славянских языков.

О широких научных интересах Якубинского в сфере сравнительно-исторического языкознания свидетельствует также его ра-

бота «Несколько замечаний о словарном заимствовании» («Язык и литература». Л., 1926) об устойчивых и неустойчивых категориях в словарном составе языка.

В статье Якубинского определены внутренние закономерности заимствований слов из чужого языка в тех случаях, когда заимствованные слова не приходят вместе с новыми вещами и понятиями, а также разграничены устойчивые и неустойчивые элементы лексики в народных говорах, установлены социальные причины и мотивы непрерывной изменчивости некоторых разрядов слов. Основным материалом для разрешения этих теоретических проблем лексикологии и семантики служат для автора балтийско-финские заимствования в русских говорах Архангельского и Олонецкого краев.

Большое значение для историков русского языка и вообще славистов имеет труд Якубинского «История древнерусского языка» — курс лекций, прочитанный в Ленинграде и подготовленный к печати в 1941 году, но не опубликованный при жизни автора. «История древнерусского языка» была впервые издана с предисловием и под редакцией В. В. Виноградова и с примечаниями П. С. Кузнецова (М., 1953). Курс интересен обилием систематизированных фактов, большим количеством затронутых вопросов исторического развития русского языка до XIII—XIV веков, новизной подхода к решению многих вопросов.

Лев Петрович заново пересмотрел вопрос о месте русского языка среди других славянских языков, попытался установить основные причины, обусловившие разительную близость славянских языков не только в лексике, но и в грамматическом строе. Огромный теоретический интерес представляют наблюдения автора над употреблением старославянизмов в древнерусском литературном языке. Особенное внимание его привлекают проблемы развития сложноподчиненного предложения в русском языке. Как отмечает В. Н. Ярцева, «вопрос о развитии сложноподчиненного предложения в связи со становлением национального литературного языка был в советской лингвистике впервые поставлен проф. Л. П. Якубинским в ряде его докладов в Ленинградском научно-исследовательском институте языкознания» (Развитие сложноподчиненного предложения в английском языке. Л., 1940).

Синтаксические теории Якубинского, как и многие другие его идеи, еще до опубликования их в печати оказывали влияние на разработку проблем исторического синтаксиса как русского, так и западноевропейских языков.

Широкая научная общественность высоко оценила научные труды Якубинского, влияние его творческого наследия на развитие современного языкознания непрерывно растет. Теперь, через

тридцать лет после его смерти, появляются серьезные исследования и по русскому языку и по языкознанию, в которых все чаще и чаще упоминается имя Якубинского в ряду имен выдающихся ученых, вошедших в классику советского языкознания.

Э. М. АХУНЗЯНОВ,
доктор филологических наук,
профессор Казанского университета

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

СЛОВО-ОБРАЗ

Ответ. См.: 1975, № 1, стр. 19.

Во всех редакциях-вариантах стиховой строки «И полон сумрачной заботы...» постоянным оказывался только образ «заботы», весь же контекст изменялся.

Показательна последовательная замена эпитетов при слове *заботы*: *бешеной* — *мучительной* — *горестной* и окончательный вариант — *сумрачной*.

Еще ничего как будто не сказано прямо о том, что Евгений уже безумен, что «...его смятенный ум Против ужасных потрясений Не устоял...», но формы и обороты речи, как чуткий инструмент, обнаруживают необычность душевного состояния героя Петербургской повести А. С. Пушкина «Медный всадник».

Кризисная ситуация, положение на грани между разумом и безумием обнаруживается во всем художественном тексте и прежде всего — в подборе эпитетов, характеризующих душевное состояние Евгения.

Слово-образ *сумрачный*, кроме прямых значений — «тусклое, слабое освещение; оби-

лие тени; тенистый; пасмурный; затененный облаками», имеет еще и целый ряд переносных, метафорических — «мрачный, угрюмый, печальный, тягостный, гнетущий».

Принимая во внимание все обстоятельство, характеризующие поведение Евгения после наводнения, не кажется удивительным, что, отвергнув первоначальные варианты *бешеной*, *мучительной*, *горестной* (*заботы*), Пушкин остановился на окончательном тексте: «...И полон сумрачной заботы...», где сохранились все оттенки переносного употребления слова с преобладанием (семантической доминантой) — «тягостный, гнетущий, мрачный», причем в этом сочетании «сумрачной заботы» присутствует и дополнительный семантический оттенок эпитета *сумрачный* — «мрак (морок), обморок», характерный для помраченного безумием сознания. Перед нами один из тех случаев, когда самая зыбкость, кажущаяся неотчетливостью поэтического слова-образа служит средством изобразительности.

СМОЛЕНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СЛОВАРЬ

Автором Смоленского областного словаря (Смоленск, 1914) был известный в свое время этнограф и фольклорист В. Н. Добровольский, открывший нам сокровища народного творчества юго-запада России.

Владимир Николаевич Добровольский окончил филологический факультет Московского университета, где учился у таких ученых, как Ф. Буслаев и В. Миллер. Добровольский был членом этнографического кружка Миллера. Отсюда вынес он живую интерес к русской народной жизни и быту, к русскому языку, веру в то, что народный русский язык является богатейшей сокровищницей при изучении истории русского народа. Эти идеи в сущности определили всю его дальнейшую жизнь.

Окончив университет, Добровольский почти всю жизнь прожил у себя на родине, в Смоленской губернии, долгое время занимаясь исключительно собирательской работой. Он много ездил, неустанно записывая произведения народного творчества, обычаи, приметы, поверья, отдельные слова и выражения с примерами их употребления. До конца жизни он не оставлял своего увлечения этнографией и диалектологией, собирательскую деятельность он продолжал и в последние годы, когда работал педагогом. Добровольский трагически погиб в 1920 году: он был убит неизвестными бандитами по дороге в родное село Даньково, куда ехал для продолжения этнографических занятий.

В своей научной и собирательской работе Добровольский был связан с Русским географическим обществом, членом которого он был с 1886 года, и Обществом любителей естествознания, ант-

ропологии и этнографии при Московском университете, куда был избран в 1887 году.

Русское географическое общество и позже Второе отделение Академии наук неоднократно оказывали Добровольскому материальную помощь, необходимую для его поездок (по состоянию здоровья он продолжительное время нигде не служил и потому постоянно нуждался в средствах). Жизнь Добровольского была нелегкой, но его работа в области этнографии и диалектологии шла успешно. В 1890 году за собранную коллекцию кукол и народных костюмов Орловской губернии Добровольский был награжден серебряной медалью Русского географического общества, а в 1891 году за первый выпуск Смоленского этнографического сборника — золотой медалью.

Добровольский написал и опубликовал ряд статей и заметок по этнографии и диалектологии. Но главными его трудами были Смоленский этнографический сборник (СПб., 1891—1903) и составленный на его основе Смоленский областной словарь (1914). Уже первый выпуск Смоленского этнографического сборника, по словам рецензента, произвел впечатление на современников огромным богатством материалов («какого можно ожидать лишь от самого усердного и наблюдательного собирателя») и в особенности содержанием: рассказы крестьян о своей жизни, работе, народные легенды были очень интересны, и читатели с трудом верили, что они записаны от крестьян, а не выдуманы самим собирателем. В Смоленском сборнике Добровольского отражена «почти вся духовная жизнь народа Смоленского края» — читаем мы в предисловии от редакции к IV выпуску сборника.

Смоленский словарь, созданный на основе многочисленных материалов, собранных на сравнительно ограниченной территории на протяжении тридцати лет, содержит очень большое количество слов. Как справедливо заметил академик Е. Ф. Карский, Смоленский областной словарь «отличается достаточной полнотой и богатством содержания». Добровольский стремился к отражению всей лексики Смоленской губернии: в словаре наряду с диалектными словами находим и общенародные (артачиться, балбес, баловень, баловник, балка, банкрот, башка, бездорожье, безлюдье, безродный, бестолочь, бодриться), лексику самых разных отраслей: сельскохозяйственную, терминологию ткачества, слова, относящиеся к народным праздникам, обрядам, верованиям.

В Словаре сосредоточено поразительно большое для говоров одной губернии количество фразеологических выражений и оборотов, свидетельствующих об остроумии, наблюдательности и образности мышления крестьян юго-запада России. Большое число их помещается самостоятельными статьями: *маком сесть* —

‘пропасть, погибнуть, исчезнуть’ (Засеяли овес, а ен сел маком); *боджѡм вочи поставил* — ‘выпучил глаза’; *лисѡм скинуться* или *слаться лисѡм* — ‘принять ласковый вид, подобно хитрой лисе’ (Лисом так и стелется); *бѣтьева, бѣтова ищеть* — ‘лезет в драку, стремится поссориться’ (Ен прямо битьева ищеть). А в статье *Малахов* находим три фразеологических выражения: *сделать что-либо на малахов лад* — ‘сделать плохо, небрежно, непрочно’ (Сапоги сшил на малахов лад); *пойти на малахов лад* или *на малахову голову* — ‘о неудаче в каком-либо деле, о несчастье’ (Пошло на малахов лад).

Немало таких выражений можно найти в статьях среди обычных значений. На слово *корыто* приводится выражение *уложить в поганое корыто* — ‘осрамить, разбранить кого-либо’ (Зачеши хто бабу, дак ина языком у поганое корыто уложить), на слово *косой* — *косым не глянетъ* ‘сердясь, не обращает внимания на кого-либо’ (Ен на мене косым не глянетъ); в статье *большой* найдем выражение *большим утром*, означающее ‘поздним утром’. В подобных выражениях проявляется своеобразное мышление крестьянина, сельского жителя: например, про ссорящихся людей смоляне говорят, что они *борону бьют*; а выражение *борону в печку* в устах смоленских крестьян означает ‘прекратить ссору, помириться’. Если же житель этой губернии хочет сказать, что кто-то страстно заступает за кого-нибудь, он употребляет образное выражение *лѣтмя залетывать за кого-либо* (Летмя за ее ен залетываетъ).

В Словаре много пословиц и поговорок, которые помещаются в качестве иллюстраций или самостоятельными статьями. Среди них есть варианты общерусских пословиц. На слово *коршок* ‘кулачок’ приводится поговорка «Сам ен с коршок, борода с вершок»; при слове *лепшина* ‘что-либо хорошее’ находим пословицу «Рыба ищеть глыбины, человек лепшины». Много также местных, очень своеобразных поговорок: при слове *безум* — «Разум кажеть, нето пора до двора, а безум кажеть: еще посидим, на людей поглядим». На слово *жартовать*, которое значит ‘шутить, развлекаться’, приводится поговорка «Коли любишь, люби дюже, а не любишь, не жартуй же». На слово *бед* ‘обед’ приведена поговорка, в которой нашли отражение тяжелые стороны дореволюционной крестьянской жизни: «А плохэй же то бед, кода хлеба нет, што ни хлеба, ни соли, ни кислых щей».

В Словаре в основном принят алфавитный порядок расположения слов; встречающиеся случаи объединения двух или трех слов в одной статье имеют не систематический, а скорее случайный характер: иногда объединяются однокоренные слова, различающиеся суффиксами, например глаголы (захворать и захвореть).

или существительные (богатство, богатество, богательство, богатые или заси́ла, заси́лушка). В одной статье иногда объединены слова родственные, но разных частей речи (блуд и блудить; молодость и змолоду), а иногда объединяются даже слова-синонимы: *зату́кать*, *залю́кать* «запугать кого-либо угрозами, криком, бранью». При этом автор Словаря не придерживался какого-либо определенного принципа, так как в других подобных же случаях слова помещаются самостоятельными статьями.

Организация всего богатейшего лексического материала, сосредоточенного в Словаре, по-видимому, представляла для Добровольского тяжелую задачу. Уже первый рецензент Словаря Е. Ф. Карский обратил внимание на то, что автор затруднялся решить, в какой форме ставить слово в заголовок: в литературной или диалектной. Но известно, что и для составителей первого диалектного академического словаря (Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852) решение этого вопроса было не менее трудным из-за неразработанности теории и практики диалектной лексикографии.

Что касается грамматических особенностей слов, то они в Словаре не отмечаются систематически в заголовке статьи. Однако заметно определенное стремление автора показать своеобразные грамматические формы слов: так, при глаголах нередко находим в заголовке статьи личные формы (засмугува́ться, у́юсь; заскоби́ть, блю); иногда грамматические формы слов приводятся в тексте статьи. В статье *ложиться* дается местная форма деепричастия — *ложомшись* «ложась», а в статье *лапти* — местные падежные формы: *у лаптѣх*, род. множ. *лаптей*, *лаптев*. В отдельных случаях такие местные формы выделяются даже в самостоятельные статьи (могѣшь; могуть). Если же учесть еще и обилие иллюстраций, помещенных в Словаре, то читатель получает вполне определенное представление о грамматических особенностях смоленских говоров.

Значение слов, как и в других областных словарях, или переводятся литературным словом (*ладнеть* — «увеличиваться») или в большинстве случаев имеют краткие толкования (*загбрище* — «курган, возвышение»; *завбзно* — «о большом привозе на мельницу»). Нередко слова получают энциклопедическое толкование, часто представляющее собой обстоятельное описание реалий с приведением связанных с ними примет, поверий, легенд, сведений из народной медицины, описание местных способов охоты, рыбной ловли, подробные описания местных обычаев, обрядов. Такие толкования получают многие слова в Словаре (и не только терминологического характера),

Употребление почти каждого слова и значения подтверждается многочисленными записями живой, непринужденной речи. В этом легко убедиться, прочтав любую страницу Словаря; *люкнуть* — ‘бранясь, крикнуть’ (Як тукнул, як люкнул, до смерти спужалась) или *лучиться* — ‘присоединяться’ (Что вы одни идете? Лучитесь к нам — веселей будет). Слово *квалливый* со значением ‘завистливый’ подтверждается следующей записью: Ина дужа кваллива — усе к себе загарнула б, а слово *жарота* в значении ‘жара, жаркая погода’ проиллюстрировано примером: Сянии такая жарота, такая пекота: заберись в воду да и сиди, не лезь оттеля. Употребление диалектного сочетания *ларейный хомут* — ‘хомут, надеваемый на лошадь при пахоте’, иллюстрируется таким интересным примером: Думают сваты, як ба хомотюшпка ларейный надеть на свашек, да поехать ба на их попахать. При одном из значений слова *взбечь* находим иллюстрацию: Ты ж, Мархут, вечером узбегі ко мне — поэюкаем, кода лен брать.

Довольно часто в качестве иллюстраций автор использует местные народные песни; иногда они даются наряду с другими примерами, иногда употребление слова подтверждается исключительно примерами из песен. Это касается обычно слов, не употребительных в обыденной речи, характерных для народной поэзии. Таковы слова с суффиксами уменьшительности: *жудненько* ‘печально, скучно’ (Щебетал соловей в дрему, Жудненько ему одному); *кона* — ‘куница’ (Поеду я, матушка, в поле полевать, кону сачить). Иногда примерами из народной поэзии иллюстрируются литературные слова, употребляемые в смоленских говорах. При слове *жарко* помещается следующий отрывок из песни: Жарко горить калпа — не жалко плачь Дарьечка.

Несмотря на некоторые недостатки в лексикографической обработке материала, Смоленский областной словарь не утратил своего значения до сих пор. Благодаря многолетней, можно сказать, подвижнической деятельности Добровольского, создан труд, содержащий поразительное по количеству собрание слов, фразеологических выражений и оборотов, пословиц и поговорок, этнографических сведений, отразивших обыденную, бытовую и духовную жизнь крестьян Смоленского края конца XIX века.

О. Д. КУЗНЕЦОВА
Ленинград

О СЛОВАРЕ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН В АВТОБИО- ГРАФИЧЕСКОЙ ТРИЛОГИИ М. ГОРЬКОГО

На филологическом факультете Ленинградского университета в 1961 году под руководством профессора Б. А. Ларина был создан межкафедральный Словарный кабинет, который ныне носит его имя. Одно из основных мест в темах и работах Кабинета занимает Словарь автобиографической трилогии М. Горького.

Первый выпуск этого Словаря под редакцией профессора Л. С. Ковтун уже вышел из печати, в нем содержится вводная статья (инструкция Словаря) и словарные статьи от *А* до *В* (30 печатных листов).

Отдельный выпуск — приложение — целиком посвящен описанию всех имен собственных в тексте повестей «Детство», «В людях», «Мои университеты». Это словарь личных имен, географических названий и заглавий литературных произведений (авторы-составители: профессор А. В. Федоров и доцент О. И. Фоянкова; ответственные редакторы: профессора Н. А. Мещерский и А. В. Федоров).

Имена собственные во всем своем многообразии (их около 1000) играют принципиально важную количественную и качественную роль в этом цикле сочинений М. Горького — в связи со спецификой темы, жанра и сюжета, ростом духовных интересов и кругозора автора-повествователя. На материале собственных имен Словарь должен показать биографический и реально-исторический фон действия, отразить особенно-

сти языка данной эпохи. Такого рода работ в нашей отечественной лексикографии и ономастике еще не появлялось.

Словарь собственных имен в трилогии М. Горького рассчитан на самый широкий круг филологов, преподавателей, горьковедов, лексикологов и учителей средней школы. Тематические разряды имен собственных в тексте повестей чрезвычайно разнообразны; здесь и личные имена всех типов: имена, фамилии и прозвища действующих лиц, литературных и библейских персонажей, писателей и исторических деятелей. Кроме того, приводится большой массив географических названий в виде микро- и макротопонимов. Особенно интересна микротопонимия городов Нижнего Новгорода и Казани, с которыми связан реальный фон действия. Это названия улиц, площадей, рек, оврагов, прудов, больниц, окрестных слобод и лесных массивов, церквей и монастырей.

Третью группу составляют имена-названия иных объектов — литературных, исторических и культовых произведений, газет, журналов и приложений, фабрик и заводов, пароходов, религиозных праздников и икон.

Все разряды имен получили в Словаре энциклопедический комментарий и полную цитатную иллюстрацию во всех видах художественной речи — авторской, прямой и несобственно прямой.

По своему типу Словарь построен как алфавитно-гнездовой: все варианты именования одного лица или объекта объединены в одном гнездовом ряду и даны в одной словарной статье — при сохранении их в словнике Словаря на алфавитном месте с отсылкой на первое имя ряда (наиболее нейтральное, официальное из имеющихся в тексте повестей). Таких вариантов именования одного лица встречается от двух до девятнадцати.

Особенностью стиля автобиографической трилогии М. Горького можно считать заметное преобладание разговорных и просторечно-обиходных вариантов имен в прямой речи персонажей (мещан, крестьян, мастеровых, купцов). Например, в доме Кашириных Цыганка звали: Цыган, Иван, Иванка, Иванко, Ваня, Ванюша, Ванятка, Ванька, Жук и т. д. Варианты имен отражают стиль речи каждого персонажа. Поэтому иллюстративная цитата из прямой речи сопровождается указанием на лицо, употребляющее данный вариант имени. Этот же принцип сохраняется и в отсылках после знака *плюс*.

Некоторые имена собственные оказались настолько редкими, что потребовали специальных и длительных разысканий: Гервасий, Сюверьян, Венерабль, «Виноград Российский».

Составление Словаря осуществлялось по тексту 30-томного собрания сочинений М. Горького (М., 1949—1961) с учетом всех

изменений, внесенных в текст нового Полного собрания сочинений М. Горького, готовящегося к выпуску в издательстве «Наука».

В Словаре с помощью помет и условных знаков фиксируется сниженно-разговорная форма имени, употребление его в обращении, та или иная эмоциональная окраска. В Приложении дана полная частотная характеристика имен собственных: алфавитно-частотный список по частям трилогии и общий список имен по рангам частот (составлены группой сотрудников Словарного кабинета под руководством доцента П. М. Алексеева).

Полный словарь собственных имен со статистическим приложением является первым опытом ономастического словаря к художественному циклу произведений в практике нашей советской лексикографии. Он рассчитан на самый широкий круг филологов и будет полезным справочником для всех интересующихся писательской лексикографией, ономастикой и творчеством М. Горького.

В связи с тем, что тираж Словаря ограничен, заявки на это издание с просьбой выслать наложенным платежом следует направлять по адресу: 197110, Ленинград, Петровзаводская улица, 7, магазин «Книга — почтой» («Академкнига»).

О. И. ФОНЯКОВА,
доцент Ленинградского университета
Ленинград

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

«ПАМЯТЬ ДЕРЕВНИ» В ЛИРИКЕ С. ЕСЕНИНА

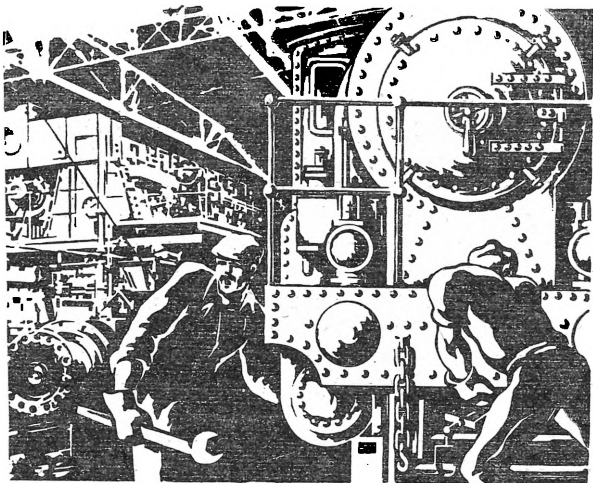
Ответ. См.: 1975, № 1, стр. 53

Основной темой творчества Сергея Есенина — поэта, замечательного своей душевной открытостью, обладавшего искусством «изображения тончайших переживаний, самых нежнейших, самых интимнейших» (А. С. Серафимович. Сборник неопубликованных материалов. М., 1958) — была любовь к Родине, к родной земле.

«Чувство Родины, — говорил сам С. Есенин о себе, — основное в моем творчестве...». «Память деревни», самой непосредственной, кровной связью с которой так дорожил и гор-

дился поэт, передается в числе других, чрезвычайно многообразных, средств, намеренным сохранением некоторых диалектных и разговорно-просторечных элементов. Например, в рифмующейся части стиховых строк конечное *э* оглушается не в *к* (как того требует литературное произношение), а в *х* — характерная особенность южно-русских диалектов, принадлежность родного, дорогого для поэта говора: мех — сне(х), пух — лу(х).

(Окончание на стр. 160)

СУББОТНИК

О неологизмах революционной эпохи

1919 год. Труднейший период в жизни нашей страны. Голод, разруха, наступление контрреволюции. От молодой Советской республики требовалось величайшее напряжение всех сил в тылу и на фронте.

Именно в это время и возникла та новая форма общественного труда — коммунистические субботники, которые В. И. Ленин назвал «Великим почином»: «„Коммунистические субботники“ именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни» (Полное собрание сочинений. Т. 39, стр. 18).

Один из участников первых субботников Я. М. Кондратьев вспоминает: «Особенно тяжелое положение было на транспорте. Паровозы лежали под откосом. 3 апреля 1919 года состоялся чрезвычайный пленум Моссовета. На нем выступил Владимир Ильич Ленин. Он указал на огромную опасность, которая нависла над Родиной, над революцией, и призвал нашу партию и рабочий класс оказать помощь фронту. На пленуме присутствовал наш депутат — комиссар депо Иван Ефимович Бураков. 12 апреля в депо,

по предложению товарища Буракова, состоялось партийное собрание. Отвечая на призыв Ильича, мы решили своим трудом помочь фронту» («Правда», 10 апреля 1919).

Вечером в субботу 12 апреля рабочие депо Москва-Сортировочная остались ремонтировать старые паровозы, оборудовать их под воинские поезда. Так возник первый «субботник».

7 мая 1919 года коммунисты Московско-Казанской железной дороги на общем собрании приняли решение: «Ввиду тяжелого внутреннего и внешнего положения, для перевеса над классовым врагом коммунисты и сочувствующие вновь должны пришпорить себя и вырвать из своего отдыха еще час работы, т. е. увеличить свой рабочий день на час, суммировать его и в субботу сразу отработать 6 часов... Коммунистическую субботу ввести во всем подрайоне до полной победы над Колчаком» («Правда», 17 мая 1919).

Искренность и значительность этого решения оказались очень действительными. Уже в субботу 10 мая в работе приняли участие 205 человек. Это был первый массовый коммунистический субботник, получивший общероссийское значение.

Новое слово *субботник* активно вошло в язык и стало наиболее общим обозначением этой новой формы коллективного труда. Появившиеся в эти же годы названия *коммунистическая суббота*, *красная суббота* остались в языке как торжественно-приподнятые, праздничные наименования.

В распространении, укреплении и признании слова *субботник* сыграла большую роль статья В. И. Ленина «Великий почин» (28 июня 1919), в подзаголовке которой было написано: «О героизме рабочих в тылу. По поводу „коммунистических субботников“». Владимир Ильич выступил за всестороннюю поддержку этого почина, отмечая «небывалую производительность труда, что является самым главным для победы нового общественного строя».

В. И. Ленин поддержал и само название *коммунистические субботники*, которое родилось в среде первых участников, подчеркнув, что «железнодорожные рабочие Московско-Казанской железной дороги сначала показали на деле, что они способны работать как коммунисты, а потом присвоили своему почину название „коммунистических субботников“» (т. 39, стр. 27).

Вслед за словом *субботник* по этому образцу в те годы возникло новообразование *воскресник*. Из архивных материалов октябрь-ноября 1919 года: «Постановлено просить МК перенести *субботники* на воскресенье, ввиду того, что зимний день короток и не везде есть освещение»; «Товарищи рабочие и крестьяне! К вам обращаемся мы, красноармейцы... уделяйте часть свободного вре-

мени устройству *коммунистических воскресников...* («Правда», 20 ноября 1919).

Характерно, что первое время оба слова могли употребляться недифференцированно (без учета дня недели): «За отчетный период под руководством райкома проведено два *субботника* (*воскресника*). Первый *воскресник* — 12 октября... второй *воскресник* — 19 октября... Кроме того, два *субботника* проведено текстильной ячейкой Занарского подрайона самостоятельно. Первый *субботник* — 19 октября...» («Коммунист», 12 ноября 1919). Встречается даже такая форма: «В *субботнике-воскреснике* 14 декабря участвовало 363 человека» («Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии в 1919—1920 гг.», М., 1950).

Такая недифференцированность в употреблении объясняется тем, что эти слова — дублеты. Значение, семантика у них одна — «добровольный, коллективный труд в свободное время»; в Словаре С. И. Ожегова: «*Воскресник*, а, м. Коллективная добровольная работа в воскресенье. *Субботник*, а, м. Добровольная коллективная бесплатная работа для выполнения какого-нибудь общественно-полезного трудового задания (первоначально проводившаяся по субботам)».

Естественным было в то время и появление таких названий, как *коммунистические вторники, понедельники, четверги*: «На фабрике... 18 ноября... был организован *коммунистический субботник*. Работали 24 человека, очищена от снежного заноса линия узкоколейки... Этот *коммунистический вторник* предотвратил остановку фабрики, работающей на оборону» («Коммунист», 22 ноября 1919); «Сообщение об устройстве на Николаевской железной дороге 27 сентября 1920 г. „*чрезвычайного понедельника*“ в помощь фронту» («Гудок», 7 октября 1920). Однако широкого распространения эти названия не получили, так как в ноябре 1919 года решено было оставить субботу основным днем для проведения субботников.

Субботники и воскресники были только началом поиска новых форм организации труда. В те годы получают широкое распространение различные «трудовые кампании» для помощи фронту, голодающим областям, женским, детским организациям. В зависимости от продолжительности они назывались *недельниками* или *неделями, декадниками* или *декадами, месячниками, месяцами*. Мемуары, периодика тех лет дают много примеров такого рода: «С 4 по 10 октября проводится *декадник* самопроверки завершения полевых работ» («Шуйский пролетарий», 4 октября 1932).

Параллельно с образованиями на *-ник* в эти годы активно используются в тех же значениях и однокорневые названия *неделя, декада, месяц*: «Екатеринбург, 2 апреля. В Надеждинском районе *трудовой месяц* начат 21-го марта. Работают 2 часа

сверхурочно...» («Правда», 14 апреля 1920); «Желательно превратить „неделю“ в сплошной субботник для упорядочения транспорта, от которого зависит фронт». («Коммунистические субботники...»).

Слова *неделя*, *недельник* воспринимались как обобщенное название определенной формы общественного труда (продолжительностью в семь дней и более).

Словари современного языка закрепили рождение этих новых названий, слов *субботник*, *воскресник*, *декадник*, *месячник*: «*Декадник*, а. м.— (нов. офиц.). Декада, посвященная какой-нибудь общественной кампании, коллективной работе»; «*Месячник*, а. м.— нов. Месячный промежуток времени, назначенный на проведение какой-нибудь общественной кампании, на выполнение какого-нибудь правительственного задания» («Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова). Существует возможность образовать в языке такие названия по определенной модели — основа прилагательного + суффикс-(н)ик. Особую роль сыграл и такой активный образец, как слово *субботник*: *субботник* → *воскресник* → *недельник* ↔ *декадник* ↔ *месячник*.

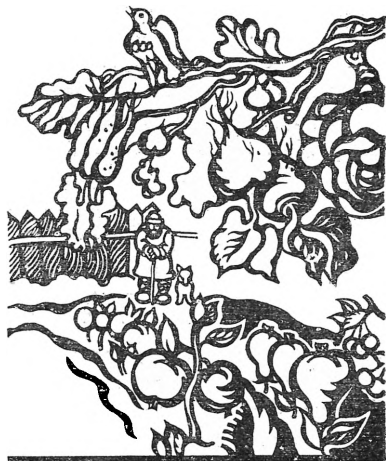
На примере этой группы неологизмов, возникших в 20—30-е годы, хорошо видны пути пополнения языка новой лексикой.

Новая форма общественного труда и ее названия, родившиеся на заре Советского государства, всегда будут связаны с именем В. И. Ленина. И теперь, спустя более полувека, существует веселая традиция проводить по всей стране апрельский массовый субботник, посвятив его дню рождения вождя. Сегодня газеты снова пишут о «красной субботе», называя этот день «ленинским субботником»: «С инициативой сделать 20 апреля 1974 года трудовой „красной субботой“ выступили производственники депо Москва-Сортировочная, столичного объединения „Автозил“, комбината „Трехгорная мануфактура“, станкостроительного завода „Красный пролетарий“ и ряда других предприятий» («Правда», 20 февраля 1974); «Гомельские судостроители во время „красной субботы“ собирают и отгружают на переработку пятьдесят тонн металлолома» («Правда», 4 марта 1974).

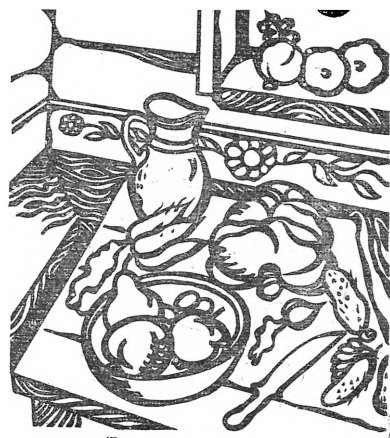
Е. И. ГОЛАНОВА

В наши дни, проходя мимо магазинов с вывеской «Фрукты-овощи», едва ли кто-нибудь задумывался над значением этих привычных слов. Всегда ли оно было таким же, как теперь? А между тем в памятниках древнерусской письменности слова *фрукты* нет вовсе, а слово *овощи* означает не только плоды огородных растений, но и то, что мы называем фруктами. Так, в тексте известного библейского сказания об Адаме и Еве, содержащемся в Послании Поликарпа игумену Акиндину (XII—XIII), говорится: «Първыи чкъ [человек] видѣ красоту овоща не удержася [не удержался]». Но ведь, как известно, Адама в райских кущах соблазнило яблоко, а не какой-нибудь заурядный огурец! Что это? Ошибка, случайно вкравшаяся в текст? Нет!

В «Жоении Антония Новгородца» (около 1200) можно прочесть, например, о таких «овоцах», как дыни, яблоки и груши, которые хранят в специальном «кладязе», чтобы, «когда ясти патриарху», подать их к патриаршему столу в охлажденном виде. В конце XVI века русские путешественники, изумленные роскошью персидского двора, так описывали прием у шаха: «И тутъ шахъ въ саду въ полатѣ кушалъ овощи вишни и дыни и арбузы въ меду; а предъ князя Ондрея и предъ ближнихъ людей его носи-

ОВОЩЬ САДОВЫЙ И ФРУКТА ОГОРОДНАЯ

ли тожь» (Посольство в Персию князя Андрея Дмитриевича Звенигородского. 1594—1596).

А вот еще один отрывок из сочинения, относящегося уже к концу XVIII века: «...Тамъ растутъ цитроны, помаранцы, финики, смоквы, гранатные яблоки, сливы, пигвы, оливы, дыни, арбузы и виноградъ... И всякой овощъ растетъ въ такомъ изобиліи, что вся земля уподобляется пріятнѣйшему и пользнѣйшему саду» (Соймон. Описание Каспійскаго моря. 1763).

По-видимому, еще сравнительно недавно наши предки отличали плоды огородных растений от «овоща», то есть того, что теперь мы называем фруктами. Так, в ответе монаха Зиновия на послание старца Вассиана начала XVI века читаем: «Брашно же [в монастыре] хлѣбъ овсянъ, не вѣянъ... питіе же вода и вареніе имѣющихъ капустное листіе; преимѣюще же въ нихъ, аще зелие, имѣють свеклу и рѣпу; овощи же имѣ рябина и калина». Любопытно, что Зиновий не называет овощами упоминаемые им свеклу и рѣпу.

Садовые плоды когда-то, еще совсем недавно, носили в русском языке название *овощъ*. Овощем называли яблоки и груши, персики и вишни, виноград и дыни. Соответственно и фруктовый сад носил название *овощникъ*: «Течесте очи мои на страну овощника ъдемъ», — так говорится о райских садах в «Книге откровений Авраама». А прилагательное *овощный* тоже означало не то, что современное *овощной*: «Винограда много ошколо Ерлма и овощнаа дрѣвеса [фруктовых деревьев]», — рассказывает в своем «Хоженіи» игумен Даниил. И разумеется не об огородных плодах идет речь в поэтических строках «Лествицы Иоанна Синайского» (XII): «Кдѣ овоща вкусъ и сочное оутѣшенье?». Слово *овощъ* встречается в очень старых письменных памятниках, что бесспорно свидетельствует о его древности.

В других славянских языках, а также в русских диалектах, могло сохраниться древнее значение этого слова. Действительно, русские говоры дают такой материал. По свидетельству известного русского фольклориста М. Караулова, в Терской области фрукты называли овощами (1908). В том же значении данное слово было записано в 1959 году в одном из сел Воронежской области.

Интересны и свидетельства других славянских языков. В современном польском языке *фрукт* называется *owos* (отсюда и прилагательное *owosowy* — фруктовый), в чешском фрукты — *ovose* (*ovospŭ* — фруктовый: *ovospné vĭno*, *ovospnŭ cukr*). А вот фруктово-овощная лавка носит у чехов название *obchod ovocem a zeleninou*, потому что огородные овощи по-чешски называются *zelenina*. Точно так же и в болгарском языке садовые плоды называются *овѣшка* (откуда прилагательное *овощен* — фруктовый: *овощен сок*,

овощна захар). Но, наряду со старым словом *овощка*, известно и слово *фрукти*, появившееся в болгарском языке в более позднее время. Затем образовалось прилагательное *фруктов* — фруктовый. Так что болгарин может фруктовый сироп назвать по-разному: *фруктов сироп* или *овощен сироп*. Для болгарского языка старое *овощка* и заимствованное *фрукти* являются синонимами, тогда как в современном русском языке эти слова имеют различное значение.

И для русского и для болгарского языков слово *фрукты* (восходящее к латинскому *fructus* 'плоды') — заимствованное. Оно представлено в изобилии вариантов, которые мы находим в русских говорах. В Вятской губернии говорили *фрукта*, *фрукта*, на Дону — *фрукта*, *хрукта*, а в Вологодской губернии садовые плоды называли *хруктами*.

Когда же появилось в русском языке слово *фрукты*? В XVIII веке в эпоху бурного развития русской культуры, когда Россия вышла на широкую международную арену, в русский язык хлынул поток заимствований. Именно тогда появились такие привычные теперь слова, как *полюс*, *портрет*, *циркуль*. XVIII век стал периодом постепенного усвоения и слова *фрукты*, хотя для выражения таких понятий, как 'садовые плоды' и 'плоды огородные', в русском языке исстари существовали слова *плоды* и *овощи*. Еще долгое время писатели послепетровской поры обходились без этого нового, заимствованного слова. «Стихотворцы изображают обильство в лице жены, которая держит в руке большой рог, из которого сыплются овощи... и прочия вещи, столь человеком желательные», — писал блистательный русский сатирик Антиох Кантемир. Можно ли представить себе цветущую красотой богиню плодородия с рогом изобилия, наполненным... картофелем, свеклой, морковью?! Заметим, что овощем Кантемир называет и кофе: «Лучший кофе приходит из Аравии, но и во всех Индиях тот овощъ обилен». Овощами называет садовые плоды и В. К. Тредиаковский в своей «Науке Боаловой»: «Фестонъ есть званіе Архитектурное. Онъ есть собраніе овощей и цветовъ, связанныхъ совокупно на одну вервь для украшеніа...». И даже в конце века (например, в переводах Капниста) мы читаем такие строки: «Цветами, овощми, одеждоу тенистой Деревья суть садов милейшая краса» (Сады. 1795). А из Словаря поваренного, изданного в 1796 году, можно узнать, что из яблок, «лежавшихъ въ овощехранильныхъ чуланахъ... выдѣлывать совершенно пріятнаго вкусу и прочности сидръ». Тот же Словарь предостерегает от «выдѣлыванія овощно-го [то есть фруктового] вина изъ плодовъ несозрѣлыхъ».

И все-таки понятия 'садовые плоды' и 'плоды огородные' нередко требуют разграничения. Появляются сочетания *овощи*

садовые и *овощи огородные*. Четко разделяются понятия 'садовые овощи' и 'огородные плоды' в «Флориновой экономии» (1738), а об огородных овощах можно прочесть у С. П. Крашенинникова в его «Описании земли Камчатки» (1755), у А. Н. Радищева («Записка о податях Санкт-Петербургской губернии»), в «Кратком латинском лексиконе с российским и немецким переводом» Христофора Целлария (1746). На страницах «Вейсманнова лексикона» (1731) мы найдем *садовые овощи*, как и в документах, составленных А. Н. Радищевым («Описание Тобольского наместничества»). Овощные сады (сочетание невероятное, с точки зрения современного русского языка) «цветут» в сочинении И. Кириллова «Цветущее состояние Всероссийского государства» (1727).

В Походных журналах Петра I можно прочесть о том, что «февраля 20-го числа... гости съѣхались паки въ домъ Его Царского Величества... и сидѣли за тѣми же столами, гдѣ поставлены были конфеты и фрукты» (1712). Правда, значение слова *фрукты* в сочинениях начала XVIII века не всегда кажется понятным. Так, в записках по домохозяйству из архива князя Ф. А. Куракина (1711) содержится такая рекомендация искусным поварам и кулинарам: «Салату блюдо обложить поджаренными колбасами и потомъ фрукта: утка въ грибахъ по-московски...». Что разумеет автор записок под словом *фрукта*? Не лакомую ли закуску или вообще изысканное блюдо? Несколькo иной смысл вкладывала в это слово дочь фельдмаршала Б. П. Шереметьева княгиня Наталья Борисовна Долгорукая. «Зими 10 месяцевъ или 8, мароза несносние, ничево не родица, ни хлеба, никакова Фрукту, ниже капуста», — писала она в своих «Своеручных записках» (1767). По-видимому, княгиня Н. Б. Долгорукая называла фруктами любые плоды (без различия плодов огородных и садовых).

Однако уже в записках русского посла Унковского, относящихся к первым десятилетиям XVIII века (1722—1727), слово *фрукты* употребляется в привычном для нас, современном, значении: «И поставлено было предъ насъ разныхъ фруктовъ, винограду, яблокъ, дынь, сливовъ», — точно так же, как и в «Лексиконе о коммерции» Савари (1747), где в перечне товаров, которые получают в ходе торгового обмена лилльские купцы, названо «виноградное и горячее вино, конфеты, сухіе фрукты».

Судя по некоторым источникам второй половины XVIII века, понятия 'фрукты' и 'овощи' к этому времени различаются уже достаточно четко. Известный русский историк астраханский губернатор В. Н. Татищев пишет в своих «Кратких экономических до деревни следующих записках»: «...Въ саду хозяйка должна иметь фрукты и овощи всякія: яблоки, груши, вишни, сливы, малину..., капусту, огурцы, лукъ, чеснокъ, хрень, рѣдку, брюкву,

рѣпу, морковь». Новое слово *фрукты* появляется и в частной переписке. Вот отрывок из письма Г. Р. Державина П. Зубову от 14 мая 1794 года: «Не зальют мнѣ глотки ни виномъ, не закармятъ фруктами, не задарятъ драгоценностями...». Слово *фрукты* встречается и в Петербургском своде законов (1781), и в записке А. Н. Радищева «О запрещении провоза товаров», где речь идет о провозе «разных сухих фруктов, как то изюму... черносливу, винных ягод». А в «Путешественных записках Василья Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 г.» появляется уже и новое прилагательное *фруктовый* («фруктовые деревья») — свидетельство того, что слово акклиматизировалось на русской почве.

И все-таки оно продолжало вызывать неприязнь у некоторых писателей той поры. В частности, с ним никак не хотел примириться «российский Расин» и сочинитель ядовитых сатир п басен, резко осуждавший пороки современного ему общества, А. П. Сумароков. «Какая нужда — спрашивал он в своем сочинении „Об истреблении чужих слов из русского языка“, — говорить вместо плоды фрукты?». Как видно, Сумароков понимал это слово расширительно, считая его обозначением понятия «плоды» вообще (как и княгиня Н. Б. Долгорукая). Высмеивая в своих Притчах пристрастие ко всему иностранному, Сумароков писал:

По благородному она всю рѣчь варила,
Новоманерными словами говорила:
Казалось, что въ ней была господска кровь:
То фрукты у нее, что въ подлости морковь.

Употребление слова *фрукты* в значении «огородные плоды», «овощи» можно встретить в литературе, относящейся уже к началу нашего века. Но здесь такое употребление подчинено принципиально иным художественным задачам — как, например, в рассказе Федорченко «Народ на войне» (1915): «Ей что мужик, что фрукта огородная». С годами слово стало привычным.

Как отнеслись к новому слову русские словари? Заглянув в Словарь Академии Российской 1793 года, мы не найдем там слова *фрукты*. Этот словарь еще приводит в качестве значения старого славянского слова *овощь* «плоды древесные и огородные». На страницах Академического словаря 1822 года имеются слова *овощница* «сад» и *овощехранилище*, причем последнее обозначает вовсе не то, что мы привыкли понимать под этим словом теперь, а «шалаш или караульную будку, которые бывают в садах для стерегущих плоды», то есть сторожку садового сторожа.

Слово же *фруктъ* раньше всего появилось на страницах словаря иностранных слов: оно было зафиксировано в «Новом слово-

толкователе» Яновского (1806). И еще долгое время (вплоть до начала нашего столетия) оно продолжает входить в словники подобных словарей.

Первым словарем русского литературного языка, четко разграничившим понятия «плоды садовые» (фрукты) и «плоды огородные» (овощи), был Академический словарь 1847 года. С этих пор новое слово неизменно входит в состав всех словарей русского литературного языка.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ
Ленинград

ВЕРХУ И НИЗУ

Слова-ориентиры в книгах Древней Руси

Словарное богатство старославянского языка широко представлено в древнерусской письменности. Старославянизмы имели разную судьбу в истории русского языка. Некоторые из них прочно вошли в лексический фонд русского литературного языка. Как своим родным достоянием пользуется этими словами и наш современник. Другие же не смогли остаться надолго в русском литературном языке и постепенно выходили из употребления. В древних письменных памятниках наряду со старославянизмами употреблялись и древнерусские слова с теми же значениями. Иногда они встречались в одном письменном памятнике, являясь смысловыми дублетами.

Так, среди слов-ориентиров одновременно сосуществуют старославянские и древнерусские наречия и предлоги со значением места и направления: горь, выспрь, долъ, долу, доловь, исподи, низь, низу, вверхъ, внизъ, верху, сверху, наверху, поверху. Они указывают место вверху или внизу, направление движения вниз или вверх, по вертикали и по горизонтали, когда движение, например, совершается по реке или по местности около нее. Если предмет находится на другом предмете, то этот вид местоположения в письменных памятниках обозначали словом *верху*, обычно значившим то же, что «сверху». Образуются выражения типа: *стать «верху камени», положить жертву «верху дровъ», лежать «верху рогозия», а также типа лить «верху [сверху] смолу».*

Летописец рассказывает, что в 1224 году татары захватили недалеко от Киева город, истребили много народа, а князей «издавшиа, подъкладъше подъ дъски [закладывая под доски], а сами върху сѣдоша [сверху садились] обѣдати, и так животь ихъ концяша [жизнь их кончалась]» (Летопись Новгородская. XIII—XIV вв.). *Верху* сохраняет значение «сверху, сверх» и в переносном смысле: «Секыи [секущий] же дрѣво человекъ есть во мнозѣхъ грѣсѣхъ [пребывает во многих грехах], и въ покаяния мѣсто ина безакония [и вместо раскаяния в этом безаконии] прилагаетъ върху инѣхъ грѣховъ [прибавляет его сверх других грехов]» (Лобковский пролог. XIII в.).

Иногда *верху* означало «наверху». Когда к греческому городу подступили персы, осажденные вспомнили о спрятанной где-то иконе, и тогда во сне епископу богородица открыла, что «върху [наверху] сихъ вратъ града скровенъ [скрыт, спрятан]... образъ иерукотвореныи [икона]» (Пролог 1383 г.). Изредка *верху* имеет смысл, какой имеют слова *поверх*, *сверху*: «Игоумень прѣпопашеться попявою [куском полотна] върхоу [поверх] ризъ своих» (Устав Студийский. XII в.).

Верху означает и «сверху», и «наверху», и «поверх», употребляется на месте этих слов. Но может быть, причина такого состояния находится в том, что нет слов *сверху*, *поверх*, *наверху*? В тех же письменных памятниках содержатся примеры, которые показывают, что наряду со словом *верху* «сверху» существует слово *сверху* (иногда в виде *съверху*) в том же значении. В одном письменном памятнике сообщается, что покойного попа после того, как обуют и оденут, «облькють... съверхоу въ фелон [в одежду без рукавов с отверстием для головы]» [Устав Студийский. XII в.), а в другом памятнике сообщается, что «облкють и [попа] верху фелонъ» (Кормчая Варсонофиевская. XIV в.).

Возможны выражения *лить сверху* и *лить верху*: масло к свѣтльнику подливай «съ верху, да не гаснеть [чтобы не погас]» (Пандекты Никона Черногорца. XIV в.); но — на мученицу льют «върхоу [сверху] смолоу» (Лобковский пролог. XIII в.). Возможно также в предложении с одним и тем же содержанием слова *верху* и *наверху*. В одной рукописи написано, что птица алконост, печуствував, что пришло время вылупиться птенцам из яиц, дотоле отложенных на берегу моря, сносит яйца на море, в глубину, а сама «наседеть на них наверху моря» (Палея толковая. 1406 г.). В другом памятнике пишется, что алконост на них «верху воды насѣдитъ» (Мерило праведное. XIV в.).

Аналогичное положение наблюдается между словами *верху* и *поверху*. Во время знаменитого потопа Ноев «ношашеса ковчегъ верхоу водъ [по воде, сверху вод]» (Палея толковая. 1406 г.).

Но в этом же памятнике сообщается, что бог повелел апостолу Петру «поверху водъ ходити», а это выражение означает то же, что и выражение *по воде ходить*: «Помянемъ же Петра... ходившего по водам». Итак, слово *верху* значит то же, что слово *поверху*, и то же, что предлоги *по* или *на*.

Примерно тот же смысл, что слова *верху*, *вверхъ* имели и слова *горѣ* и *выспрь*: рыбак «на камни выспрь съдя [сверху сидя], ловит» (Григория Богослова 16 слов... XIV в.); «Горѣ же погама [вверх ногами] ходяще» (Огласительные поучения Феодора Студита. XIV в.). Однако слова *горѣ* и *выспрь*, кроме сходства со словами *сверху*, *вверх*, *верху*, имели также смысловые отличия от них. Слова *верху*, *сверху*, *вверх* обозначали местонахождение предметов *сверху* или *наверху* предметов, окружающих человека, которые он мог брать, трогать руками. Слова же *выспрь* и *горѣ* — это тоже «находиться вверху, наверху, сверху», но не только на земле или среди земных предметов, а еще и на небе, у бога. Во многих предложениях рядом с *горѣ* и *выспрь* стоят слова *небо* и *бог*: «богъ на небеси выспрь и ты на земли невоу [внизу]» (Хроника Георгия Амартола. XIII—XIV вв.); «Горѣ [вверх]... взирающе, иде же естъ глава наша Христось» (Огласительные поучения Феодора Студита. XIV в.).

Слово *вверхъ* редко имеет значение «вверх, высь». Обычно оно употребляется как «вверх по реке, в направлении против течения, а также вверх по местности около реки». Если граница чьих-нибудь земельных владений находилась около реки и шла по направлению к истоку, то княжеские или монастырские грамоты с документальной точностью отражают это употреблением слова *вверхъ*, ибо грамота являлась документом: «А межи нас роздѣль [граница] земли по реку по Оку от Коломны вверху по Оцѣ [Оке]» (Грамота доковчальная [догосерная] кн. Дмитрия Ивановича с кн. Рязанским. 1382 г.).

Мы видим, что группа слов со значением «место вверху» и «двигаться вверх» состоит из слов, взятых из старославянского языка (*горѣ*, *выспрь*, *верху*), и древнерусских слов (*сверху*, *наверху*, *вверх*). Однако из этого нельзя делать вывод, что они мирно сосуществуют. Старославянские слова вытесняются древнерусскими. Так, они начинают употребляться в церковнославянских письменных памятниках иногда вместо соответствующих старославянизмов. Например, вместо *горѣ* употребляется слово *вверхъ*: «Яко же свинья не может горѣ зрѣти, тако согрѣшая [согрешающий] не может смыслити [помышлять] о небесныхъ [вознаградении небесном]» (Златая цепь. XIV в.) и «Яко же бо свинья не может вверху смотрити, тако согрѣшая не может помыслити о небесныхъ» (Торжественник. XIV в.).

Замена одного слова другим, как заметил видный советский исследователь истории русского языка Ф. П. Филин, представляет собою «не простые исправления или искажения более раннего текста, а языковые факты, в которых отразилась многовековая история русского литературного языка» (Ученые записки ЛГПИ имени А. И. Герцена, т. 80, 1949). Какие же это факты? Это развитие литературного языка по пути сближения с народной речью и начало решительного вытеснения церковно-книжных слов из русского языка.

Слова *низъ*, *внизъ*, *низу*, *исподи*, *долъ*, *долу*, *доловь* обозначают местонахождение внизу и движение вниз. *Исподи* — это то же, что «снизу». Архидьякон Лаврентий роздал умиравшим от голода нищим кое-что из церковной казны и за это был разложен «на сквадръ [сковороде, орудия пытки], подгнещену огневи исподи [с разожженным огнем снизу]» (Пролог. 1383 г.). *Исподи* — это также «внизу». После победы над своим братом Олегом, Ярополк послал искать Олега среди мертвых во рву, и летописец сообщает, что «...Иhalbзоша Олега исподи [нашли внизу], подъ трупемъ» (Летопись Ипатьевская, около 1425 года, под 977 годом). *Низъ* — это «вниз». Бесы волхва подвляли на воздух и «низъ поустниша» (Лобковский пролог. XIII в.). *Долу* и *доловь* — это также «вниз»: «Быс [было] знаменье въ солници... остася [осталось] его мало, акы [будто] мѣсяць долу рогама [вниз рожками]» (Лаврентьевская летопись, под 1114 годом); «Быс знаменье въ солници... остася солнца мало, акы мѣсяца доловъ рогама» (Ипатьевская летопись, под 1133 годом).

Долъ могло означать просто «внизу, под чем-либо». Бог якобы дал носорогу «рога на губъ, очи же долъ, подъ челюстью» (Мерило праведное. XIV в.). Но в этом смысле *долъ* употребляется редко. Чаще всего *долъ* и *низу* значат не просто «внизу», а «внизу, на земле, у людей» (в противоположность *горъ* «наверху, на небе, у бога»). *Долъ* и *низу* в предложениях часто стоят рядом со словом *земля*, распространяя это слово: «Не створи собъ идола по всякому подобью, елико на небеси выспрь и елико на земле низоу» (Хроника Георгия Амартола. XIII—XIV вв.); «Не створиши собъ кумира, ни всякого подобия, елико на небеси горъ, елико же на земли долъ» (Палея толковая. 1406 г.).

Слово *внизъ* (иногда *унизъ*) употребляется в письменных памятниках XI—XIV веков только в значении «вниз по реке или по местности около нее» — по направлению к устью реки: «Пойдоста в низъ по Волзъ [Волге]» [Ипатьевская летопись, под 1148 годом]; села «от того ручья внизъ по Кокшенгъ... досташется Василью Федоровичу» (Грамота XIV в.).

Состояние группы слов, обозначающих место вверх и вниз, направление вверх и вниз, в древнерусском языке некоторыми чертами отличается от состояния этой же группы слов в современном русском языке. Кроме известных нашему современнику слов *вверх, вниз, сверху, наверху, поверху*, в группу входят также слова *горь, выспрь, долъ, долу, доловь, верху, низу, низъ*, заимствованные из старославянского языка, что отмечают многие старославянские словари (Словарь старославянского языка, издаваемый чехословацкой Академией наук).

Древнерусские слова употребляются в письменных памятниках XI—XIV веков реже, чем старославянизмы. В Древней Руси очень мало произведений, в которых бы не было старославянских

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Ответ. См.: 1975, № 1, стр. 96.

I. Собеседники не понимают друг друга потому, что каждый из них имеет в виду только одно, строго определенное значение многозначного слова *страсть*. Спрашивающий употребляет слово *страсть* в высоком, романтическом смысле — «сильная пылкая любовь к лицу другого пола, любовное, чувственное влечение». Второй собеседник — старая крестьянка — ориентируется на привычное для нее разговорно-просторечное значение — «страх, ужас, нечто страшное», которое, кстати, подкреплено и усилено ассоциативной связью со значением слова *страсть*, закрепленным во фразеологическом сочетании *страсти Христовы* «мучения, страдания» (книжн. церк.).

II. В пьесе А. Н. Островского «Бешеные деньги» непонимание обусловлено так называемой «ложной этимологией» — переосмысление чужого непонятого слова на основании внешнего и очень приблизительного сходства с другим, знакомым словом — Марок-

ко — и мóрок (обл.), в котором ясно ощущается смысловая связь с глаголом *морочить* (разг.) — «сбивать с толку, вводить в заблуждение, дурачить; обманывать», сохранившаяся преимущественно в производных словах типа: обморок, морóка, морóчить и др.

III. Стена непонимания, отчуждения отделяет инженера Кучерова от окрестных крестьян. Фразеологически связанный смысл слова *платить* (платить той же монетой) остается за порогом сознания, воспринимается только первичное, прямое значение слова *платить*. Показательно, что именно эта сторона взаимоотношений стала определяющей уже в самом замысле рассказа. В Записной книжке А. П. Чехова есть заметка: «Пока строился мост, инженер нанял усадьбу и жил с семьей, как на даче. Он и жена помогали крестьянам, а они воровали, производили отравы... Он явился на сход.

— Я сделал для вас то-то и то-то, а вы платите мне за добро злом. Если бы вы были справедливы, то за добро платили бы добром.— Повернулся

слов. Их употребления требовал литературный этикет того времени. Так, старославянизм *верху* употребляется вместо слов *сверху*, *наверху*, *поверху* и других; *горѣ*, *выспрь* — слова *вверхъ* (ввысь); *горѣ* — слова *вверхъ* (по реке); *низъ*, *долу*, *долѣ*, *низу* — слов *вниз*, *внизу*. Древнерусское слово *вверхъ* употребляется преимущественно в значении 'вверх по реке' и почти не употребляется как 'вверх, ввысь', так как это понятие уже выражено старославянизмами *горѣ*, *выспрь*. В то же время письменные памятники XIV века показывают, что доминирующее положение старославянизмов колеблется и вместо них все чаще начинают употребляться соответствующие древнерусские слова.

И. Ф. МАЗАНЬКО

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

и ушел. Сход почесался и говорит:

— Платить ему надо. Да... А сколько платить, неизвестно...

— Спросим у земского.

Отсутствие языкового контакта (и основанное на нем взаимное раздражение) пронизывает все повествование и становится основным изобразительным приемом. При следующей встрече внешняя причина взаимной глухоты — смешение паронимов: *презренье* и *призрение*.

Вот эта сцена: «Как-то шли толпой из леса, и опять по дороге встретился инженер. Он остановился и, не поздоровавшись, глядя сердито то на одного, то на другого, начал:

— Я просил не собирать грибов у меня в парке и около двора, оставлять моей жене и детям... Э, да что говорить! Кончится, вероятно, тем, что мы будем вас презирать...

Придя домой, Родион помолится, разулся и сел на лавку рядом с женой.

— Да... — начал он отдохнув. — Идем сейчас, а барин Кучеров навстречу... Да... Девоч чуть свет видел... Отчего,

говорит, грибов не несут... Жене, говорит, и детям. А потом глядит на меня и говорит: Я, говорит, с женой тебя презирать буду. Хотел я ему в ноги поклониться, да сробел... Дай бог здоровья... Пошли им господи...

Степанида перекрестилась и вздохнула.

— Господа добрые, простоятые... — продолжал Родион. — «Презирать будем...» — при всех обещал. На старости лет и... оно бы ничего. Вечно бы за них бога молил. Пошли царя небесная...».

Художественно - стилистический смысл этого отрывка будет, пожалуй, явственнее, если вспомнить слова того же кузнеца Родиона, обращенные к жене инженера Кучерова: «— Не обижайся, барыня, — сказал Родион. — Чего там! Ты потерпи... Прочие — народ смиренный, молчат... Иной, знаешь, рад бы слово сказать по совести, вступиться, значит, да не может. И душа есть, и совесть есть, да языка в нем нет. Не обижайся... потерпи... Чего там!».

Практикум по стилистике ведет Л. И. Еремينا

ЮБИЛЕЙНАЯ ФИЛИГРАНЬ

Водяной знак
на почтовой бумаге,
вышедшей
к 100-летию
со дня рождения
В. И. Ленина

До Великой Октябрьской революции бумажная промышленность полностью была в руках частных предпринимателей, за исключением Экспедиции заготовления государственных бумаг.

Первое время русские фабриканты маркировали бумагу (писчую высших сортов и почтовую) штемпелями слепого тиснения, но через сравнительно короткий промежуток времени были вынуждены перейти на более совершенный метод маркировки водяными знаками. Вместо формы, на сетчатке дна которой прикреплялось фи-

лигранное изображение или текст, были изобретены специальные валы (дендирылы), под которыми проходила бумажная масса. На эти валы гравировались или напаявались отдельные изображения с надлежащими текстами. Проходя над бумажной массой, валы вдавливали эти изображения. На готовой бумаге появлялось или графическое, или тоновое изображение. Применение дендирылов открывало широкое поле для художников, и водяной знак приобрел характер типичного минирекламного плаката.

После Октябрьской революции бумажная промышленность стала собственностью государства.

Бумага с филигранями стала изготовляться Гознаком только для денежных знаков и лотерейных билетов.

В 1920-х годах Гознак изготовил в виде эксперимента ограниченным тиражом бумагу с тоновым водяным знаком — портретом

В. И. Ленина (бумага формата 35 × 25 см двух цветов, кремового и зеленоватого, размер изображения около 12 см в высоту). Портрет был выполнен на очень высоком художественном уровне. Экземпляры этой бумаги хранятся в секторе изобразительного материала Отдела редких книг Библиотеки имени В. И. Ленина.

В 1967 году к пятидесятилетию Октября появились «папетри» (плотные папки, в которые вложены почтовая бумага и конверты). На верхней крышке помещено изображение штурма Зимнего дворца с надписью «50 лет Октября». Бумага, вложенная в папку, имела водяной знак — две дубовых ветки с желудами.

В 1969 году к знаменательной дате столетия со дня рождения В. И. Ленина Гознак выпустил специальный «Почтовый сувенир». В специальную папку-конверт вложено 25 листов почтовой бумаги малого формата двух цветов. На верхней стороне папки напечатано «100 лет» и лавровая ветвь (в красном квадрате), ниже — красным «со дня рождения В. И. Ленина». На бумаге водяной знак — 100 лет и лавровая ветвь, расположенная вертикально. Водяной знак повторяется на листе несколько раз.

С. А. КЛЕПИКОВ

День рождения Букваря

В сентябре 1974 года наша страна отмечала знаменательную дату — 400-летие со дня выхода в свет первого славяно-русского букваря. Букварь был издан в 1574 году в городе Львове выдающимся деятелем русской культуры москвитиним (москвичем), филологом и педагогом Иваном Федоровичем Федоровым.

Это было первое на Руси печатное пособие, составленное «ради скорого младенческаго научения» славянской письменности, азбуке, грамматике, чтению. На последней странице Букваря помещены две гравюры, одна из которых изображает герб города Львова, а вторая — марку печатника-просветителя. Под ними — подпись: «Выдруковано во Львове року 1574» [напечатано во Львове в 1574 году].

Анализ книги показывает, что это первое печатное пособие для обучения письму и чтению выходит далеко за рамки азбуки в нашем понимании.

Букварь состоит из двух частей. Первая посвящена изучению букв, слогообразованию и изложению главных грамматических правил. Во второй — сообщаются различные хрестоматийные материалы для закрепления знаний, приобретенных при изучении Букваря (некоторые популярные молитвы, афоризмы, поучения, методические пожелания для учеников, родителей). В Букваре приводятся сведения по первоначальному обучению счету. В конце текста помещено послесловие автора, объяснение мотивов составления Букваря.

Первая часть Букваря разделена на 76 параграфов — упражнений. Вероятно, они были уроками-заданиями. Параграфы отмечены принятой тогда буквенной системой цифр.

Первая часть пособия включает азбуку, приводимую в прямом (от *А* до *Ижицы*) и обратном (от *Ижицы* до *А*) порядке, а также вразбивку в виде восьми вертикальных столбцов сверху вниз. Это сделано для того, чтобы учащиеся могли лучше усвоить алфавит и запомнить каждую букву в отдельности.

Далее следуют слоги *ба, ва, га, да, жа...* Буквы алфавита *А, Б, В, Г, Д...* не имеют названий (*Аз, Буки, Веди, Глаголь, Добро...*), обычно применяемых в азбуках. Педагогический опыт И. Федорова, хорошо знавшего учительский труд, побудил его опустить такие объяснения. Практика подтвердила, что дополнительное объяснение букв (*А — Аз, Б — Буки*) не способствует усвоению алфавита, а затрудняет его запоминание.

Раздел, посвященный грамматике, занимает 10 страниц текста (26 параграфов). Здесь составитель Букваря впервые приводит традиционно принятое название букв, рассматривает положения о страдательном залоге и повелительном наклонении; в параграфе 51 сообщает примеры, поясняющие изменение смысла слов в связи с переносом ударения.

Б Буди — Будí

Л Любíte — Любите

М Мука́ — Му́ка

Х Хвалíte — Хва́лите

О Отговíte — Отгóните

Принятым в славянской литературе сокращениям посвящено 26 параграфов, рассматривающих значительное количество слов, которые пишутся под титлами (*а̀ггль — ангел, а̀рха̀ггль — архангел, н̀бо — небо*).

На 45—48 страницах Букваря помещены афоризмы, изречения из различных ритуальных книг, молитв. Они предназначены

ны: для заучивания на память и составлены на все буквы алфавита.

А Аз есмь всему миру свет. $\tilde{O}\tilde{Z}$.

Ж Жизнь есмь всему миру. $\tilde{П}\tilde{Г}$.

Щ Щедротами своего человеколюбия. $\tilde{Ф}$.

Сбоку каждого афоризма поставлены буквы, применяемые для обозначения цифр, они продолжают нумерацию параграфов. Таким образом, изучающие Букварь одновременно постигали и основы счета. Под афоризмами напечатаны буквы, обозначающие числа (\tilde{X} — 600, \tilde{Y} — 700, $\tilde{\omega}$ — 800, $\tilde{Ц}$ — 900, \tilde{A} — 1000, \tilde{B} — 2000, $\tilde{Г}$ — 3000).

Вторая часть Букваря содержит и материал для чтения (молитвы, поучения, наставления). Все они касаются норм поведения и обучения. Следует отметить, что автор отобрал в основном те поучения, которые призывают к защите обиженных, к заботе о человеке: «Сын мой приклони ухо твое и послушай словес мудрых, и приложи сердце твое к изучению моему, оно украсит тебя и сохранится в памяти твоей и размножится в устах твоих... Не сотвори насилия убогому и так он убог есть и не обижай нищего...» (стр. 69); «Да внидет к научению сердце твоё, уши твои к словесам разума. Сын мой будет мудра душа твоя, радоваться будет с тобою сердце мое и веселиться будут ноги мои, когда правду возглаголют уста твоя» (стр. 70).

Заканчивается Букварь послесловием: «Не от себя написал я это вам, но от божественных апостолов и боговсных святых отцов и от грамматики преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина, сократив до малого и составив для быстрейшего обучения детей. Если вам труды мои благоугодны будут достойны вашей любви, примите их с любовью».

Составитель Букваря был гуманнейшим педагогом. В наставлениях, обращенных к родителям, он защищает детей от произвола отцов, призывает воспитывать «в милости, в благоразумии, в кротости, в долготерпении, приемлюще друг друга и прощение дарующе».

Сравнение «Азбуки» Ивана Федорова и современных букварей показывает, как далеко ушла вперед наша учебная книга.

Четыре века отделяют нас от того памятного дня, когда вышел в свет первый русский Букварь, впервые открывший людям путь в мир знаний.

Профессор Н. М. НОСКОВ

ТИПИЧНЫЕ ОШИБКИ В СОЧИНЕНИЯХ АБИТУРИЕНТОВ

Как показывает многолетний опыт, нередко случаются случаи, когда абитуриент, написав неплохую по содержанию работу, неожиданно для себя обнаруживает свою фамилию в списках двоечников. «Не может быть! За что?» — думает он, направляясь в приемную комиссию. И здесь выясняется, что по содержанию работа, действительно, хорошая, но автор ее не в ладу с орфографией и пунктуацией, с грамматикой и стилистикой. Как правило, готовясь к сочинению, большинство абитуриентов штудирует учебники по литературе, критические статьи, перечитывает художественные произведения, учит наизусть отрывки, и редко кто заглядывает в учебники русского языка, забывая, что каким бы интересным, глубоким по содержанию ни было сочинение, но если в нем больше нормы орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок, оно оценивается как неудовлетворительное.

Больше всего орфографических ошибок встречается в употреблении частицы *ни* в оборотах *как ни*; *какой ни*; *сколько ни*; *когда ни*; *где ни*; *куда ни*; *кто ни*; *что ни*. Эти обороты употребляются в сложноподчиненных предложениях с обобщенно-уступительным значением: «Хотя [несмотря на то, что] его приглашали, он не явился»; «Как его ни приглашали, он не явился». Оба предложения являются сложноподчиненными с уступительной придаточной частью. Второе отличается от первого предельной степенью уступки. Частица *ни* имеет усилительно-утвердительно-отрицательное значение. Забывая об этом, абитуриенты пишут: «Оставшись без рук, он решил научиться писать, чего бы это не стоило»; «Какое

бы из его [М. Горького] произведений мы не взяли, везде можно найти протест против тихой, затягивающей в болота жизни мешан».

В обоих примерах допущена грубая ошибка: вместо *не* следует писать *ни*, так как перед нами оборот *что (бы) ни, какое (бы) ни* с обобщенно-уступительным значением.

Немало ошибок на правописание суффиксов *н* и *ни* в причастиях и прилагательных: *раненная рука, раненый в живот, подкованный конь, каленным железом пытали* вместо *раненая рука, раненный в живот, подкованный конь, каленым железом*. Особенно не везет наречиям (в скобках даны ошибочные написания): впоследствии (е), в отместку (вотместку) на виду (навиду), назло (на зло), нарасхват (на расхват), на скаку (наскаку).

Нередки случаи неправильного употребления прописных букв: С(с)трана Советов, С(с)ветское государство, С(с)ветская Украина, С(с)ветское п(П)равительство, г(Г)ражданская война, Г(г)ерой Советского Союза, о(О)рден Ленина, С(с)окол, Б(б)уревестник, У(у)ж, л(Л)ермонтовский «Демон».

Орфографические ошибки, связанные с правописанием безударных гласных, непроизносимых согласных, падежных окончаний существительных и личных окончаний глаголов, встречаются в сочинениях в единичных случаях: просве(и)щение, иде(и)ология, уча(в)ствовать, по возвращении(ю), по приезде(у), борю(я)тся.

Если орфографические навыки абитуриентов в целом соответствуют требованиям школьной программы, то пунктуационные оставляют желать лучшего. Многие абитуриенты ставят знаки препинания по своему усмотрению, не считаясь с общепринятыми правилами пунктуации. Одной из причин сравнительно низкой пунктуационной грамотности является, с нашей точки зрения, то, что к пунктуационным ошибкам обычно относятся более терпимо, чем к орфографическим. Между тем нарушение норм пунктуации, как справедливо указывает профессор А. Б. Шапиро, в большинстве случаев гораздо «опаснее», чем орфографическая ошибка. Отсутствие знака препинания или употребление не того знака, который нужен, затрудняет понимание текста, ведет к ошибочному толкованию. Сравним предложения: «Как, он работает?» и «Как он работает?». Они различаются коммуникативной целью. Первое предложение эмоционально окрашено (выражение удивления, возмущения), второе — является нейтральным по эмоциональной окраске; в первом вопрос относится к слову *работает*, во втором — к слову *как*.

Сравнивая предложения «Какая книга!» и «Какая книга?», легко заметить, что они также различаются значениями и что

различия эти в письменной речи выражаются соответствующими знаками препинания.

Запятая в предложении «Утомленные, путники остановились» придает определению *утомленные* добавочное обстоятельственное значение. Без запятой нельзя определить смысловой оттенок определения.

О великой силе пунктуации хорошо сказано в «Золотой розе» К. Паустовского. Однажды (это было в 1921 году в Одессе) А. Соболев принес в редакцию газеты «Моряк» свой рассказ, «раздербанный» и «спутанный». Печатать его в таком виде нельзя было. Рукопись взял корректор Благов, который пообещал, что не выбросит и не прибавит ни одного слова. О своем впечатлении от рукописи, по которой «прошелся» опытный корректор, Паустовский пишет:

«Я прочел рассказ и онемел. Это была прозрачная, литая проза. Все стало выпуклым, ясным. От прежней скомканности и словесного разброда не осталось и тени. При этом действительно не было выброшено или прибавлено ни одного слова.

Я посмотрел на Благова. Он курил толстую папиросу из черного, как чай, кубанского табака и усмехался.

— Это чудо! — сказал я. — Как вы это сделали?

— Да просто расставил правильно все знаки препинания. У Соболя с ними форменный кавардак. Особенно тщательно я расставил точки. И абзацы. Это великая вещь, милый мой. Еще Пушкин говорил о знаках препинания. Они существуют, чтобы выделить мысль, привести слова в правильное соотношение и дать фразе легкость и правильное звучание. Знаки препинания — это как потные знаки. Они твердо держат текст и не дают ему рассыпаться».

Основа нашей пунктуации логико-грамматическая: ставя знаки препинания, мы опираемся на смысл высказывания и одновременно учитываем его синтаксическую структуру. Чтобы не ошибиться в расстановке знаков препинания, надо безошибочно ориентироваться в структуре предложения, в смысловых отношениях между его частями, в синтаксических связях между членами предложения.

Каковы же в работах абитуриентов типичные пунктуационные ошибки?

1. Постановка точки в конце восклицательно-эмоциональных и вопросительно-риторических предложений: «Как хорошо жить в нашей стране (!)»; «Сколько чудесного вокруг (!)»; «Сколько героических дел совершили комсомольцы в тяжелые годы Великой Отечественной войны (!)»; «Нам ли, комсомольцам, бояться труд-

ностей (?)»; «Как же мог Сережка не вступить в жестокую борьбу с врагом (?)».

2. Отсутствие какого-либо знака между частями сложного предложения: «Им надо было учиться (,) и они учились»; «Война показала (,) на какие героические подвиги способен русский народ»; «По ночам Кондрату не спится (:) жалость к своему добру еще не умерла в его душе».

3. Невыделение определений, относящихся к личному местоимению, обстоятельству, выраженных деепричастием с зависимыми словами, уточняющих обстоятельство: «Неподвижный и слепой (,) он продолжал активно работать»; «Добросовестно работая сам (,) он требовал такого же отношения к делу и от других»; «И сейчас (.) в мирные дни (,) есть место подвигам».

4. Отсутствие тире перед сказуемым с нулевой связкой: «Кондрат Майданников (—) типичный образ середняка»; «Трудиться на благо Родины (—) счастье»; «Труд (—) источник материальных и духовных благ».

5. Постановка лишнего знака: «В драме „Гроза“, Островский разоблачил „темное царство“»; «После войны, весь народ поднялся на восстановительные работы».

6. Отсутствие второго знака препинания: «Учителя, воспитавшие нас, (—) настоящие люди»; «Это они, молодежь, построили в глухой тайге город, носящий их имя (,) — Комсомольск».

В сочинениях абитуриентов немало встречается лексических, грамматических, стилистических, а также фактических и логических ошибок.

Ошибки, связанные с нарушением лексических норм, сводятся в основном к нарушению лексической сочетаемости, неправильному употреблению слов, плеоназмам (излишеству): «Ленин *уделял* огромное значение созданию социалистической литературы» (уделял внимание, придавал значение); «У нас произошли большие достижения в области науки и техники» (имеются); «А народ *ликует* и радуется» (ликовать — значит радоваться).

Синтаксические ошибки можно объединить в следующие подгруппы: 1) нарушение правил согласования: «Часть комсомольцев остаются (остается) в городе»; 2) нарушение правил управления: «Павел *объяснил* ей о том, за что борются социалисты» (объяснил, за что борются); «Чехов не мог остаться в стороне этих событий» (в стороне от этих событий); 3) неправильное употребление местоимения: «Жестоко расправились с комсомольцами враги Советской власти, но *их* имена навечно останутся в нашей памяти» (чьи имена?).

М. В. ИОНИНА
Донецк

ЛИНГВИСТИ- ЧЕСКАЯ МИНИАТЮРА

БЫТЬ ЛЕКСИКЕ
ДОБРОЙ!

Юный читатель! Предлагаем тебе познакомиться с несколькими занимательными рассказами о русском языке. Эти рассказы написаны студентами Ворошиловградского педагогического института, иногда доработаны нами. Размышляя над вопросами специальной подготовки будущего учителя-словесника, думая над методами, приемами его работы, мы предложили сту-

Огромна страна Русского языка, а в ней широки просторы Лексикки. Заслуженной славой пользуются на просторах Лексикки Слова *Мир, Дружба, Революция, Родина, Россия*, звонкие и громкие, богатые и гордые, светлые и радостные. Они поражают людей простотой и величием. Слова эти необыкновенно дружны между собой. Покоряют своей прелестью, нежностью и легкостью слова *Береза, Солнце, Счастье, Весна, Радость*; молодостью — *Космос, Луноход, Пионер, Октябренок, Пятилетка, Космодром, Совхоз*; распространенностью и большой известностью — *Со-*

дентам-филологам отразить жизнь языка, некоторые языковые явления в занимательной форме, подсказали ряд сюжетов для подобных рассказов. В процессе этой работы студенты находили все новые и новые сюжеты в теоретической литературе. Одновременно они внимательно всматривались в жанр лингвистической миниатюры, новеллы, которыми так богаты

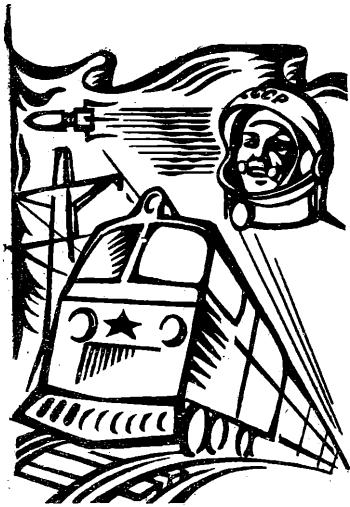
книги Л. Успенского «Слово о словах», Ю. В. Откушщикова «К истокам слова», Н. М. Шанского «В мире слов».

Нам кажется, что эти рассказы с пользой прочитают наши учащиеся, а некоторые из них (мы в этом не сомневаемся) захотят испытать свои силы в этом жанре. Приводим ряд лингвистических миниатюр, посвященных развитию лексики русского языка.

циализм, Коммунизм, Интернационал, Ленинизм; удивительной лаской, теплом и светом лучится Слово *Мама*. Хорошие, добрые, нужные Слова! Лексике так хочется, чтобы все ее жители были именно такими. Вечно юная и оптимистическая *Жизнь* твердо верит, что во всем мире со временем останутся существовать лишь Слова героические, справедливые, весенние, приносящие людям не только необходимость общаться, но и необходимость спокойно жить, трудиться и радоваться.

ПОЕЗД ИСТОРИИ

Как поезд, мчащийся по рельсам, так и история, все убыстряя свой шаг, движется вперед. У этого поезда истории очень много своих пассажиров. Они все разные: старые и молодые, известные всем и совсем незаметные, необходимые лишь в определенных условиях. Этими пассажирами мы называем Слова. На пограничной станции Октябрьская загорелось, засияло Слово *Октябрь*, освещая путь всему новому в жизни. Быстро вошли в поезд молодые и веселые *комсомолец*, *красноармеец* с песнями, флагами, звездами на шлемах. Удивлены были пассажиры, когда опять встретились со своими старыми знакомыми — *пионером* и *советом*. Оказалось, что теперь эти Слова вы-

ступают в иных значениях, связанных с нашей советской жизнью. Локомотив истории ни на секунду не останавливает свой ход. Недаром в песне поется: «Наш паровоз стрелой летит». И все новые пассажиры-слова заполняют поезд. Много новых пассажиров садится на станции Техника. Появился атомный ледокол Ленин — и на подножку тепловоза вскочил атомолод. Назвали площадку, с которой стартуют космические корабли, космодромом — снова пассажиров стало больше. А вот на стан-

ции Стройки великой страны появились в поезде и слова-пассажиры *ударник, передовик, новатор, маяк* и другие.

Слова-пассажиры приходят и уходят. И на станции Октябрьской сошли многие слова, принадлежащие старому миру. Пропали в глубинах истории *жандарм, охранка, служанка*. Поезд сбросил их груз без сожаления — очень они ему не нравились.

Поезд истории все больше ускоряет свой бег, теперь он даже изменился — стал *тепловозом* и *электровозом*. Пассажиров становится все больше, они постоянно обновляются.

Какие новые пассажиры-слова вошли, например, на ваш взгляд, в поезд, на станциях «Миру — мир», «Дружба народов»?

МОЛОДЕЖЬ И СТАРИКИ

В большой стране Лексикологии жил молодой красивый Неологизм. Жилось ему весело, беззаботно; к нему то и дело приходили все новые и новые слова. Не успел появиться *космос*, а за ним уже снепат *космонавт, космовидение, телевидение*, после них пришел *луноход, лунник*.

Но вот однажды задумался Неологизм: «Почему новые слова ко мне приходят, а некоторые забывают и даже покидают меня? Ведь были у меня когда-то такие хорошие слова, как *буденовка, красноармеец*, а теперь я не вижу их возле себя».

Загрустил Неологизм, но ненадолго. Прослышал он, что в одной с ним стране проживают два почтенных старца: Архаизм и Историзм. Задумал он пригласить их в гости к себе, познакомиться с ними, показать все свое богатство — новые слова. Старички приняли приглашение. Неологизм с нетерпением ожидал их.

Раздался стук в дверь — и на пороге предстал Историзм, одетый в кафтан, обутый в лапти, за ним величаво шествовал Архаизм. Это и были те люди, которых хотел увидеть Неологизм. Он пригласил гостей в комнату, где был включен телевизор. Старички в страхе попятились, ведь им было непонятно, как может человек сидеть в таком маленьком ящике и разговаривать. Они впервые видели такое чудо. Долго и усердно объяснял Неологизм гостям значение слов *телевизор*, *телевидение*, *диктор*. Они с интересом смотрели на экран, но им казалось, что в речи диктора много иностранных слов, непонятных им. Встречались слова *комсомол*, *воскресник*, *пятилетка*, *тепловоз*, *спартакиада*.

После того, как Неологизм объяснил им, что это не иностранные слова, а новые, возникшие у нас в советское время, старички хитро задумались и сказали: «Да, Неологизм, ты неплохо устроился. Богатства твои безграничны и ты все обогащаешься... Когда тебе надоедают некоторые слова, когда они утрачивают свою прежнюю свежесть, повседневность, современность, когда на смену одним словам приходят другие, ты отдаешь их нам.

А хоть с некоторыми словами ты, правда, расстаешься и с большой грустью (красноармеец, буденовка), можешь быть спокоен за них — мы их храним бережно и с любовью».

И тут Неологизму стало ясно, к кому переходят его некоторые слова (*рупор*, *граммофон*), принадлежавшие когда-то ему. Он хотел что-то сказать в свое оправдание, но его перебил Архаизм: «Мы на тебя, добрый молодец, не

в обиде. К тебе слова как приходят, так и уходят, а у нас есть слова, которые тебе не принадлежат (*уста, очи, перст, ланиты*). Но ведь они тебе и не нужны, у тебя взамен этих есть другие. Своими словами я разрешаю иногда пользоваться поэтам и писателям, а мой друг Историзм со своей семьей, вообще, помогает писателям отражать разные исторические события».

Долго разговаривали три жителя страны Лексикологии и расстались хорошими и добрыми друзьями.

НАШИ КОРАБЛИ

Жил-был на свете Корабль. Сначала он был маленький, парусный и плыл туда, куда хотел ветер. Ему приходилось бороться с бурями и штормами. Потом люди сделали ему мотор и пустили в океан. Он был счастлив и думал, что нет в мире сильнее его, красивее корабля. И всех он спрашивал: «Есть ли на свете другой такой корабль?». И все смотрели на него с уважением. Один раз он увидел на площадке напротив океана неизвестную ему машину. Она была большая, похожая на треугольник, одним концом устремленная в небо. Корабль решил познакомиться. И каково было его удивление, когда и новый знакомый оказался тоже кораблем. «Не может быть! — удивился Корабль и, подумав, добавил. — Разве ты такой же быстрый, как и я?». Новый знакомый не стал спорить с ним. Он взмыл в небеса, и его вскоре не стало видно. «Вот это да-а-а!» — воскликнул наш Корабль. В его голосе слышались теперь нотки уважения к новому знакомому. Когда тот вернулся, возбужденно работая мотором после полета, наш Корабль первый предложил дружбу и сказал: «Теперь нас двое. Мы оба братья: я — морской, ты — космический! И у тебя тоже свой океан — воздушный океан. И чем сильнее каждый из нас и мы с тобой вместе, тем сильнее любимая Родина, надежнее „спокойствие наших границ“».

Обработка И. М. ПОДГАЕЦКОЙ

НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ

На вопросы читателей «Русской речи» отвечает член-корреспондент АН СССР, профессор Московского государственного университета, лауреат Государственной премии СССР Р. И. Аванесов.

Наша читательница Е. П. Мигачева из Куйбышева спрашивает, почему мы говорим и пишем *пальцы*, но *щупальца*?

В русском языке есть слово *щупальце*, хотя в единственном числе оно редко употребляется. От него правильно образуется множественное число *щупальца* (оконце — оконца, полотенце — полотенца). Другое дело *пальцы* — слово мужского рода *палец*. Итак: щупальце — щупальца, но палец — пальцы.

Произношение *щупальцы*, *полотенцы*, а также *ведры*, *окны*, *сёлы*, *сёдлы* с [ы] относится к просторечию, диалектам средней полосы и юга. Однако в XIX веке такое произношение было свойственно и литературному языку. Это отразилось и в произведениях писателей XIX века, например у Пушкина.

Читатель из Вологды В. П. Шекин предлагает принять ряд фонетических написаний: писать некоторые слова так же, как мы произносим: *мущина*, *вышний*. Это предложение неприемлемо: мы читаем глазами, схватывая сразу морфемы, слова и даже большие отрезки текста. Поэтому единство в написании каждой морфемы, каждой значащей части слова очень важно. Мы пишем *вышний* с буквой *с*, потому что здесь корень *выс-*, как в слове *высокий*, *низший* с буквой *з*, так как здесь корень *низ-*, тот же, что в словах *низкий*, *низок*, *низость*. Мы пишем *мущина*, потому что в этом слове корень *муж-*. Написание *вышний*, *мущина* затрудняло бы чтение, так как не связывало бы зрительный образ написанного слова с корнями *выс-*, *муж-*.

В. П. Преображенская из Костромы против немотивированного употребления двойных согласных в словах типа *суббота, аллея*.

Можно прибавить много других случаев как бы неоправданного написания двойных букв. Вот несколько наудачу взятых слов: коллекция, профессор, ассамблея, дрессировать, корректор, комментарий, ипподром. Во всех приведенных словоформах двойной согласный в произношении отсутствует. Вероятно — когда это

ПРИЗЫ «РУССКОЙ РЕЧИ»

I Всесоюзная студенческая олимпиада «Студент и научно-технический прогресс» была организована ЦК ВЛКСМ совместно с Министерством

Выступает министр высшего и среднего специального образования СССР член-корр. АН СССР В. П. Елютин

высшего и среднего специального образования СССР. В ней приняли участие более 800 тысяч студентов высших учебных заведений страны (в их числе и иностранные студенты, обучающиеся в советских вузах).

Главные задачи Олимпиады: развитие любознательности, навыков самостоятельной работы, выявление творческих способностей и широкое вовлечение студентов в научно-техническое творчество.

На заключительном туре Олимпиады (начало 1974—75 учебного года) 538 юношей и девушек из 150 вузов страны показали прочные знания по предметам, широту кругозора. Победители тура вышли в финал. Результаты финальных срезов определили личные и командные призовые места.

25 октября 1974 года во Дворце культуры МГУ имени М. В. Ломоносова состоялось торжественное собрание участников Олимпиады. Зал заполнили студенты и победи-

будет узаконено — мы будем писать эти и подобные им слова с одной согласной буквой.

Некоторые слова стихийно стали писаться с одной согласной. Так, еще недавно писали с двумя согласными *коридор, адрес*. Сейчас мы их пишем с одной согласной в соответствии с произношением.

Однако надо помнить, что орфография — социальный институт. Изменение, усовершенствование орфографии может быть произведено только по предложению Академии наук СССР.

ХРОНИКА

тели Олимпиады, в президиуме заняли свои места члены Коллегии Министерства высшего и среднего специального образования СССР, члены ЦК ВЛКСМ, члены оргкомитета Всесоюзной олимпиады, виднейшие ученые страны, среди которых трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий директор Института атомной энергии имени И. В. Курчатова академик А. П. Александров, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий академик А. Н. Колмогоров, лауреат Ленинской премии член-корреспондент АН СССР С. Г. Бархударов, ректор Московского физико-технического института член-корреспондент АН СССР О. М. Белоцерковский, член-корреспондент АПН СССР И. Ф. Протченко и другие.

Перед участниками торжественного собрания с докладом «Современные задачи высшей школы в дальнейшем

развитии научно-технического прогресса страны» выступил Министр высшего и среднего специального образования СССР член-корреспондент АН СССР В. П. Елютин. В докладе он отметил, что в высших и средних специальных учебных заведениях Советского Союза учатся более девяти миллионов человек и на тысячу работающих приходится 62 специалиста. В осуществлении величественной программы построения коммунистического общества в нашей стране значительная роль принадлежит советской науке. В высшей школе сейчас работают 378 тысяч научно-педагогических работников, примерно одна треть всех научных работников страны. «Светский студент, — подчеркнул В. П. Елютин, — первым получает научную информацию от создателей отечественной науки. В современных условиях наши вузы стремятся выпускать специалистов широкого профиля, что означает фундаменталь-

Президиум I Всесоюзной студенческой олимпиады. На трибуне Герой Советского Союза летчик-космонавт В. Н. Кубасов

ную общетеоретическую подготовку учащихся, развитие их творческой деятельности. Этому непосредственно содействовала I Всесоюзная олимпиада „Студент и научно-технический прогресс“.

После нескольких выступлений участников собрания состоялось вручение наград победителям Всесоюзной олимпиады. Общекманное I место и звание победителя Олимпиады с вручением диплома лауреата получила команда города Москвы, II-е — Ленинграда, III-е — Украины. Затем были вручены награды студентам, занявшим первое личное и командное место в Олимпиаде по предметам. Занявшему первое место вручался диплом, медаль лауреата, лавровый венок.

Членам команды-победительницы — диплом, медаль лауреата. Награды вручали видные ученые страны. Так, кризы победителям по русскому языку и литературе вручил лауреат Ленинской премии член-корреспондент АН СССР С. Г. Бархударов.

Были вручены и специальные призы газет и журналов за оригинальное выполнение определенных заданий. Журнал «Русская речь» (главный редактор академик В. И. Боровский) за отличное знание русского языка наградил специальным призом — книгами известных языковедов с дарственными надписями — студенток из союзных республик: Али-заде Антигу Джалил-кызы (Азербайджанский государственный университет

имени С. М. Кирова) и Низаметдинову Ильмиру Иммамовну (Самаркандский государственный педагогический институт имени С. Айни). Приз вручил заместитель главного редактора журнала «Русская речь» член-корреспондент АПН СССР И. Ф. Протченко.

Мы побеседовали с Ильмирой Низаметдиновой и Антигой Али-заде. Обе они очень любят русский язык, прекрасно владеют им. Ильмира, студентка III курса филологического факультета, увлекается проблемой словообразования, по этому вопросу она писала курсовую работу и думает в дальнейшем отдать предпочтение лингвистике. Это не мешает ей любить мятежную поэзию М. Ю. Лермонтова и из советских поэтов — М. Светлова за то, что его лирический герой — «неисправимый романтик», что юмор, ирония, улыбка пронизывают все его творчество. А Антиге Али-заде, студентке V курса из Баку, ближе литературоведение: ее интересует художественный метод советских писателей. Среди любимых пи-

сателей она назвала Мирзу Ибрагимова, Самеда Вургуня, Михаила Шолохова, Евгения Евтушенко. Обе студентки тепло отозвались о журнале «Русская речь». «Ваш журнал очень помог мне в подготовке к Олимпиаде, в нем много таких материалов о словообразовании, этимологии слов, которые трудно найти где-нибудь», — сказала Ильмира Низаметдинова. Особенно понравились ей статьи, посвященные 250-летию Академии наук СССР, в которых систематизированы достижения лингвистической науки. Антига Али-заде сказала, что она всегда с интересом читает раздел «Язык художественной литературы» и во время своей педагогической практики часто использовала материалы «Русской речи». И Антига, и Ильмира выразили горячую благодарность своим преподавателям за то, что они привили им любовь к русскому языку и литературе. Они сказали, что приз «Русской речи» им очень дорог и что эти книги они будут хранить всю жизнь.

М. А. ГАЛМАНОВА

Новая книга

В русской литературе героическая тема занимает ведущее место. От «Слова о полку

Игореве» до советских произведений последнего времени писатели работали над этой темой. Обобщающих работ, посвященных становлению и

развитию героической темы в русской литературе, еще не было. Теперь такая работа появилась: Это книга А. И. Кузьмина «Героическая тема в русской литературе», выпущенная издательством «Прогресс» (М., 1974) в качестве пособия для учителя.

Военно-патриотическая тема в книге исследуется на большом и интересном материале древнерусской литературы, произведений русских писателей XVIII—XIX веков — Ломоносова, Державина, Радищева, Батюшкова, Крылова, писателей-декабристов и других. Отдельные главы посвящены анализу героической темы в творчестве Лермонтова, Некрасова, Л. Толстого.

На различных этапах развития русской литературы менялись поэтические средства, которыми пользовались писатели для изображения героического. Большое место в книге уделено анализу языковых средств. Гипербола, олицетворение, метафоры, эпитеты и параллелизм произведений древнерусской литературы постепенно меняются к XVIII веку. Автор рассказывает о поэтических средствах, которые употребляли Ломоносов, Державин и другие поэты XVIII века для создания картины битвы.

Новая эпоха в изображении героического начинается с поэзией Пушкина: «Пушкин требовал приближения литерату-

ры к жизни народа, к использованию всех богатств его поэтической образности и языка»; «...в освещении героической темы он обобщил весь предшествующий опыт русской литературы и открыл громадные перспективы для последующих писателей» (стр. 221).

В книге показано, что внесли в развитие героической темы Лермонтов, Некрасов и Л. Толстой. «Язык Толстого,— пишет А. И. Кузьмин,— представляет дальнейшее развитие языка Пушкина, с его точностью и ясностью выраженной мысли, где все верно, просто и ничего лишнего». И далее: «Великий писатель был против нарочитой картинности стиля, вычурных эпитетов и сравнений. В „Воине и мире“ широко и глубоко представлено богатство русского языка по лексике, по синтаксису, по поэтическим метафорам и эпитетам» (стр. 299).

В книге рассказывается также о том влиянии, которое оказали русские писатели на литературу социалистического реализма.

Книга А. И. Кузьмина написана популярным языком и читается с большим интересом. Она необходима учителям-словесникам, студентам — филологам и историкам, всем, кто любит и изучает русский язык и историю русской литературы.

Ю. Ф. ХАУСТОВА

● В ГОРОДЕ КАМНЕ-КАШИРСКОМ ИЛИ КАМЕНЬ-КАШИРСКОМ?

Читатели Н. Н. Северин (Одесская область), В. А. Целовальников (Ворошиловград), М. А. Каландаров (Дагестанская АССР) и другие интересуются склонением сложносоставных географических названий.

Сложносоставные географические наименования (топонимы) склоняются неодинаково, в зависимости от нескольких причин. Самые важные из них — происхождение топонима и синтаксическая функция, в которой наименование используется.

Если топоним представляет собой русское или давно освоенное название, в косвенных падежных формах обе части должны склоняться: *в Петропавловске-Камчатском, Камне-Каширском, Переславле-Залесском, Дмитриеве-Львовском, Владимире-Волынском, Могилеве-Подольском, Юрьеве-Польском*. То же самое и в конструкциях «топоним на реке»: *в Ростове-на-Дону, к Николаевску-на-Амуре, из Красного-на-Волге, возле Камня-на-Оби*.

Не склоняется первая часть лишь у наименований с тесно спаянными элементами названия, таковы топонимы с первой частью *Спас-*: Спас-Заулок, Спас-Клепики, Спас-Угол; *Усть-*: Усть-Лабинск, Усть-Воркута, Усть-Илим, Усть-Уса; *Соль-*: Соль-Илецк, Соль-Вычегодск. Не склоняется также первая часть топонимов, имеющая морфологическую примету среднего рода: *из Ликино-Дулева, к Орехово-Зуеву, под Юрьеве-Девичьем*.

Утрата склонения первой части произошла и в сочетаниях с постановкой топонима перед нарицательным родовым определением. Слитность названий в таком сочетании приближает его к цельнооформленному сложному слову: *к Ильмень-озеру, возле Медведь-горы, под Сапун-горой, за Иван-городом*. Особый разряд составляют сочетания со словом *река*. И первую, и вторую часть таких наименований следует склонять: *за Москвой-рекой, вниз по Волге-реке, над Амуром-рекой*. Однако в разговорной речи встречаются случаи несклоняемости первой части этих сочетаний:

у Москва-реки, за Урал-рекой. Такое словоупотребление не соответствует традиционной письменной литературной норме.

Иные правила употребления сложились у иноязычных составных наименований. Первая часть таких названий склоняется только в конструкции «топоним на реке»: *во Франкфурте-на-Майне, из Стратфорда-на-Эвоне, к Шведту-на-Одере*. В остальных же случаях первая часть иноязычных названий не склоняется: *в Йошкар-Оле, из Алма-Аты, к Санта-Марте, к Буэнос-Айресу, на Кум-Даге, из Небит-Дага, в Ланг-Коне, под Кизыл-Арватом, возле Нарьян-Мара, к Нам-Диню, из Карл-Маркс-Штадта*. Более того, некоторые составные наименования обнаруживают тенденцию к неизменяемости обеих частей: «Свободная Куба одержала первую победу над интервентами. Грохот боев на *Плайя-Хирон* и *Плайя-Ларге* услышал весь мир» («За рубежом», 1961, № 7); «Обнародованы результаты соревнований горнолыжников в Шамруссе, саночников и бобслеистов в *Вилар-де-Лан*» («Известия», 9 февраля 1968); «Перед отъездом в Европу я заехал проститься с Нерудой в его дом в *Исла-Негра* на берегу океана» («Правда», 2 апреля 1973). Полностью неизменяемы сложносоставные наименования из разряда иноязычной городской номенклатуры со второй частью *-стрит, -сквер*: на Юнион-сквер, возле Вашингтон-сквер, по Тулар-стрит, с Оксфорд-стрит.

Синтаксическая функция приложения, в которой очень часто используется топоним, сильно влияет на характер его употребления. В контексте в этом случае чаще всего приводится исходная неизменяемая форма названия. Так, иноязычное составное наименование обычно не склоняется, если оно употреблено со словами *город, местечко, деревня, станция, порт*: к городку Санта-Нинфа, в городе Санта-Крус, у деревни Ким-Бой. «Синоптиков обрадовали сообщения из труднодоступных *станций Харан-Куль и Майхуры*» («Правда», 25 января 1974).

Если в функции приложения употреблено русское или давно освоенное название, по традиционным грамматическим нормам, его следует согласовывать с нарицательным географическим термином, то есть склонять: храм в *селе Никольском-Архангельском*; строительство в *городе Петропавловске-Камчатском*; в *городе Белгороде-Днестровском*, житель из *города Камня-на-Оби*. Однако в отдельных случаях, особенно когда внешняя форма названия и род обобщающего слова не совпадают, удобнее название оставить в исходной форме: в *селе Слобода-Комаровцы, возле города Великие Луки, к селу Красные горки, от села Красные станки, в поселении Долгий Мост*.

Под влиянием профессиональной и разговорной речи тенденция к несклоняемости географических названий в функции при-

ложения усилилась. В разных жанрах письменной речи такое употребление широко распространилось на все морфологические типы составных наименований, если названы малоизвестные населенные пункты типа *станция, усадьба, деревня, село*: «Двенадцать километров отделяют *усадьбу Рай-Семеновское от станции Шараново-Охота* Курской железной дороги» (Ильин. Подмосковье); «Парковый павильон *в усадьбе Знаменское-Раек, XVIII в.*» (От Валдая до Старицы); «Петру Федоровичу Беляеву, живущему *в селе Ново-Петровцы* Киевской области, исполнился 101 год» («Труд», 12 ноября 1971).

Л. К. Граудина

● АНАТОМИРОВАТЬ... ГОЛОС

Ю. Е. Котов из Ленинградской области, встретив в газетах «Ленинградская правда» и «Смена» (6 февраля 1973) сочетание *анатомировать голос*, усомнился в возможности такого употребления глагола *анатомировать*.

Словосочетание *анатомировать голос*, конечно, привлекает внимание читателя. С целью большей выразительности высказывания оно и употреблено авторами в этом отрывке: «Серийный выпуск прибора, способного исполнять функцию „преподавателя пения“, начали производственники ленинградского опытного завода „Буревестник“, *Анатомируя голос* человека на экране электронно-лучевой трубки, это устройство позволяет артисту „видеть“ свой голос, совершенствовать вокальную технику» («Ленинградская правда»). Элемент экспрессивного воздействия, который заложен в сочетании *анатомируя голос*, неодинаково воспринимается читателем. Ю. Е. Котову, в частности, такое употребление слова *анатомировать* показалось недопустимым.

Прежде всего посмотрим, можно ли найти подобные примеры. Оказывается, метафорическое употребление глагола *анатомировать* существовало еще у писателей XIX века, и в Картоотеке Словарного сектора Института языкознания АН СССР (Ленинград) есть ряд цитат, в которых этот глагол встречается в таких, например, сочетаниях: *анатомировать* каждую крошку горя (Лермонтов); *анатомировать* труд (Некрасов); *анатомировать* природу человеческую (Белинский); *анатомировать* душу (Достоевский); композитор Бородин пишет: «Лист заставил меня петь и объяснять ему текст, а сам аккомпанировал, *анатомируя* затем гармонию и даже декламацию» (Бородин. Мои воспоминания о Листе, июнь — июль 1878).

Это было время, когда естественнонаучная терминология активно проникала в общее употребление вместе с научными идеями.

В советскую эпоху, когда, скажем, создавался «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940), ориентированный на современное словоупотребление, подобных материалов не было. Этот словарь, а вслед за ним «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (I изд., 1949) и «Словарь русского языка» в 4-х томах (1957—1961) ограничивают описание слова *анатомировать* только прямым значением: 'вскрыть (вскрывать) труп для научных или судебно-медицинских целей'. Это словари малого и среднего объема, в задачи которых не входило подробное описание всех употреблений слов. А в «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах на основании материалов из классической литературы XIX века при отсутствии современных примеров отмечен в слове *анатомировать* смысловой сдвиг: *анатомировать*. 1. Вскрыть труп, разделять его на части (для исследования). 2. Устар. Переносно: анализировать, разбирать.

Следует обратить внимание на то, что 17-томный Словарь отмечает в определении основного значения слова признак «разделять на части» (для исследования), который не учитывается названными выше словарями меньшего объема. Это важный признак. И не только потому, что непосредственно связывает глагол с этимологическим значением слова *анатомия* (греческое *anatomia* 'разрезывание'). Этот признак служит основанием для метафорических употреблений, распространяющих действие на другие предметы, строение, структуру которых можно расчленять, анализировать. Глагол *анатомировать*, таким образом, связывается с существительными других семантических разрядов.

Можно думать, что забытое в первые послереволюционные десятилетия переносное употребление глагола *анатомировать* — 'анализировать, разбирать' вновь оживает. В упомянутой Картотеке Словарного сектора современных материалов еще немного, но и они подтверждают, что словосочетания типа *анатомировать голос* не одиноки и в наше время: «Автор анатомирует механизм военной машины США» («Известия», 29 октября 1968); «Анатомируя природу пьянства, наши авторы назвали ряд весомых, с их точки зрения, причин» («Комсомольская правда», 18 февраля 1970). Для нового академического словаря, составление которого планируется в Словарном секторе, это важный материал, тем более, что пополнение Картотеки продолжается и возможность обогащения ее новыми употреблениями не ограничена.

Возможно, что Ю. Е. Котову показалось неприемлемым словосочетание *анатомировать голос* еще и потому, что он не пытался провести аналогию с другими словами, сдвиги в значениях которых происходят через образные и иные употребления в речи и тоже сначала кажутся недопустимыми. Например: бомбардировать

письмами, телеграммами, вопросами; акклиматизироваться в землянке, на корабле, в чужой семье, на фронте; аккумулировать опыт, идеи, события, знания; аккомпанемент боя, грозы и т. д.

Е. Н. Толикина

● МАЭСТРО

А. И. Рязанцева из Липецкой области спрашивает, что означает слово *маэстро*, которое она слышала по радио в музыкальной передаче.

Сравнительно малоупотребительное сейчас слово *маэстро* в XIX и начале XX века было распространено довольно широко, особенно в Западной Европе. *Маэстро* буквально значит 'мастер'. Слово это в русский язык пришло из итальянского (*maestro* — 'учитель, мастер') предположительно в начале XIX века, пишется и произносится *маэстро*. Иногда, правда, мы встречаем и написание *маэстро*. (в Толковом словаре В. Даля). Итальянскому *maestro* соответствуют французское *maître*, немецкое *Meister*. Все эти слова восходят к греческому *magistor*, и в эти языки вошли через греческий *magistras*, а затем латинский — *magister* 'учитель, педагог, наставник, воспитатель, руководитель'. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово *маэстро* дается с пометой «книжное».

Какие же значения имеет слово *маэстро*?

Прежде всего, это почетное наименование, название крупного композитора, музыканта. Маэстро называют и крупных, видных деятелей других областей искусства: художников, поэтов, писателей. «Все, что было существенного и жизненного в поэзии Державина, Жуковского и Батюшкова,— все это присутствовало в поэзии Пушкина, переработанное ее самобытным элементом. Пушкин был прямым наследником поэтического богатства этих трех маэстро русской поэзии...» (В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина).

Слово *маэстро* может служить обращением к дирижеру, композитору, музыканту, художнику: «Маэстро!.. Вам придется скоро сочинить торжественную кантату» (Тургенев. Дворянское гнездо). В Италии *маэстро* называют капельмейстера, руководителя хора (*maestro di capella*), преподавателя по классу того или иного инструмента (*maestri secolari*). В некоторых странах *маэстро* — звание, которое присваивалось выдающимся шахматистам.

Следует сказать, однако, что сфера употребления этого слова в настоящее время невелика, может быть, она сужается. Об этом

говорит хотя бы такой факт: шахматистов теперь чаще называют *гроссмейстер*, а не *маэстро*.

Что же касается применения слова *маэстро* в области искусства, то и здесь мы встречаем чаще выражения «выдающийся дирижер», «знаменитый художник или музыкант». Однако в ряде книг, посвященных музыке, музыкантам, в устной речи, а также при обращении к деятелям искусства мы слово *маэстро*, правда, не часто, но встречаем. Так, например, в беседе с народным артистом РСФСР В. А. Канделаки, опубликованной в еженедельнике «Говорит и показывает Москва» (1974, № 14), на вопрос корреспондента «Кто ваш любимый композитор?» В. А. Канделаки ответил: «Пуччини... Из русских классиков Чайковский, Мусоргский... Из советских композиторов — Кабалевский, Хренников, И. Дунаевский... Я считаю его нашим Штраусом. Ну и, конечно, вечно юные маэстро классической оперетты».

Слово *маэстро* входит также и в названия музыкальных произведений, так, оперетта болгарского композитора Райчева называется «Молодость маэстро».

В. С. Филиппов

● ПЛАСТУНЫ

«В русском языке есть выражение *ползти по-пластунски*. Что оно означает? Кто такие пластуны?» — спрашивает юрист Е. Т. Филатов из Москвы.

Русские наречия — своеобразная копилка многих устаревших и вышедших из употребления существительных, прилагательных и других частей речи. Так, *вдребезги* — бывшее сочетание *в дребезги*, где *дрезг* — «осколок, черепок»; «щепка» («Русская речь», 1974, № 1); *втуне* — *в туне*, где *тунь* — «бесплатный»; «безвозмездный»; «напрасный» (ср. *тунядец*); *начеку* — *на чеку*, где *чек* «стража; ожидание». Многие из таких наречий могут сочетаться лишь с ограниченным количеством глаголов, то есть образуют устойчивые сочетания: *разбить вдребезги*, *быть начеку*.

К такому типу выражений и относится сочетание *ползти по-пластунски*, хранящее в себе название одной из забытых профессий — *пластунь*. Это название можно установить из современного языка методом аналогии, подобно тому, как из сочетания *разбить вдребезги* мы извлекли ископаемое слово *дрезг*. Ведь в нашем языке найдется немало наречий, образованных именно по «профессиональной» модели: солдат — по-солдатски; рыбак — по-рыбацки; рыцарь — по-рыцарски; драгун — по-драгунски. Значит, могли быть и *пластуны*, которые *ползали по-пластунски*.

Языковая модель нас не обманула: пластуны действительно существовали. О них даже писал Лев Толстой в «Севастопольских рассказах»: «По улице встречаете вы и обгоняете команды солдат, пластунов, офицеров»; или: «Пластуны покрыли себя славой в Севастопольскую кампанию». Довольно простой лингвистический анализ, таким образом, показал нам, что речь идет о военной специальности.

Для исчерпывающего ответа необходимо обратиться к истории казачьего войска Новой запорожской (кубанской) сечи (А. Скальковский. Пластуны.— Газ. «Русский инвалид», 1855, № 183). Это войско делилось на 38 куреней — военных станов. Один из них назывался Пластуновским. В него каждый курень был обязан отряжать хотя бы по одному казаку. Если сечи грозила опасность, то для службы в Пластуновском курене вызывались добровольцы или же выделялись самые опытные и способные воины. Казаков этой особой сторожевой, разведывательной команды и называли пластунами. Они сутками просиживали в камышах, терпеливо следя за действиями противника. За способность «лежать пластом» в течение длительного времени их, вероятно, так и прозвали — пластунами.

А. Скальковский, историограф казачьего войска, выдвигал в прошлом веке и другую гипотезу — о связи слова *пластун* с польским *plaz* 'змея' и родственным с этим словом глаголом *ползать*. Такая этимология, однако, не кажется достоверной: переход **плазун* в *пластуна* фонетически трудно аргументировать. *Пласт*, *распластываться* — вот слова, родственные названию казачьей профессии. Об этом свидетельствуют и выражения *лежать пластом*, уральское *на пласту лежать* 'лежать неподвижно' или народное *виснуть пластью*, известное нам по сказке П. П. Ершова «Конек-Горбунок»: «Кобылица молодая... виснет пластью надо рвами...». *Виснуть пластью* здесь значит 'неподвижно парить над землей' (вытянувшись, распластавшись — пластом).

Но вернемся к истории пластунов. В период создания казачьего войска Новой запорожской сечи Пластуновский курень был самым большим: угроза татарских набегов требовала хорошо организованной дозорной и разведывательной службы. С уменьшением этой угрозы уменьшалось и число пластунов. В 1770 году, как сообщает А. Скальковский, их было уже около 260 человек — гораздо меньше, чем в других куренях. Наконец, после разгрома Ногайской орды пластунами числились лишь те кубанские казаки, которые дали обет постоянной пограничной службы и не обзавелись семьями и землей, как их товарищи. В 1820 году это название узаконилось за разведывательными казачьими командами, были созданы пластунские батальоны. Они-то, черноморские

пластунские батальоны, и принимали участие в героической обороне Севастополя в 1854—1855 годах, и были описаны Л. Толстым в «Севастопольских рассказах».

Суворов называл казаков «глазами и ушами армии». Пластуны же были, в свою очередь, глазами и ушами казачьего войска. Выражение *ползти по-пластунски* — маленький и скромный, но зато долговечный и живой памятник этой, одной из самых героических профессий наших прадедов.

В. М. Мокиенко

● ГИДРОНИМ И ПСЕВДОНИМ

Товарищ Митюшина из Жданова спрашивает, как правильно ставить ударение в словах типа *гидроним, топоним, этноним*.

В русском языке есть небольшая группа слов с конечной частью (финалью) *-ним*. Одни из этих слов представляют собою заимствования из классических языков, другие — новообразования, созданные в русском языке на основе элементов иноязычной лексики.

Ударение в группе слов на *-ним* формировалось под влиянием, с одной стороны, греческого ударения, с другой — французского, поскольку многие заимствования передавались ранее через посредство французского языка (А. В. Суперанская. Ударение в заимствованных словах. М., 1968). Результатом этого явились колебания ударения, отмечаемые в этой группе слов на протяжении более ста лет. Кроме иноязычных влияний, причиной неустойчивости ударения в словах на *-ним* является тенденция развития ударения в самом русском языке. Последнее обстоятельство можно рассматривать сейчас как наиболее существенное.

В современном русском языке наблюдается совершенно очевидная тенденция к постановке ударения в этой группе слов, как и в ряде других подобного образования, на втором слоге от конца. Это относится прежде всего к новым словам, но в некоторых случаях изменяются и установившиеся ударения: старое *омоним, синоним* и современное *омбним, синобним*, новое слово *антобним*.

Слова, о которых спрашивает читательница, относительно новые лингвистические термины. Это обозначения определенных единиц из различных областей ономастики (отдела языкознания, изучающего собственные имена) — топонимики, гидронимики, антропонимики и др.: топоним, гидроним, этноним, антропоним, пароним, ороним, урбоним, зооним, космоним.

Словарями литературного языка эти термины не зафиксированы, так что нормы их произношения четко не определены. В про-

изношении специалистов имеет место и то и другое ударение (на втором от конца слоге и на конечном). В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой (М., 1966) слово *андроним* «личное имя (фамилия) женщины, произведенное от имени (фамилии) мужа» имеет ударение на гласном *о* — *андр^оним*, а *эпоним* «лицо, от имени которого произведено название народа, местности и т. п.» — на *-ним* — *эпо^ним*.

По мнению А. В. Суперанской, в языковедческих терминах — *антоним*, *омоним*, *синоним*, *пароним*, *гидроним*, а также в словах *астроним* и *этноним* ударение должно укрепиться на втором от конца слоге. Слова более общего характера, не принадлежащие к данному кругу лексики, — *аноним*, *псевдоним*, должны остаться с ударением на конце. Такое предположение следует признать правильным. При этом имеет значение не только существующая практика произношения (ударение на втором от конца слоге здесь преобладает), но и результаты сопоставления имен на *-ним* в отношении ударения с другими, сходными по структуре.

Само направление изменения ударения — от общих колебаний до определенной его «специализации» (закрепленностью за словами с тем или иным значением) — присуще не только именам существительным на *-ним*, но и ряду других имен с четко выделяемой финальной частью — *-метр*, *-лог*, *-граф*. В этом нельзя не видеть, как кажется, проявления общих языковых закономерностей. Две группы слов на *-метр*, неоднородные по значению, — названия единиц измерения (сантим^етр, децим^етр, килом^етр, кубом^етр) и названия приборов (баром^етр, спидом^етр, арифмом^етр), имеют разное место ударения: первые на *-метр*, вторые — на гласном *о* или *и*, предшествующем части *-метр* (если такой гласной нет, то ударение стоит на *м^етр*: амперм^етр, вольтм^етр).

Такое разграничение сложилось сравнительно недавно. Еще «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова для многих названий приборов давал двоякое ударение: гипс^ом^етр, динамом^етр, фотом^етр. В XIX веке для этих слов закономерным было ударение на *-м^етр*: «Будь меньше слез, а боле смеха; Будь всё на ясном баром^етр!» (Вяземский. 1828 год).

В именах на *-лог* и *-граф* с помощью ударения различаются названия лиц по профессии (археолог, геолог; библиограф, географ) и другие обозначения (не лиц): каталог, некролог, монолог. Литературный язык XIX века такой возможности этим именам не предоставлял: «...Хирург, юрист, физиолог, Идеолог и филолог...» (Пушкин. Послание Дельвигу); «...В России, под великим штрафом, Нам каждого признать велют Историком и географом!» (Грибоедов. Горе от ума).

Отмеченные языковые закономерности можно рассматривать как объективные данные для нормализации ударения. Конечно, не везде подобные закономерности прослеживаются в одинаковой степени четко, но они все же имеют место и направляют акцентное развитие. Так, в именах на *-ним*, являющихся обозначением различных ономастических единиц, сейчас возможно двойное ударение. Логика языкового развития приведет, очевидно, к закреплению ударения на втором слоге от конца: гидр**о**ним, топ**о**ним. Это будет способствовать более четкому выделению данной терминологической группы.

В. Л. Воронцова

ПРАКТИКУМ ПО СТИЛИСТИКЕ

«ПАМЯТЬ ДЕРЕВНИ» В ЛИРИКЕ С. ЕСЕНИНА

Окончание. См. стр. 116.

Той же «памятью деревни»,
преданной любовью ко всему,
что связывало С. Есенина с
родной для него стихией на-
родной речи, можно объяс-
нить появление в лирике всех
периодов разговорно-просто-
речных форм, например:

«А вечером, когда куры
Обсиживают песток,
Вышел хозяин хмурый
Семерых всех поклял в мешок».

Песнь о собаке. 1915

Или смешение паронимов —
слов, ошибочно сближенных
на основании сходства звуча-
ния или морфемного состава,
например:

«Вот и опять у лежанки
я греюсь,
Сбросил ботинки, пиджак
свой раздел.
Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве,
на лучший удел».

«Снежная замать дробится
и колется...». 1925

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРШКОВА,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,
В. А. ЕРЕМИН, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, Л. М. ЛЕОНОВ,
А. И. ОВЧАРЕНКО, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора),
Л. И. СКВОРЦОВ, Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Ответственный секретарь О. А. ХАМИЦАЕВА

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2

Телефон: 202-65-25.

Зав. редакцией Т. С. Колмакова

Художественный редактор Т. А. Михайлова

Корректоры В. В. Беляев, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 12/ХІІ-1974 г. Подписано к печати 25/ІІ-1975 г. Т-04233
Тираж 65 000. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 8,4. Бум. л. 2,5.
Уч.-изд. л. 9,7. Зак. 1459.

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10

РУССКАЯ ФИЛИГРАНЬ

Воспроизводимая филигрань принадлежит бумажной фабрике Павла Григорьевича Щепочкина, купившего ее у князя Волконского в 1799 году. Фабрика расположена в Медынском уезде Калужской губернии, недалеко от села Кондрово. Уже в 1800 году появилась бумага с филигранью Щепочкина. Знак представлял собой гербовый щит под короной, на котором вензель «ПЩ» (Павел Щепочкин), ниже на листе — «МУБФ» (Медынского уезда бумажная фабрика), еще ниже — дата отлива бумаги — 1800 год.

Мы публикуем знак 1802 года, который повторяет знак 1800 года, за исключением даты отлива бумаги. П. Щепочкин ставил на своей бумаге разнообразные знаки, например, вензель «ПЩ» на гербовом щите под короной встречается также в сочетании с литерами «МУСК» (Медынского уезда село Кондрово) и знаком Pro Patria. (Подробнее

о знаке Pro Patria см. «Русская речь», № 4, 1974.)

После смерти П. Г. Щепочкина фабрика по наследству перешла его дочери Елене. В 1830-х годах Елена Павловна продала фабрику английскому подданному В. О. Говарду, скупившему ряд фабрик в Калужской губернии и организовавшему в 1858 году акционерное общество «В. Говард и К^о».

Продолжение следует

